

Скотт В.

ПИРАТ

Вальтер Скотт

Пират

«Алисторус»

1822

УДК 821.111
ББК 84(4Вл)

Скотт В.

Пират / В. Скотт — «Алисторус», 1822

ISBN 978-5-486-03952-2

Вальтер Скотт (1771–1832) – английский поэт, прозаик, историк. По происхождению шотландец. Создатель и мастер жанра исторического романа, в котором он сумел слить воедино большие исторические события и частную жизнь героев. С необычайной живостью и красочностью Скотт изобразил историческое прошлое от Средневековья до конца XVIII в., воскресив обстановку, быт и нравы прошедших времен. Из-под его пера возникали яркие, живые, многомерные и своеобразные характеры не только реальных исторических, но и вымышленных персонажей. За заслуги перед отечеством в 1820 г. Скотту был дарован титул баронета. В данном томе публикуется роман «Пират». В основу сюжета книги положена история о дерзком пирате, который в течение длительного времени наводил ужас на мореплавателей в северных водах, и любви молодой знатной шетлендки, которая осталась верна памяти пирата и после его смерти.

УДК 821.111

ББК 84(4Вл)

ISBN 978-5-486-03952-2

© Скотт В., 1822

© Алисторус, 1822

Содержание

Предисловие	6
Глава I	10
Глава II	16
Глава III	22
Глава IV	26
Глава V	38
Глава VI	48
Глава VII	56
Глава VIII	68
Глава IX	74
Глава X	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Вальтер Скотт Пират

© ООО ТД «Издательство Мир книги», 2011

* * *

Предисловие

Постой, корабль там был¹.

Эту строчку из «Старого моряка» вполне уместно поставить в начале настоящего краткого предисловия, ибо те весьма скудные знания и сведения о жителях Шетлендского архипелага и об окружающей их природе, которые автор попытался воплотить в романе «Пират», он приобрел именно во время морского путешествия.

Дело в том, что автор получил приглашение сопровождать особую комиссию службы северных маяков, которая летом и осенью 1814 года собиралась обойти морским путем берега Шотландии, посетив при этом и различные группы окружающих ее островов. Главной целью этой комиссии было ознакомиться с состоянием многочисленных маяков, находящихся в ведении службы, – сооружений необыкновенно важных как с общественной, так и с военной точки зрения. Среди лиц, привлекаемых к этой важной работе, находятся и шерифы всех приморских графств, являющиеся членами комиссии *ex officio*². Джентльмены эти ведут свою работу совершенно безвозмездно, однако в тех случаях, когда они считают нужным посетить тот или иной маяк, в их распоряжение предоставляют вооруженную яхту, хорошо оснащенную и снабженную всем необходимым. При комиссии в качестве советника по техническим вопросам состоит весьма опытный инженер, мистер Роберт Стивенсон³. Автор сопровождал настоящую экспедицию в качестве гостя, ибо хотя он и является шерифом Селкеркшира, но графство это, подобно королевству Богемия в истории капрала Трима⁴, не имеет морского порта, и поэтому высшее должностное лицо его не входит, само собой разумеется, в состав вышеупомянутой комиссии; обстоятельство это, впрочем, не имело большого значения, ибо все члены ее были старыми друзьями, близкими товарищами по профессии и всегда готовы были оказать друг другу любую услугу.

Важная работа, бывшая основной целью путешествия, имела немало приятных сторон, поскольку связана была с посещением мест, неизменно привлекающих внимание любознательного путешественника; ведь каждый пустынный мыс или опасный риф, который должен быть отмечен маяком, бывает обычно окружен весьма живописной картиной прибрежных скал, пещер и пенистых бурунов. Временем своим мы располагали совершенно свободно, и, так как большинство из нас умело ходить под парусами, мы в любую минуту могли превратить противный для нас ветер в попутный и пойти в фордевинд к какой-либо лежащей у нас с подветренной стороны и вызывающей наше любопытство цели.

Таким образом, с приятной надеждой сочетать общественную пользу с кое-какими развлечениями, мы вышли из Литского порта 26 июля 1814 года, обогнули восточный берег Шотландии, уделяя должное внимание различным его достопримечательностям, а затем проследовали к Шетлендскому и Оркнейскому архипелагам; там мы на некоторое время задержались из-за удивительных особенностей этих стран, где встретили много для себя нового. Осмотрев все, что было любопытного в Ultima Thule⁵ древних, где солнце в эту пору года вставало так

---

¹ Перевод Н. Гумилева.

² По обязанности (*лат.*).

³ Роберт Стивенсон (1772–1850) – крупный специалист по строительству и оборудованию маяков, дед знаменитого писателя Роберта Льюиса Стивенсона.

⁴ Капрал Трим, один из главных персонажей романа английского писателя Лоренса Стерна (1713–1768) «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» (1767), рассказывает (кн. VIII, гл. 19) историю о богемском короле, который «был несчастен оттого, что очень любил мореплавание и морское дело, – а случилось так, что во всем Богемском королевстве не было ни одного морского порта.

⁵ Отдаленный Туле (*лат.*).

рано, что, пожалуй, и вообще не считало нужным ложиться спать, мы обогнули крайнюю северную оконечность Шотландии и бегло осмотрели Гебридские острова, где мы встретили очень радушный прием. Затем, словно для того, чтобы придать нашей маленькой экспедиции некоторый ореол опасности, судьба позволила нам мельком увидеть вдали нечто весьма похожее, как утверждали, на американский крейсер. И, таким образом, мы получили возможность поразмыслить над тем, как бы мы выглядели, если бы нас забрали в плен и отвезли в Соединенные Штаты⁶. После посещения поэтических берегов Морвены и окрестностей Обана⁷ мы направились к берегам Ирландии, осмотрели Дорогу Гигантов⁸, чтобы иметь возможность сравнить ее с виденной нами по пути Стаффой. Наконец, примерно в середине сентября, мы завершили наше путешествие в устье Клайда, в порту Гринок.

Таким образом окончилось наше плавание, особенно приятное тем, что яхта была прекрасно оборудована и из экипажа ее (оставляя достаточное количество людей на борту) всегда можно было выделить команду для шлюпки; это давало нам возможность посещать берег во всех тех случаях, когда нас влекла к тому вполне естественная любознательность. Мысленно возвращаясь к этой радостной поре своей жизни, я не могу не добавить, что между шестью или семью друзьями, принимавшими участие в экспедиции, хотя им и пришлось не одну неделю провести вместе на небольшом суденышке и многие из них, несомненно, обладали весьма различными вкусами и наклонностями, ни разу не возникло ни малейшего спора или разногласия, ибо каждый всегда был готов подчинить свои личные прихоти желаниям своих друзей. Благодаря подобному взаимному согласию все задачи нашей маленькой экспедиции были без труда выполнены, и мы вполне могли бы отнести на свой собственный счет прекрасные строки из морской песни Аллана Каннингхэма⁹:

Морской простор нам домом был,
И славно нам жилось!

Однако к самым чистым воспоминаниям об этих радостных днях примешивается печаль. По возвращении из столь приятного путешествия я узнал о безвременной кончине одной дамы¹⁰, которая служила украшением как своей родины, так и общества, где она занимала высокое положение, и которая в течение многих лет дарила меня своей дружбой. Последовавшая затем смерть одного из моих товарищей по путешествию¹¹, и притом самого близкого друга, какого я когда-либо имел, также набросила свою тень на воспоминания, которые, не будь они омрачены этими событиями, были бы весьма отрадны.

Здесь я должен вкратце заметить, что моя работа во время экспедиции – если вообще это можно назвать работой – заключалась в отыскании мест, которые могли бы послужить подходящим фоном для «Повелителя островов»¹² – поэмы, которую я в те дни угрожал подарить публике и которая впоследствии была действительно напечатана, не вызвав, однако, особого интереса у читателей. Но, поскольку в то же самое время анонимный роман «Уэверли» начинал приобретать некоторую известность, я уже предвкушал возможность второй попытки в той же

⁶ В 1812–1814 гг. США вели так называемую Вторую войну за независимость против Англии.

⁷ Морвена, Обан – живописно расположенные населенные пункты на западном побережье Шотландии.

⁸ Дорога Гигантов – скалистый мыс на севере Ирландии.

⁹ Аллан Каннингхэм (1784–1842) – шотландский поэт, автор книги «Песни, преимущественно на шотландском сельском диалекте» (1813).

¹⁰ Имеется в виду родственница В.Скотта герцогиня Баклю (ум. 1814), которая в 1805 г. подсказала ему идею его поэмы «Песнь последнего менестреля».

¹¹ Речь идет об Уильяме Эрскине, умершем в 1822 г. Во время описываемой здесь поездки он был шерифом Оркнейских островов. Работая над «Пиратом», В.Скотт советовался с Эрскином относительно некоторых деталей быта Шетлендии.

¹² «Повелитель островов» – последняя поэма В. Скотта (1815).

области литературы и на диких Оркнейских и Шетлендских островах увидел много такого, что, по-моему, показалось бы в высшей степени интересным, если бы было введено в роман, местом действия которого послужили бы эти острова. Историю пирата Гау я услышал от одной старой сивиллы (подробнее я говорю о ней в примечании к этому тому), которая существовала главным образом торговлей благоприятными ветрами, продавая их морякам Стромнесса¹³. Любопытное явление представляют собой благодушие и гостеприимство шетлендских земельных собственников, которые отнеслись ко мне с тем большей любезностью, что некоторые из них были друзьями моего отца и поддерживали с ним переписку.

Чтобы воскресить образ типичного норвежского юдаллера¹⁴, мне пришлось пользоваться рассказами о лицах, живших на одно или два поколения раньше нас, ибо в настоящее время место этих первоначальных насельников архипелага заняло шотландское дворянство и язык их, так же как и особенности быта, успел уже полностью исчезнуть. Единственная разница, которую в наши дни можно наблюдать между знатью этих островов и Шотландии, заключается в том, что имущественное положение наших более северных соотечественников гораздо более уравнено и среди тамошних землевладельцев не найдется ни одного крупного богача, который, выставляя напоказ свою роскошь, заставил бы менее состоятельных роптать на свою скромную долю. Естественным следствием такого равенства состояний является дешевизна жизни, и поэтому многие офицеры полка, стоявшего в то время гарнизоном в форте Шарлотта в Леруике, которым подходил срок перевода в другое место, очень сожалели, что им придется покинуть страну, где на скромное жалованье, недостаточное для жизни в столице, они могли удовлетворить все свои нужды. Странно было слышать, как уроженцы веселой Англии с грустью говорят о своем отъезде с унылых островов Ultima Thule.

Таковы некоторые мелкие подробности, связанные с возникновением настоящего романа, появившегося через несколько лет после приятного путешествия, впечатления от которого послужили его основой.

Картина нравов, изображенная мной в романе, является в силу необходимости в значительной мере вымышленной, хотя она и основана на отголосках прошлого, которые, заставляя угадывать то, что некогда имело место, могут, пожалуй, в известной мере подсказать, каков был характер общества в этих глухих, но чрезвычайно интересных окраинах.

В одном отношении критики, быть может, слишком опрометчиво осудили меня, утверждая, что образ Норны является простой копией Мег Меррилиз. Очевидно, в данном случае мне не удалось выразить именно то, что я желал, ибо иначе этот образ не был бы столь превратно понят. Мне думается, что каждый, кто возьмет на себя труд внимательно прочитать «Пирата», не сможет не заметить, что Норна, жертва угрызений совести и расстроенного рассудка, поверившая в собственный обман и впитавшая в себя все дикие легенды и нелепые суеверия Севера, представляет собой нечто совершенно отличное от цыганки Мег Меррилиз из Дамфризшира¹⁵, чьи претензии на сверхъестественное могущество не превосходят возможностей норвудской предсказательницы. Мне кажется, что причины, повлиявшие на образование у Норны столь своеобразного склада характера, были установлены достаточно верно. Это, однако, отнюдь не означает, что строение, которое автор возвел на этом основании, безусловно, иначе никаких бы объяснений с его стороны не потребовалось. Маловероятным выглядит также способность Норны вселять в окружающих веру в свое мнимое сверхъестественное могущество. Но должен сказать, что нередко поражаешься, когда видишь, какого успеха может

¹³ Стромнесс – населенный пункт на Оркнейских островах.

¹⁴ Юдаллерами назывались в Шетлендии свободные от ленных повинностей землевладельцы, получившие свои права еще по старым норвежским законам, тогда как ленные, феодальные владения были введены на островах шотландцами. (Примеч. авт.)

¹⁵ Цыганка Мег Меррилиз из Дамфризшира – одна из главных героинь романа «Гай Мэннеринг».

достигнуть у крайне суеверного и невежественного населения обманщик, если он в то же время человек страстный и восторженный.

Здесь уместно привести двусторонние, согласно которому

...Приятно обмануть,
Приятно и поддаться нам обману.

Действительно, как я не раз уже замечал в других произведениях, объяснение явлений и событий сверхъестественного характера вполне реальными причинами часто оказывается почти столь же неправдоподобным, как самая фантастическая история. Надо сознаться, что даже талант госпожи Рэдклиф¹⁶ не всегда умел преодолевать подобные затруднения.

Эбботсфорд, 1 мая 1831 года

---

¹⁶ Рэдклиф Анна (1764–1823) – английская романистка, одна из самых популярных писательниц в Европе в конце XVIII – начале XIX в., выступившая в жанре так называемого готического романа, характеризовавшегося обилием таинственных сцен, которым Рэдклиф давала в конце концов рационалистическое объяснение.

Глава I

*О берег глухо бьет волна.
На высях ветер изнемог,
Но чья там, в Туле, песнь слышна:
«Не для тебя ль я арфу сжег»?¹⁷*

Макнил

Длинный, узкий, причудливой формы остров, размерами намного превосходящий все другие острова Шетлендского архипелага и называемый поэтому Мейнлендом, или Главным, завершается необычайной высоты утесом – Самборо-Хэдом, как хорошо было известно морякам, бороздившим бурные волны моря вокруг той страны, которую древние называли Туле¹⁸. Утес этот, подставляя свою голую вершину и нагие склоны напору бушующих волн, образует крайнюю юго-восточную оконечность острова и непрерывно подвергается воздействию мощного и чрезвычайно стремительного морского течения, которое, возникая между Оркнейскими и Шетлендскими островами, несется с силой, уступающей лишь течению в проливе Пентленд-Фёрт. Название свое оно получило от упоминавшегося выше мыса и именуется Рустоф-Самборо: слово «руст» на Шетлендских островах служит для обозначения всех подобного рода морских течений.

Со стороны суши мыс этот покрыт низкой травой и довольно круто спускается к небольшому перешейку, изрытому множеством узких и длинных бухт; образуясь с обеих сторон острова, они постепенно проникают все глубже и глубже, и, кажется, недалеко то время, когда воды их окончательно сольются и превратят Самборо-Хэд в остров. То, что ныне является мысом, окажется пустынным скалистым островком, отрезанным от суши, крайним выступом которой он является в настоящее время.

Люди, однако, в прежние годы считали, должно быть, такое событие весьма отдаленным или маловероятным, ибо некий норвежский викинг давних лет, а может быть, как гласят другие предания и указывает само название Ярлсхоф, древний ярл или граф с Оркнейских островов нашел этот уголок земли подходящим для того, чтобы построить на нем свой замок. Теперь он давно заброшен, и даже развалины его можно различить с трудом, ибо сыпучие пески, движимые постоянно дующими в том краю сильными ветрами, занесли и почти погребли то, что еще сохранилось от бывших построек. Однако в конце семнадцатого века часть графского жилища оставалась все еще целой и обитаемой. То было неприглядное строение, сложенное из грубо отесанного камня; ничто в нем не радовало глаза и не пленяло воображения. Чтобы получить о нем подходящее понятие, пусть современный читатель представит себе большой, старомодный, длинный и узкий дом под островерхой крышей из плит серого песчаника. Редкие небольшие оконца были разбросаны по всему зданию без всякого порядка. К главному корпусу в прежние годы лепилось несколько пристроек меньшего размера, содержащих службы и помещения, предназначенные для свиты и челяди графа, но все они превратились в руины: стропила пошли на дрова или на другие нужды, стены во многих местах развалились, и, довершая общее разрушение, песок успел уже проникнуть в здание и покрыл слоем в два или три фута прежние жилые покои.

---

¹⁷ В эпиграфе цитата из стихотворного сборника «Шотландская муза» (1809) Гектора Макнила (1764–1818) – шотландского поэта, автора нескольких стихотворных сборников.

¹⁸ Туле – так именovali древние греки и римляне самые северные из известных им земель в Атлантическом океане.

Среди всего этого запустения жителям деревушки Ярлсхоф удалось благодаря неусыпному труду и заботам сохранить несколько акров плодородной земли, обнесенной со всех сторон оградой и бывшей ранее садом; на клочке этом, защищенном стенами дома от непрерывно дующих с моря ветров, можно было разводить те овощи, которые соответствовали климату, а вернее – каким позволяли произрастать постоянные морские бури. Действительно, хотя Шетлендские острова не так страдают от морозов, как области внутренней Шотландии, однако выращивать здесь даже самые обычные овощи возможно только под защитой какой-либо постройки; что же касается кустарников или деревьев, то о них не приходится и упоминать – такова сила все сметающего на своем пути морского ветра.

Недалеко от замка и почти на самом берегу моря, там, где небольшая бухта образует нечто вроде естественной гавани – постоянного прибежища трех или четырех рыбацких суденышек, примостилось несколько убогих коттеджей селения Ярлсхоф. Жители его откупали все земли лендлорда на тех же весьма обременительных условиях, что и прочие мелкие арендаторы того времени; сам же он имел свою резиденцию в более благоприятной местности, совсем в другой части острова, и редко посещал свои владения у Самборо-Хэда. То был достойный и прямодушный шетлендский джентльмен, несколько крутого нрава – естественное следствие того, что его окружали лишь подчиненные ему люди, – и питавший, пожалуй, чрезмерную склонность к застольным беседам, – быть может, потому, что располагал слишком большим досугом, – но, впрочем, неизменно открытый, добрый и щедрый по отношению к подвластным ему людям, приветливый и гостеприимный с посторонними. Он принадлежал к древнему и благородному норвежскому роду, что особенно привлекало к нему сердца простолюдинов, в большинстве своем бывших также потомками древних норвежцев, тогда как лэрды, или земельные собственники, были обычно выходцами из Шотландии и в те далекие времена все еще рассматривались как пришельцы и захватчики. Магнус Тройл, возводивший свой род к тому самому ярлу, что основал Ярлсхоф, придерживался этого взгляда с особой страстностью.

Что касается арендатора ярлсхофских земель, то жители деревушки во многих случаях испытали на себе его доброту и сердечность. Когда мистер Мертон – таково было имя теперешнего обитателя старого замка – впервые прибыл на Шетлендские острова (а произошло это за несколько лет до начала нашего повествования), его приняли в доме мистера Тройла с тем горячим и искренним радушием, которым славятся шетлендцы. Никто не спрашивал, откуда он родом, куда направляется, с какой целью посетил столь отдаленный уголок империи и как долго полагает оставаться его гостем. Несмотря на то что приезжий был для всех совершенно незнаком, на него сразу посыпался целый град приглашений: каждая усадьба, где он гостил, становилась для него домом, и он мог жить в нем сколько ему было угодно как настоящий член семьи, не привлекая к себе и сам не обращая ни на кого особого внимания, до тех пор, пока не находил для себя удобным переехать в другое место. Это кажущееся равнодушие к званию, личности и общественному положению гостя объяснялось отнюдь не безразличием радушных хозяев – островитяне были по природе столь же любопытны, как и весь род человеческий, – но их чрезвычайной деликатностью, ибо задавать вопросы, на которые гостю было бы затруднительно или неприятно ответить, считалось у них величайшим нарушением законов гостеприимства. Итак, вместо того чтобы, как это бывает в других странах, выпытывать у мистера Мертона то, о чем ему желательно было умолчать, щепетильные шетлендцы довольствовались тщательным собиранием тех отрывочных сведений, какие могли получить от него во время обычной беседы.

Но скорее из скалы в Аравийской пустыне хлынула бы вода, чем мистер Бэзил Мертон пустился бы в откровенные рассказы о самом себе или случайно о чем-нибудь проговорился, и учтивые обитатели страны Туле никогда еще, очевидно, не подвергались столь тяжкому искусу, как в данном случае, ибо хорошее воспитание заставляло их воздерживаться от расспросов столь таинственной личности.

Все, что было известно о незнакомце, легко можно выразить в двух словах: мистер Мертон прибыл в Леруик, в те времена уже достигший известного значения, но еще не признанный главным городом острова, на небольшом голландском судне, сопровождаемый одним только сыном, красивым мальчиком лет четырнадцати. Самому Мертону могло в то время быть немногим более сорока. Голландец, шкипер судна, познакомил его с несколькими своими закадычными друзьями, которым он доставлял джин и имбирные пряники в обмен на низкорослых шетлендских бычков, копченых гусей и чулки из овечьей шерсти; и хотя голландец сказал только, что «минхер Мертон заплатил за проест как шентльмен и тал, кроме тафо, еще крейттоллар матрозам», этой рекомендации было достаточно, чтобы ввести приезжего в весьма почтенный круг знакомых, который в дальнейшем еще расширился, ибо чужеземец оказался человеком в высшей степени воспитанным и образованным.

Это выяснилось, однако, почти против его воли, ибо Мертон столь же неохотно говорил на общие темы, как и о себе лично. Порой, однако, удавалось вовлечь его в спор, и тогда он невольно обнаруживал разносторонние познания и хорошее знакомство со светом. Иногда, словно желая отблагодарить за оказанное гостеприимство, он заставлял себя, вопреки своим природным склонностям, принимать участие в жизни окружающих его людей, особенно если разговор принимал серьезный, мрачный или саркастический оттенок, что более всего соответствовало его собственному характеру. В подобных случаях шетлендцы единодушно приходили к выводу, что он получил блестящее образование, только одна сторона которого была оставлена в самом поразительном пренебрежении: мистер Мертон едва мог отличить нос корабля от кормы, а в управлении судами разбирался не лучше коровы. Окружающих поражало, как столь полное незнание самой необходимой в жизни науки – таковой она, во всяком случае, считалась на Шетлендских островах – могло сочетаться с блестящими познаниями во всех других областях. Тем не менее факт оставался фактом.

В тех же случаях, когда его не удавалось вовлечь вышеупомянутым образом в общую беседу, Бэзил Мертон оставался мрачным и стремился к уединению. Шумного веселья он избегал, и даже умеренная веселость тесного круга друзей неизбежно наводила на него еще более глубокую грусть, чем обычно.

Женщины, как известно, чрезвычайно любят проникать в тайны своих ближних и облегчать их печали, особенно если дело идет о мужчине видном собой, в полном расцвете лет. Возможно поэтому, что среди голубоглазых и белокурых дочерей Туле таинственный и задумчивый незнакомец без труда отыскал бы красавицу, готовую стать его утешительницей, если бы проявил хоть малейшее желание принять от нее столь любезную услугу. Однако Мертон не только не делал к тому никаких попыток, но, казалось, явно избегал общества прекрасного пола, к которому мы в наших горестях как телесного, так и душевного свойства обычно обращаемся в поисках утешения и сочувствия.

К вышеназванным странностям мистера Мертона присоединялась еще одна, особенно неприятная его хозяину и главному покровителю Магнусу Тройлу. Этот шетлендский магнат происходил по отцовской линии, как мы уже говорили, от союза одного из представителей древнего норвежского рода с благородной датчанкой и придерживался того благочестивого убеждения, что чарка голландской можжевелевой настойки, или нанца¹⁹, служит лучшим лекарством от забот и огорчений, каковы бы они ни были. Но мистер Мертон к подобным средствам не прибегал: он пил воду и одну только воду, и ни уговоры, ни просьбы не могли заставить его отведать напитка более крепкого, чем тот, что сверкает в чистом ручье. Этого-то как раз и не мог перенести Магнус Тройл, это-то и казалось ему вопиющим нарушением древних норвежских законов гостеприимства. Сам он соблюдал их весьма ревностно и хотя любил утверждать, что ни разу в жизни не лег в постель пьяным (разумеется, в его собствен-

¹⁹ Нанц – спиртной напиток. Название его происходит от французского города Нанта, где его первоначально изготавливали.

ном понимании слова), однако нельзя было доказать, что он хоть раз в жизни отправился спать в совершенно трезвом состоянии. Чем же тогда, спрашивается, пленял незнакомец окружавшее его общество, чем искупал он недовольство, вызываемое его строгим нравом и воздержанием? Прежде всего он обладал манерами и уверенностью в обращении, изобличавшими в нем человека с известным положением; затем, хотя и полагали, что он не слишком богат, однако расходы его указывали, что он далеко не беден; наконец, он мог быть интересным собеседником, хотя, как мы уже говорили, только в тех случаях, когда ему самому это было угодно. Свое презрение к людям и отвращение ко всякого рода делам и событиям обыденной жизни он выражал в весьма смелых парадоксах, которые его простодушные собеседники, не выдавшие ничего лучшего, принимали за тонкий ум. Наконец, его окружала непроницаемая тайна, и присутствие его представляло поэтому такой же интерес, как загадка, над которой людям нравится без конца ломать голову именно по той причине, что разгадать ее они не в силах.

Несмотря, однако, на все эти достоинства мистера Мертона, между ним и Магнусом Тройлом имелись столь существенные различия, что гость, прожив некоторое время в главной резиденции своего хозяина, приятно удивил его, когда однажды вечером, после того, как оба часа два просидели в полном молчании, потягивая бренди и воду (следует оговориться, что Магнус пил бренди, а Мертон – воду из соседнего ручья), гость попросил хозяина сдать ему внаем заброшенный дом в Ярлсхофе, в отдаленнейшей части округа Данроснесс, у самого Самборо-Хэда. «Вот уж буду рад от него избавиться! – заметил про себя Магнус – Бутылка опять пойдет себе спокойно по кругу, и эта постная физиономия не будет больше мешать ее путешествию. Вот только без него на лимоны-то я совсем разорюсь, ибо одного его взгляда было достаточно, чтобы подкислить целый океан пунша».

Однако добрейший шетлендец честно и бескорыстно принялся отговаривать Мертона, указывая ему на одиночество и неудобства, какие ожидают его в Ярлсхофе.

– В старом доме, – сказал он, – вряд ли найдется даже самая необходимая мебель. Соседей – ни души на много миль в окружности. Из съестного вы одну только соленую треску там и получите, а гостями вашими только и будут, что чайки да глупыши.

– Дорогой друг, – возразил ему на это Мертон, – если вы хотели упомянуть обстоятельства, делающие для меня Ярлсхоф самым приятным местом на свете, так вы не могли бы выбрать лучших: вблизи моего убежища не будет ни человеческой роскоши, ни человеческого общества. Нашлось бы только мне и моему мальчику где укрыться от непогоды – вот все, чего я ищу. Итак, назначьте плату, мистер Тройл, и дозвоьте мне арендовать у вас Ярлсхоф.

– Плату? – повторил шетлендец. – Ну какая же плата может быть за старый дом, где никто со смерти моей матери – упокой Господи ее душу! – не жил. А что до укрытия, так и старые стены, слава богу, еще держатся и вынесут не одну бурю. Но ради всего святого, мистер Мертон, хорошенько обдумайте свое решение. И для любого из моих земляков поселиться в Ярлсхофе было бы сущим безумием, а уж для вас... Вы ведь из других краев, будь то Англия, Шотландия или Ирландия – безразлично, мы ведь не знаем...

– Да это к делу и не относится, – довольно резко перебил его Мертон.

– О, конечно, конечно, оно и селедочного хвоста не стоит, – согласился лэрд, – только должен сказать, вас я как раз за то и люблю, что вы не шотландец, я просто уверен, что не шотландец. Налетели они к нам сюда, как дикие гуси. Каждый управитель притащил за собой целую стаю сородичей, да еще и свой собственный выводок в придачу. Уселись они прочно на наших местах, а теперь попробуйте заставьте-ка их снова убраться на свои голые горы или равнины! Они уже и вкус нашей шетлендской говядины узнали и наши чудесные *воу*²⁰ и озера увидели. Нет уж, сэр, – продолжал Магнус, все более одушевляясь и потягивая наполовину разбавленный спирт, что в одно и то же время возбуждало его чувства против захватчиков и

²⁰ Озера с соленой водой или небольшие бухты. (Примеч. авт.)

смягчало возникавшие при этом горькие мысли, – нет, сэр, старые времена и добрые старые обычаи на наши острова уж не вернутся! Наши прежние землевладельцы – Пэтерсоны, Фи, Шлагбреннеры, Торбьорны – все они уступили место разным там Гиффордам, Скоттам, Мауатам... Самые-то их имена указывают, что они или их предки – чужие в стране, где мы, Тройлы, обитали еще задолго до того, как Торфяной Эйнар научил островитян топить печи торфом, за что благодарные потомки и дали ему такое прозвище.

Раз начав говорить на эту тему, владелец Ярлсхофа становился чрезвычайно многоречив, чему Мертон неизменно радовался, ибо тогда ему не надо было поддерживать разговора и он мог отдаться собственным мрачным думам, предоставив Магнусу разглагольствовать об изменившихся временах и людях. Но как раз когда Магнус пришел к следующему печальному выводу: «И весьма вероятно, что уже через сто лет ни одного *мерка*²¹, да куда там, ни одного *юра*²² не останется во владении норвежцев, настоящих шетлендских юдаллеров», он вспомнил о своем госте и тотчас же остановился.

– Да вы не подумайте, – добавил он, – против вас-то я ничего не имею, живите на моей земле на здоровье, мистер Мертон. Но только Ярлсхоф – совсем дикое место... Откуда вы родом – не знаю, но только, наверное, вы тоже скажете, как и другие приезжие, что на вашей родине климат лучше, это уж все вы так говорите, а еще думаете поселиться там, откуда местные жители и те бегут. Не выпить ли нам? – заметил он мимоходом. – Не хотите? Ну, тогда за ваше здоровье!

– Дорогой сэр, – ответил Мертон, – климат не имеет для меня никакого значения. Было бы достаточно воздуха для моих легких, а какого – аравийского или лапландского, мне совершенно безразлично.

– Ну, воздуха там хватит, – ответил Магнус, – в нем у вас недостатка не будет. Правда, там он немного сыроват – так уверяют приезжие, но против сырости есть прекрасные средства. За ваше здоровье, мистер Мертон! Да, придется-таки вам научиться этому, а заодно уж и трубку курить. Вот тогда, как вы сами сказали, шетлендский воздух будет для вас все равно что аравийский. Но видали ли вы Ярлсхоф?

Мертон признался, что нет.

– Значит, – возразил Магнус, – вы сами не знаете, что затеяли. Вы, пожалуй, думаете, что там такая же удобная бухта, как здесь, и дом стоит на берегу закрытого воу, так что сельди к самому порогу подходят; ну так вы, дорогой мой, жестоко ошибаетесь. В Ярлсхофе вы увидите только бурные волны, что бьются о голые скалы, да течение Руст-оф-Самборо, что несется со скоростью пятнадцати миль в час.

– Зато я там не увижу потока человеческих страстей, – заметил Мертон.

– И услышите вы там одни только вопли и крики больших бакланов, буревестников да чаек, и так с самого рассвета и до заката.

– Я и на это согласен, друг мой, – ответил ему Мертон, – только бы не слышать женской болтовни.

– А, – воскликнул старый норвежец, – это вы потому сказали, что слышите, как мои дочки Минна и Бренда и ваш Мордонт поют в саду. Ну, а мне их юные голоса милей, нежели пение жаворонка – один раз я слышал его в Кейтнесе, или соловья – о нем-то я только читал. Но раз вы увезете Мордонта, с кем же мои дочки будут тогда играть?

– Что ж, им придется обойтись без него, – ответил Мертон. – Поверьте, в любом возрасте они найдут с кем играть и кого водить за нос. Но все дело в том, мистер Троил, согласны ли вы уступить мне в аренду дом в Ярлсхофе?

---

²¹ Мерк – мера земли на Шетлендских островах, колеблющаяся от 1 до 2 акров, в зависимости от дохода, который она приносит. Непостоянная величина мерка объясняется тем, что первоначально это слово обозначало единицу ленной подати, которую шетлендские земледельцы платили своим феодалам.

²² Юр – 1/8 мерка.

– Ну ладно, пусть будет по-вашему, раз уж вы обязательно хотите жить в таком пустынном месте.

– А какую вы возьмете с меня плату? – продолжал Мертон.

– Плату? – переспросил Магнус – Ну что же, у вас будет там клочок *плэнти крув*²³ – раньше он назывался садом, да еще право на *скэтхолд* – выпас скота, да к тому еще шестипенсовый мерк берега: местные рыбаки будут для вас там рыбу ловить. Так вот, если, скажем, положить за все восемь *лиспандов*²⁴ масла и восемь шиллингов серебром в год, так как – не будет этого слишком много?

Мистер Мертон согласился на столь умеренную плату и с тех пор почти безвыездно пребывал в одиноком жилище, описанном в начале главы, перенося не только без малейшего ропота, но, казалось, даже с какой-то угрюмой радостью все лишения, на которые по необходимости обрекала своих жителей столь пустынная и дикая местность.

---

²³ Клочок земли для огорода. Согласно вольным обычаям страны, любое лицо, которому казалось это выгодным, могло занять на неогороженной вересковой пустоши небольшой участок, окружить его оградой из камней и выращивать на нем овощи, пока почва не истощится, после чего участок забрасывали и переходили на другой. Подобная свобода действий настолько не считалась умалением прав собственника или арендатора, что если какой-либо шетлендец не желал допускать на своей земле *плэнти крув*, к нему начинали относиться с самым крайним презрением. (Примеч. авт.)

²⁴ Лиспанд составляет около тридцати английских фунтов, и доктор Эдмондстон (Эдмондстон Артур (1776? – 1841) – врач, автор книги «Взгляд на положение Шетлендских островов в прошлом и настоящем» (1809).) определяет его цену примерно в десять шиллингов. (Примеч. авт.)

Глава II

*Поверь, Ансельмо, человек находит
Вот в этих диких скалах, в бурном море
Душе созвучье, что найти не мог он
Там, где спокойней воды, берег – краше.*

Старинная драма

Немногочисленные жители поселка Ярлсхоф сначала с тревогой узнали, что в полуразрушенный дом, который они все еще продолжали именовать замком, переехало на жительство лицо, превосходившее их по положению. В те дни – ибо теперешние времена намного изменились к лучшему – появление господина почти неизбежно влекло за собой добавочные тяготы и поборы, для которых, под тем или иным предлогом, система феодальных повинностей представляла тысячу различных возможностей. В каждом подобном случае часть скудного дохода, добытого тяжким трудом, изымалась в пользу могущественного соседа и господина, называемого тексменом²⁵. Но обитатели Ярлсхофа вскоре убедились, что со стороны Бэзила Мертонна им нечего было опасаться подобного рода притеснений. Его личные средства – независимо от того, велики они были или малы, – во всяком случае, полностью соответствовали его расходам, носившим, если судить по его образу жизни, самый умеренный характер. Всю его роскошь составляли немногие книги и физические приборы, присылавшиеся ему при случае из Лондона. Это указывало, с одной стороны, на необычное для Шетлендских островов богатство, хотя стол мистера Мертонна и весь остальной уклад его жизни не превышали того, что можно было встретить в домах самых скромных шетлендских собственников.

Жителей поселка, однако, мало заботило положение их господина, коль скоро они увидели, что их собственное не только не ухудшилось, но, пожалуй, даже улучшилось с его приходом. Когда же они окончательно убедились, что им нечего бояться притеснений с его стороны, то пришли к дружному выводу о необходимости извлечь из его пребывания всю возможную выгоду и пустились на разные мелкие хитрости: за все стали запрашивать с него невероятные цены, а то и прямо прибегать к вымогательству. Вначале приезжий давал себя обирать с самым философским спокойствием. Вскоре, однако, произошло событие, по-новому осветившее его характер и прекратившее дальнейшие попытки заполучить с него лишнее.

Однажды на кухне замка поднялся спор между старой служанкой, выполнявшей обязанности домоправительницы, и Суэйном Эриксоном, достойнейшим из шетлендцев, когда-либо ходивших ловить рыбу в *хааф*²⁶. Спор этот, как всегда бывает в подобных случаях, разгорался все сильнее и становился все громче, пока не достиг наконец ушей Мертонна, или, как его называли в округе, самого хозяина. Удалившись в уединенную башню, он как раз в это время был занят разбором только что прибывшего из Лондона ящика с книгами; после долгих задержек ящик этот попал сначала в Гуль, оттуда на китобойном судне – в Леруик и, наконец, достиг Ярлсхофа. Мертонна охватило раздражение, намного превосходившее ту досаду, которую обычно чувствует человек бездеятельный, когда какая-либо неприятность побуждает его к действию. Он спустился на поле боя и так неожиданно, властно и прямо потребовал объяснения, что обе стороны, несмотря на неоднократные попытки увернуться, оказались не в состоянии скрыть от своего господина, что его честная домоправительница и не менее честный рыбак

---

²⁵ Тексмен – крупный арендатор в Шотландии, который в свою очередь сдавал землю в аренду мелким земледельцам.

²⁶ То есть в открытое море, в противоположность рыболовству вдоль берега. (Примеч. авт.)

не поделили примерно стопроцентной надбавки к цене на треску, которую первая купила у второго для господского стола.

Когда это окончательно выяснилось и подтвердилось полным признанием со стороны провинившихся, мистер Мертон остановил на них взгляд, где крайнее презрение, по-видимому, боролось с зарождающимся гневом.

– Ах ты, старая ведьма, – сказал он наконец, – сию же секунду вон из моего дома! И знай, что я выгоняю тебя не потому, что ты лгуня, воровка и неблагодарная тварь: все эти качества столь же присущи тебе, как самое имя «женщина», – но потому, что ты в моем доме посмела возвысить голос! А ты, мошенник, если ты думаешь, что обдирать чужестранца так же просто, как сдирать ворвань с кита, так помни, что я прекрасно знаю свои права, которые, как уполномоченный вашего землевладельца Магнуса Троила, могу предъявить вам, стоит мне захотеть. Попробуйте только вывести меня из терпения, и вы на собственной шкуре узнаете, что мне так же легко уничтожить ваше благополучие, как вам прервать мои занятия. Мне прекрасно известно, что такое *скэт*, и *уоттл*, и *хокхен*, и *хэгалейф*, и все прочие повинности, которыми опутали вас ваши прежние и теперешние лэрды. И не будет среди вас ни единого, кто не проклял бы день, когда вам мало показалось воровать мои деньги, а понадобилось еще нарушить мой покой перебранкой, да еще на вашем ужасном северном наречии, которое режет слух хуже, чем крики полярных чаек.

В ответ на все эти упрёки Суэйн не нашел ничего лучшего, как покорнейше просить его милость принять треску без всякой платы и на том покончить дело. Но тут мистер Мертон не смог больше сдерживать свой гнев: одной рукой он швырнул деньги рыбаку в лицо, а другой схватил рыбу и так хлестнул его по спине, что тот вылетел за дверь; вдогонку за ним полетела и рыба.

На этот раз в действиях чужеземца проглянула такая страшная и неукротимая ярость, что Суэйн не только не остановился подобрать свои деньги или злополучную рыбину, но со всех ног побежал в деревушку, где поспешил сообщить своим односельчанам, что, если они будут и дальше обманывать мистера Мертона, он, на их горе, обернется новым Пейтом Стюартом²⁷ и станет рубить головы и вешать без всякого суда и снисхождения.

Сюда же явилась и отставленная от должности домоправительница, чтобы посоветоваться с соседями и родней, – она тоже была из этого селения, – как бы снова вернуться на воделенное место, которого она столь внезапно лишилась. Престарелый ранслар, чей голос имел самый большой вес на всех собраниях общины, выслушав отчет о случившемся, заявил, что Суэйн Эрикссон зашел уж слишком далеко, запросив так много с мистера Мертона; как бы хозяин ни объяснял свою ярость, настоящая-то причина, конечно, заключалась в том, что с него спросили пенни, а не полпенни за фунт самой обыкновенной трески. Поэтому он настоятельно советует всему обществу никогда впредь не запрашивать больше чем по три цента на шиллинг; из-за столь ничтожной надбавки господин в замке не станет с ними ссориться: зла он им делать не собирается, а значит, можно надеяться, что хоть в малой мере, но согласится делать добро.

– А три на двенадцать, – заключил умудренный опытом ранслар, – так это вполне приличная, умеренная надбавка, угодная и Господу Богу, и святому Роналду.

Итак, согласуя дальнейшие действия с расценкой, столь разумно предложенной рансларом, жители Ярлсхофа впредь стали обсчитывать Мертона лишь в весьма пристойных пределах двадцати пяти процентов сверх обычной цены товара. Впрочем, с подобным тарифом должны были бы согласиться все набобы, армейские интенданты, биржевые спекулянты и прочие особы, коим быстро приобретенное богатство дало возможность обосноваться на земле и

²⁷ Суэйн имел в виду, очевидно, Патрика Стюарта, оркнейского ярла, казненного за тиранию и притеснение жителей этих далеких островов в начале семнадцатого столетия. (Примеч. авт.)

жить помещиками на весьма широкую ногу, почитая этот налог, взимаемый с них сельскими соседями, вполне приемлемым. Мертон придерживался, очевидно, того же мнения, ибо не проявлял больше беспокойства по поводу своих домашних расходов.

Уладив таким образом собственные дела, старейшины ярлсхофского селения принялись обсуждать случившееся с Суертой – опальной матроной, изгнанной из замка. Им было чрезвычайно желательно снова восстановить ее, как испытанного и полезного союзника, в должности домоправительницы, если к тому имелась еще возможность. В данном случае, однако, вся их мудрость оказалась бессильной, и Суерта в отчаянии решила обратиться за помощью к Мордонту. С ним у нее сложились довольно дружеские отношения, ибо она знала множество старинных норвежских баллад и страшных рассказов о трау, или драу (так звались гномы скальдов), которыми суеверная древность населила уединенные пещеры и мрачные лощины Данроснесса, равно как и прочих областей Шетлендии.

– Суерта, – сказал ей юноша, – я вряд ли смогу что-либо для тебя сделать, но ты можешь помочь себе сама. Видишь ли, гнев моего отца похож на ярость тех древних богатырей берсеркеров, о которых поется в твоих песнях.

– Ах, рыбка моего сердца, – ответила с жалобным хныканьем Суерта, – берсеркеры были богатыри, что жили еще до блаженных времен святого Олафа, и они, как бесноватые, бросались и на мечи, и на копья, и на гарпуны, и на мушкеты и ломали их все на куски, точь-в-точь как молодой кит рвет неводы для ловли сельдей. А потом ярость эта у них проходила, и они становились слабыми-слабыми, ну прямо делай с ними что хочешь²⁸.

– Вот-вот, Суерта, то же самое происходит и с моим отцом, – сказал Мордонт, – он, видишь ли, когда успокоится, страшно не любит вспоминать о своем гневе и этим как раз и похож на берсеркеров: сегодня он рвет и мечет, а завтра и думать не хочет о случившемся. Поэтому-то он никого еще не взял в замок на твое место, и, с тех пор как ты ушла, на нашей кухне не состряпано ни куска горячей пищи и не испечено ни одного хлеба, так что питаемся мы только теми холодными остатками, что нашлись в кладовой. Так вот, Суерта, ручаюсь, что если ты смело вернешься в замок и возьмешься снова за свои дела, ты не услышишь от отца ни одного худого слова.

Суерта, однако, не сразу решилась последовать столь дерзкому совету. Она сказала, что, по ее разумению, «мистер Мертон, когда рассердился, стал похож вовсе не на берсеркера, а скорей на нечистого: глаза его метали молнии, а с губ срывалась пена; а что до нее самой, то подвергать себя снова подобной опасности – значит только искушать Всевышнего».

В конце концов, однако, поощряемая сыном, она решилась еще раз предстать перед отцом и, облачившись в свое обычное будничное платье, на чем особенно настаивал Мордонт, пробралась в замок, сразу же приступила к исполнению своих разнообразных и многочисленных обязанностей и казалась настолько глубоко ими занятой, словно никогда их и не бросала.

В первый день после возвращения Суерта не показывалась на глаза хозяину, надеясь, что, после того как мистер Мертон в течение трех дней питался одним холодным мясом, горячее блюдо, приготовленное со всей тщательностью, какую допускала ее нехитрая стряпня, сумеет вернуть ей его благосклонность. Когда же Мордонт сказал ей, что отец даже не заметил перемены в пище и она сама убедилась, что, снова и снова попадаясь ему нечаянно на глаза, не производит на своего удивительного хозяина ни малейшего впечатления, она вообразила, что все происшедшее совершенно улетучилось у него из памяти, и принялась столь же деятельно исполнять свои обязанности, как и раньше. В подобном убеждении пребывала она до тех пор, пока ей не случилось однажды в споре с другой служанкой повысить голос: проходивший мимо

---

²⁸ Саги древних скальдов изобилуют описанием этих героев и не оставляют никакого сомнения в том, что берсеркеры, именуемые так потому, что они сражались без доспехов, умели при помощи известных им снадобий приводить себя в иступление, на время которого обретали силу и ярость безумцев. Известно, что индийские воины добиваются того же при помощи опиума или гашиша. (Примеч. авт.)

Мертон грозно взглянул на нее и промолвил только одно слово: «Помни», но таким тоном, который надолго заставил ее держать язык за зубами.

Если Мертон проявлял подобные странности как глава дома, то не менее странным образом воспитывал он сына. Он редко выказывал по отношению к юноше отеческие чувства, однако, когда находился в обычном своем состоянии духа, забота об образовании Мордонта казалась главной целью его жизни. Он располагал книгами и достаточным запасом сведений для того, чтобы взять на себя труд наставника по основным отраслям знаний, и как педагог был аккуратен, выдержан и строг, если не сказать – суров, неукоснительно требуя от своего ученика прилежания, необходимого для достижения успехов. Однако при изучении истории, которой в ряду прочих предметов отведено было весьма значительное место, так же как и сочинений классических авторов, они нередко сталкивались с фактами или рассуждениями, производившими на Мертона чрезвычайное действие: мгновенно он приходил в то состояние, которое Суерта, Суэйн и даже Мордонт стали называть его «черным часом». Обычно Мертон заранее чувствовал приближение подобного приступа и удалялся в свою комнату, куда никому, даже Мордонту, не разрешал входить. Там он оставался в полном одиночестве в продолжение нескольких дней, а иногда и недель, выходя лишь изредка и в самое неожиданное время, чтобы съесть кушанье, заботливо поставленное для него где-либо поблизости, хотя ел он в эти дни поразительно мало. Иногда, особенно когда время приближалось к зимнему солнцевороту и почти каждый шетлендец стремился провести суровую пору года у домашнего очага, угощаясь и веселясь, несчастный облекался в морской плащ темного цвета и уходил на берег бурного моря или в безлюдную пустошь, где, скитаясь под безрадостным небом, мог, по крайней мере, предаваться скорбным и мятущимся думам, никем не замечаемый и никого не рискующий встретить. Когда Мордонт сделался старше, он научился распознавать особые признаки, предшествовавшие подобным периодам мрачного отчаяния, и стал заботиться о том, чтобы ограждать в эти дни своего отца от внезапных и несвоевременных посещений, которые всегда приводили больного в ярость, а также о том, чтобы у него было все необходимое для поддержания жизни. Вскоре Мордонт заметил, что подобные приступы меланхолии заметно удлинялись, если во время такого «черного часа» он ненароком попадался Мертону на глаза. Поэтому как из уважения к чувствам отца, так и в силу собственной склонности к занятиям, требующим движения и ловкости, и к развлечениям, свойственным его возрасту, Мордонт стал на эти дни покидать Ярлсхоф и даже удаляться из Данроснесса; он был уверен, что отец, даже если его «черный час» минет в отсутствие сына, не будет особенно доискиваться, где и как юноша провел это время, – лишь бы он не оказался свидетелем отцовской слабости, что было для Мертона совершенно невыносимым.

Итак, в эти периоды все виды развлечений, какие только можно было встретить на острове, оказывались к услугам молодого Мертона, и во время подобных перерывов в учении ему предоставлялась полная свобода на деле проявлять свою смелость, живость и решительность. Вместе с юношами ближнего поселка нередко занимался он тем опасным видом охоты, по сравнению с которым «страшное ремесло собирателей серпника»²⁹ может быть названо приятной прогулкой по ровной местности; часто присоединялся он к полночным экспедициям птицеловов за яйцами и птенцами морских птиц и во время этих дерзких походов на прибрежные скалы головокружительной высоты вызывал удивление старших охотников ловкостью, находчивостью и силой, поразительными для мальчика его лет и к тому же уроженца чужого края³⁰.

²⁹ «Страшное ремесло собирателей серпника» – несколько измененные слова Эдгара Глостера из трагедии Шекспира «Король Лир» (акт. IV, сц. 6), которые он произносит, стоя на краю пропасти и глядя на ползающих по скалам собирателей серпника.

³⁰ Бывают при этом и несчастные случаи. Так, во время моего посещения острова Фэр-Айл в 1814 году мальчик лет четырнадцати разбился, сорвавшись со скалы, недели за две до нашего приезда. Несчастье произошло почти на глазах его матери, которая копала торф совсем неподалеку. Ребенок упал в море, и тело его так и не было найдено. Жители острова,

Мордонт часто также сопровождал Суэйна или других рыбаков в продолжительные и опасные плавания далеко в открытое море, обучаясь у них искусству управлять парусами, в каком-то шетлендцы не только не уступают, но, быть может, даже превосходят всех других уроженцев Британской империи. Эти поездки таили в себе для Мордонта особую прелесть и помимо рыбной ловли.

В эту эпоху старые норвежские саги были еще живы в памяти народа и часто повторялись рыбаками, не забывшими еще древний норвежский язык, на котором говорили их предки. В мрачной романтике этих скандинавских сказок было много пленительного для юношеского воображения, и удивительные легенды о берсеркерах, викингах, гномах, великанах и чародеях, которые Мордонт слышал из уст местных жителей, не только, по его мнению, не уступали мифам античной древности, но порой даже соперничали с ними. Рыбаки часто указывали ему на окрестности как на место, где разворачивалось действие древних поэм: их полупели-полупроизносили голосами столь же суровыми, если не столь же громкими, как грохот волн, над которыми они раздавались. Часто Мордонту указывали на бухту, куда они шли, как на место кровавого морского боя; едва заметная груда бесформенных камней на высоком мысе оказывалась даном – замком могучего в свое время ярла или знаменитого пирата; одиноко вздымавшийся на пустынном болоте серый камень отмечал могилу героя; мрачная пещера, в глубину которой море стремило свои тяжелые, длинные, непрерывно катящиеся волны, оказывалась жилищем прославленной колдуньи.

Океан также хранил свои тайны, тем сильнее возбуждавшие воображение, что в течение более чем полугода море бывало различимо лишь сквозь сумеречную дымку.

Его бездонные глубины и неведомые пещеры таили, по уверению Суэйна и прочих рыбаков, искушенных в преданиях старины, такие чудеса, которые с презрением отвергаются современными мореплавателями. Говорили, что в тихом, озаренном луной заливе, где волны, шумя, набегают на усеянный ракушками гладкий песок побережья, порой еще можно было увидеть скользящую по воде русалку и услышать, как она, вторя дыханию ветра, поет о подводных чудесах или в торжественных песнопениях вещает грядущее. До сих пор еще полагали, что в подводных убежищах Северного океана скрывается кракен – величайшее из всех живущих созданий. Порой, когда дымчатая гряда покрывала морскую гладь, глаз искущенного моряка различал рога чудовищного левиафана³¹, то исчезающие, то вновь появлявшиеся в клубах тумана. Человек тогда налегал на весла или спешил ставить парус и как можно скорее уходил, чтобы внезапный водоворот, неизбежный при погружении на дно столь огромной туши, не увлек его утлое суденышко туда, где ждут свою жертву бесчисленные щупальца чудовища. Рыбаки рассказывали и про морского змея: поднимаясь из глубины океана, он вытягивал до самого неба бесконечно длинную шею, покрытую гривой, как у боевого коня, и глядел вниз, словно с вершины мачты, широко открытыми сверкающими глазами, как будто выбирая себе добычу или жертву.

Много необыкновенных историй об этих и о других не столь известных чудесах знали в те времена шетлендцы, чьи потомки до сих пор еще не вполне утратили в них веру.

Подобные легенды всюду, разумеется, имеют хождение среди простого народа, но насколько сильнее пленяют они воображение там, где простираются глубокие и грозные северные моря, в стране стремнин и скал, вздымающихся на многие сотни футов над берегом, в опаснейших морских проливах, среди течений и водоворотов, нескончаемых подводных рифов, где кипит и пенится вечно живой океан, у преддверия мрачных пещер, в самую глубь которых не отваживается проникнуть ни пловец, ни ладья, среди уединенных и часто необитаемых ост-

---

однако, считают подобную смерть доблестной; впрочем, поскольку дети начинают лазать по скалам с очень раннего возраста, количество несчастных случаев значительно меньше, чем можно было бы ожидать. (Примеч. авт.)

³¹ Левиафан – огромное морское чудовище, о котором говорится в Библии.

ровов или перед развалинами древних северных крепостей, едва различимых в тусклом свете полярной зимы. Мордонту с его романтическим характером подобные суеверия давали приятную и увлекательную пищу для воображения, и он часто, наполовину сомневаясь в них и наполовину им веря, заслушивался песнями о чудесах природы и существах, созданных доверчивой фантазией жителей, песнями, певшимися на грубом, но выразительном языке древних скальдов.

У него не было недостатка, однако, и в других, более мирных и веселых развлечениях, скорее подходящих для его возраста, чем старинные поверья и опасные предприятия, помнятые нами выше. Зима, когда из-за краткости дня работа становится почти невозможной, бывает в Шетлендии порой пирушек, праздности и шумных забав. Все, что удалось рыбаку приобрести летом, все тратится, а иногда попросту расточается на игры и потехи у его гостеприимного очага. Землевладельцы и дворяне дают в это время полный простор своим склонностям и попить, и развлечься с друзьями, в домах у них не переводятся гости, и зимнюю стужу они гонят прочь смехом и шутками, пением, танцами и полными стаканами вина.

Среди развлечений этого веселого, хотя и сурового, времени года никто из молодых людей не вносил большего задора в танцы или оживления – в пирушки, чем молодой чужестранец Мордонт Мертон. Когда душевное состояние его отца допускало, а вернее, требовало его отсутствия, он посещал одну усадьбу за другой и, куда бы ни приходил, всюду становился желанным гостем, охотно присоединяя свой голос к поющим или вступая в круг танцующих. Шлюпка, а если погода, как это часто случалось, не позволяла подобного способа передвижения, то один из многочисленных пони, которые, пасясь целыми стадами на болотах, находились, можно сказать, в распоряжении любого, способного поймать это полудикое животное, доставляли его из одного поместья в другое. Никто не мог превзойти его в исполнении воинственного танца с мечами – потехи, восходившей еще к обычаям древних скандинавов. Он играл на *гью*³² и на обыкновенной скрипке унылые и трогательные местные мелодии, но мог так же ловко и умело разнообразить их живыми напевами Северной Шотландии. Когда ряженные, или, как говорят в Шотландии, гизарды, отправлялись к кому-либо из соседних лэрдов или богатых юдаллеров, молодежь заранее радовалась, если удавалось заручиться согласием Мертона взять на себя роль *скадлера* – главаря веселой компании. Резвясь и проказничая, вел он тогда свою свиту из дома в дом, всюду принося веселье и заставляя сожалеть о своем уходе. Мордонт приобрел, таким образом, всеобщую известность и любовь большинства семейств, составлявших патриархальное общество Главного острова. Чаще всего, однако, и с наибольшей охотой посещал он дом лендлорда и покровителя его отца – Магнуса Тройла.

Но не один только радушный прием со стороны достойного старого магната и не сознание, что он, по существу, является патроном его отца, делали посещения Мордонта столь частыми. Правда, рука, сердечно протянутая для приветствия, столь же сердечно пожималась юношей, в то время как почтенный юдаллер приподнимался со своего огромного кресла из цельного дуба, украшенного грубой резьбой работы какого-нибудь гамбургского плотника и обитого искусно выделанными тюленьими шкурами, и возглашал свое «добро пожаловать» голосом, каким в древние времена встречал бы наступление *Иула*³³ – главного праздника готов. В доме Магнуса Тройла имелся магнит, несравненно сильнее притягивавший к себе Мордонта, – молодые сердца, чья радость при встрече с ним, хотя и не выражалась так громко, была столь же искренней, как и приветствие старого юдаллера. Но это не такая тема, о которой можно говорить в конце главы.

³² Гью – шотландский смычковый инструмент типа скрипки, с двумя струнами из конского волоса.

³³ Иул – самый торжественный праздник готов и древних скандинавов, начинавшийся в день зимнего равноденствия; посвящался богу солнца Фрейру, символом которого было колесо (hjol).

Глава III

*О Бесси Белл и Мэри Грей,
Как были вы прелестны!
Соломой крыт, в тени ветвей
Стоял ваш домик тесный.
Вчера я Бесс любил сильней
Всех девушек на свете,
А нынче взоры Мэри Грей
Меня поймали в сети.*

Шотландская песня

Мы уже упоминали о Минне и Бренде – дочерях Магнуса Тройла. Мать их умерла много лет тому назад. То были прелестные девушки: старшая едва достигла восемнадцати лет, иными словами – была на год или два моложе Мордонта Мертонна, а младшей еще не минуло и семнадцати. Дочери были для старого отца радостью сердца и светом очей, и хотя он и баловал их сверх всякой меры, что могло иметь для обеих сторон самые печальные последствия, однако дочери отвечали на любовь отца такой нежной привязанностью, что даже безрассудное баловство не в силах было вызвать в них ни тени непочтительности или девичьих капризов. Разница в характерах и внешности обеих сестер была поистине поразительной, хотя, как это нередко случается, сочеталась с известным семейным сходством.

Мать их была шотландской леди, родом из горного Сатерленда, дочерью предводителя клана, изгнанного во время усобиц семнадцатого века из своей родной страны. Он нашел для себя пристанище на мирных Шетлендских островах, которые при всей своей бедности и уединенности обладали одним хорошим свойством: они остались не тронуты раздорами и не запятнаны гражданскими распрями тех времен. Сент-Клер – таково было имя изгнанника – тосковал по родной долине, башням своего древнего замка, людям своего клана и утраченной власти и умер вскоре после прибытия на Шетлендские острова. Красота его осиротевшей дочери, несмотря на ее шотландское происхождение, покорила твердое сердце Магнуса Тройла. Он открыл ей свои намерения, был встречен благосклонно, и она стала его женой. Она скончалась на пятом году супружеской жизни, оставив Магнуса навеки оплакивать краткие дни своего семейного счастья.

От матери Минна унаследовала величественную осанку, темные глаза, иссиня-черные кудри и тонко очерченные брови – свидетели того, что она по крайней мере с материнской стороны не принадлежит по крови к обитателям страны Туле. Ее ланиты –

О, нежными, не бледными зови их!³⁴ –

были тронуты таким легким и нежным румянцем, что многим подобное преобладание лилий над розами казалось даже чрезмерным. В этой лилейной белизне, однако, не таилось ничего ни болезненного, ни томного: то был естественный цвет здоровья, чрезвычайно гармонизировавший с чертами, казалось, нарочно созданными для возвышенного характера. Стоило, однако, Минне Тройл услышать рассказ о человеческом горе или какой-нибудь несправедливости, как кровь тотчас же прилиwała к ее щекам, показывая, как горячо бьется сердце

---

³⁴ О, нежными, не бледными зови их! – слова из второй части поэмы английского романтика Сэмюэла Колриджа (1772–1834) «Кристалл» (1816).

девушки, несмотря на то, что выражение ее лица и манера себя держать свидетельствовали о серьезности и сдержанности нрава и склонности к уединению. Если посторонним порой казалось, что ее прекрасные черты отуманены грустью, для которой ни возраст Минны, ни ее положение в свете не могли служить основанием, то, узнав ее ближе, они вскоре начинали понимать, что истинной причиной этой задумчивости были внутренняя спокойная сосредоточенность и духовная сила, делавшие Минну равнодушной к пустым событиям повседневности. Многие, поняв, что меланхолия Минны – не следствие действительных горестей, а лишь устремление души к предметам более возвышенным, чем то, что ее окружает, могли бы, пожалуй, пожелать ей большего счастья, но вряд ли захотели, чтобы она стала веселей, – так прелестна была она в своей искренней, неподдельной серьезности. Иными словами, несмотря на крайнее наше желание избежать столь избитого сравнения с ангелом, нельзя не признать, что в строгой красоте девушки, сдержанной и вместе с тем изящной свободе движений, в музыке ее голоса и невинной чистоте взгляда было нечто, говорившее, что Минна Тройл – существо иного, высшего и лучшего мира и лишь случайный гость на нашей недостойной ее земле.

Бренда, почти такая же красивая и столь же прелестная и невинная, как Минна, настолько же не походила на сестру наружностью, как характером, вкусами и поведением. Ее густые локоны были того светло-каштанового оттенка, который в потоке солнечного света отливал золотом, но стоит лучам скользнуть прочь, как снова темнеет. Ее глаза, рот и чудесные зубы, которые она не стеснялась часто показывать в избытке непосредственной резвости, свежий, здоровый, но не слишком яркий румянец, оттенявший белую, как только что выпавший снег, кожу, подчеркивали ее скандинавское происхождение. Стройная, как фея, она была несколько ниже ростом, чем Минна, но, пожалуй, даже изящней ее. Беззаботная и почти по-детски легкая поступь, взгляд, который благодаря природной невинной живости на всем, казалось, останавливался с радостью, привлекали к себе всеобщее восхищение еще больше, чем спокойное обаяние Минны, хотя чувство, внушаемое последней, могло оказаться, пожалуй, более глубоким и благоговейным.

Склонности прелестных сестер были столь же различны, как и их внешность. Правда, в силе сердечной привязанности ни одной нельзя было отдать предпочтения – так нежно любили обе своего отца и друг друга. Но веселость, которую Бренда вносила в окружающую ее повседневность, казалась совершенно неисчерпаемой, тогда как менее жизнерадостная Минна не находила, по-видимому, в окрестном обществе особого интереса, и оно не способно было развлечь ее. Она словно позволяла потоку развлечений и радостей увлечь себя, но не прилагала со своей стороны никаких стараний, чтобы внести в него и свою долю. Она скорее снисходила к забавам, чем предавалась им, и наибольшую радость доставляли ей серьезные и уединенные занятия. Книги были ей недоступны – Шетлендия того времени предоставляла мало возможностей для получения тех мудрых уроков,

Что мертвые преподают живым, –

да и Магнус Тройл, как видно из нашего описания, не принадлежал к числу тех, в чьем доме можно было найти достаточные к тому средства. Но книга природы лежала раскрытая перед Минной, величайшая из книг, неизменно вызывающая в нас изумление и восхищение даже тогда, когда мы не в силах полностью понять ее. Растительность пустынных Шетлендских островов, раковины на их побережьях и бесчисленные пернатые племена, гнездящиеся на неприступных утесах, были так же хорошо знакомы Минне Тройл, как и самому опытному охотнику. Она одарена была изумительной наблюдательностью, от которой редко отвлекали ее какие-либо посторонние чувства, и то, что ей удавалось узнать в результате постоянного и терпеливого внимания, неизгладимо запечатлевалось в ее исключительной от природы памяти. Вместе с тем Минна глубоко ощущала величие дикой и мрачной страны, где ей суждено было

жить. Океан во всех своих бесчисленных превращениях, то величественно прекрасный, то грозный, и неприступные скалы, откликавшиеся на немолчный рокот волн и на крики морских птиц, были для нее полны очарования, в каком бы виде ни представляли перед ней в непрерывной смене времен года. Она обладала восторженной чувствительностью, свойственной романтически настроенным соотечественникам ее матери, и любовь к природе была для нее страстью, способной не только поглощать ее мысли, но и потрясать до самой глубины ее душу. Те самые картины, которые у сестры ее вызывали мимолетное, но быстро проходившее чувство страха или волнения, не оставляя заметного следа, долго еще продолжали занимать воображение Минны, и не только в часы одиночества и в тишине ночи, но и тогда, когда ее окружали люди. Порой Минна, сидя в кругу своих близких, становилась неподвижной, как прекрасная статуя, и мысли ее уносились вдаль, к дикому морскому берегу и еще более диким горам ее родных островов. Тем не менее, если внимание девушки удавалось привлечь к общей беседе, она с увлечением присоединялась к ней, и мало кто умел придать тогда разговору большую занимательность и доставить большее удовольствие окружающим. И хотя во всем ее облике было нечто, внушавшее, несмотря на ее крайнюю молодость, не только симпатию, но и невольное уважение, однако ее живую, веселую и милую сестру окружающие любили не меньше, чем сдержанную и задумчивую Минну.

В самом деле, прелестные сестры были не только радостью своих друзей, но и гордостью тех уединенных островов, где люди известного круга, оторванные от света и связанные друг с другом прочно укоренившимися обычаями гостеприимства, составляли как бы единую дружную семью.

Странствующий поэт и музыкант-самоучка, испытавший на своем веку немало превратностей и вернувшийся в конце концов доживать свои дни на родной остров, воспел дочерей Магнуса в поэме, озаглавленной им «Ночь и День», где, говоря о Минне, предвосхитил, хотя и в весьма грубой форме, чудесные строки Байрона:

Она идет во всей красе –
Светла, как ночь ее страны.
Вся глубь небес и звезды все
В ее очах заключены,
Как солнце в утренней росе,
Но только мраком смягчены³⁵³⁶.

Отец так сильно любил обеих девушек, что трудно было сказать, которую из двух – больше, разве что он предпочитал общество своей серьезной дочери во время прогулок, а резвухи – у домашнего камелька; искал Минну, когда ему становилось грустно, и Бренду – когда бывал весел; иными словами, Минна была его любимицей до полудня, а Бренда – вечером, после того, как чаша уже пошла вкруговую.

Но еще более поразительным было то, что привязанность Мордонта Мертоня распределялась между обеими милыми сестрами с той же беспристрастностью, как и отцовская любовь Магнуса. С самого отрочества, как мы уже говорили, он бывал частым гостем в Боро-Уестре, несмотря на то, что последняя находилась на расстоянии почти двадцати миль от Ярлсхофа и местность между обеими резиденциями была весьма труднопроходимой. Холмистая пустошь, покрытая болотами и трясиными и пересеченная морскими бухтами или фьордами, вдающимися со всех сторон в сушу, так же как и обилие рек и пресных озер делали дорогу весьма затруднительной и даже опасной, особенно в зимнее время года. Однако едва Мордонт замечал

³⁵ Она идет во всей красе... – первое стихотворение из цикла стихов Байрона «Еврейские мелодии» (1814–1815).

³⁶ Перевод С. Маршака.

по душевному состоянию отца, что лучше быть от него подальше, как – в этом можно было не сомневаться, – невзирая на все опасности и трудности, он уже на следующий день появлялся в Боро-Уестре, преодолев весь путь быстрее самого ловкого местного уроженца.

Его, конечно, считали поклонником одной из дочерей Магнуса, а когда заметили особую благосклонность старого юдаллера к юноше, то никто уже больше не сомневался, что Мордонт мог рассчитывать на руку одной из этих родовитых красавиц. В его владение перешло бы после свадьбы немалое число островков, каменистых болот и участков, годных для рыбного промысла и предназначавшихся в приданое любому детищу, а в будущем он мог оказаться обладателем половины всех земель древнего рода Тройлов, когда теперешнего их хозяина не станет. Это казалось вполне разумным предположением и, по крайней мере теоретически, было не хуже обосновано, чем многие имеющие хождение в свете так называемые неопровержимые истины. Но, увы! С каким бы старанием и проницательностью ни следили кумушки за поведением обеих сторон, они никак не могли решить главного, а именно – к которой из юных особ Мордонт был более привязан. Он обращался с ними так, как любящий и преданный брат мог бы обращаться с сестрами, настолько для него равными, что ни единый вздох не перевешивал чашу его привязанности в ту или иную сторону. Если же, как это порой случалось, одна из девушек становилась предметом его особого внимания, то, видимо, только потому, что в данный момент наиболее ярко проявлялись свойственные именно ей таланты и склонности.

Сестры были прекрасными исполнительницами несложных напевов своего родного Севера, и, когда они занимались музыкой, Мордонт был их постоянным товарищем и наставником в этом благородном искусстве. С Минной разучивал он простые, суровые и торжественные мелодии, под аккомпанемент которых древние скалды и арфисты воспевали деяния героев. С не меньшей охотой помогал он Бренде разбирать более сложные и веселые пьесы по нотам, которые любящий отец выписывал для дочерей из английской или шотландской столицы. А во время долгих бесед с девушками Мордонт, в чьем характере глубокая и пылкая восторженность сочеталась с веселыми и непосредственными порывами юности, с одинаковым увлечением слушал и рассказы Минны о суровом и поэтическом прошлом, и милую, часто остроумную болтовню ее резвой сестры.

Короче говоря, он настолько не отдавал предпочтения ни одной из девушек, что, как порою сам говорил, Минна казалась ему всего прелестней тогда, когда беззаботная сестра заставляла ее хоть на время забыть свою постоянную серьезность, а Бренда – в те минуты, когда тихо сидела и внимала чему-либо, подчиняясь влиянию Минны и разделяя ее глубокое и страстное воодушевление.

Общество Главного острова, таким образом, потеряло, как говорят охотники, след и после многих колебаний в пользу то одной, то другой сестры пришло лишь к выводу, что молодой человек обязательно женится на одной из них, а на которой из двух – выяснится, очевидно, тогда, когда наступившая возмужалость или вмешательство грозного старого Магнуса помогут мастеру Мордону Мертону разобраться в собственных чувствах.

«Хорошенькое дело, – обычно заключали кумушки, – он и родом-то нездешний, и никому не известно, есть ли у него что за душой! А еще ломается, делает вид, что по своей прихоти может выбрать одну из самых благородных красавиц Шетлендии! Да будь мы на месте Магнуса Тройла, мы бы скоро докопались до сути дела...» – и так далее. Все эти замечания, однако, произносились лишь шепотом, ибо в крутом нраве юдаллера таилось еще слишком много старой норвежской горячности, чтобы безопасно было совать нос в его домашние дела. Таково было положение Мордонта Мертон в семье мистера Тройла из Боро-Уестры, когда произошли следующие события.

Глава IV

*Негоже в путь пускаться нынче утром –
Туман одел холмы, поля и рощи,
Как серый плат – недавнюю вдову...
И, право слово, хоть я мягок сердцем,
А предпочту внимать слезам, и вздохам,
И вдовым причитаньям об усопшем,
И перечню всех доблестей его,
Чем, находясь во власти урагана,
Внимать его порывам.*

«Двойная свадьба»³⁷

Стояла уже поздняя весна, когда, проведя целую неделю в Боро-Уестре среди забав и развлечений, Мордонт Мертон стал прощаться с семьей хозяина, ссылаясь на необходимость своего возвращения в Ярлсхоф. Его принялись отговаривать обе девушки и с особой настойчивостью сам Магнус: он не видел причины, почему Мордонту следует вернуться домой. Если бы его отец хотел повидаться с ним – чего, кстати, Магнус не предполагал, – так ему достаточно было вскочить в шлюпку Суэйна или оседлать пони, коли он предпочитает путешествовать посуху, и он повидал бы не только своего сына, но и еще двадцать человек в придачу, которые были бы весьма рады удостовериться, что Мертон за время своего долгого затворничества не вполне утерял дар человеческой речи, – «хотя должен признаться, – присовокупил достойный юдаллер, – что, когда он еще среди нас жил, никто не проявлял этого самого дара реже, чем он».

Мордонт согласился со всем, что касалось молчаливости и нелюдимости его отца, но в то же время заметил, что первое из этих свойств делало его собственное возвращение тем более необходимым, ибо он являлся обычным средством общения между отцом и окружающими, тогда как второе еще усугубляло эту необходимость, так как, поскольку мистер Мертон был лишен иного общества, естественно было, чтобы сын возможно скорее вернулся к нему.

– Что же до приезда моего отца в Боро-Уестру, – прибавил юноша, – так с таким же успехом мог бы сюда явиться сам Самборо-Хэд.

– Да, вот это был бы, можно сказать, обременительный гость, – заметил Магнус – Но ты по крайней мере хоть пообедаешь с нами сегодня? Ведь мы ждем в гости Муниссов, Квиндейлов, Торсливоу и не знаю, кого там еще, и сверх тех тридцати человек, что провели здесь прошлую счастливую ночь, у нас будет еще столько ночлежников, сколько в спальнях, беседках, амбарах и лодочных сараях поместится постелей, а то и просто охапок ячменной соломы. А ты от всего этого хочешь уехать?

– А как же веселые танцы сегодня вечером? – прибавила Бренда полуукоризненным-полуубиженным тоном. – Ведь с острова Пабы приедут молодые люди и будут исполнять танец с мечами, а кто же выступит тогда с нашей стороны, чтобы поддержать честь Главного острова?

– Ну, тут у вас найдется много хороших танцоров, Бренда, – ответил Мордонт, – даже если я никогда больше не войду в круг танцующих. А где есть хорошие танцоры, Бренда Тройл всегда найдет себе достойного кавалера. Что до меня, то я сегодня вечером буду отплясывать на пустошах Данроснеса.

---

³⁷ В эпиграфе цитата из «Двойной свадьбы» – комедии, написанной около 1620 г. английскими драматургами Джоном Флетчером (1579–1625) и Филиппом Мессинджером (1583–1640).

– Не говори так, Мордонт, – прервала его Минна, во время разговора тревожно глядевшая в окно, – не пускайся в путь, по крайней мере сегодня, через Данроснесскую пустошь.

– А почему не сегодня, Минна? – со смехом спросил Мордонт. – Чем сегодняшней день хуже завтрашнего?

– О, утренний туман тяжелой пеленой накрыл ту гряду острова и ни разу не дал нам взглянуть на Фитфул-Хэд – высокий утес, что венчает вон ту величественную горную цепь. Птицы держат путь к берегу, а утка-пеганка нынче кажется сквозь туман не меньше большого баклана³⁸. Посмотри, даже буревестники ищут убежища в скалах.

– И выдержат шторм получше королевского фрегата, – прибавил ее отец. – Да, это предвещает бурю, когда они так вот спешат укрыться.

– Оставайся-ка лучше с нами, – сказала Минна своему другу, – подымется страшная буря, но мы спокойно сможем смотреть на нее из окон Боро-Уестры, зная, что никто из близких не подвергается ее ярости. Чувствуешь, как душен и зноен воздух, хотя еще весна, и так тихо, что ни одна былинка не дрогнет на вересковой пустоши. Останься, Мордонт, эти признаки предвещают, что буря будет ужасной.

– Ну что же, тем скорее следует мне отправляться, – решил Мордонт, не имея возможности отрицать примет, прекрасно подмеченных его зорким взглядом. – А если непогода слишком разыграется, так я заночую в Стурборо.

– Что? – воскликнул Магнус – Ты можешь променять нас на общество посланного новым губернатором новенького шотландского управляющего, что должен научить нас, шетлендских дикарей, всяким новшествам? Ступай своей дорогой, приятель, раз ты вот какие запел песни.

– Да нет же, нет, – возразил ему Мордонт, – мне только любопытно было бы взглянуть на новые орудия, что он привез с собой.

– Да, да, дурачки всегда дивятся диковинкам! А хотел бы я знать, как это его новый плуг справится с нашими шетлендскими скалами! – перебил его Магнус.

– Я зайду в Стурборо только в том случае, – сказал юноша, уважая предубеждения старого юдаллера против всякого рода нововведений, – если эти приметы действительно предсказывают бурю: если же дело кончится одним ливнем, что всего вероятнее, так ничего страшного. Думаю, что я не растаю.

– Дело не ограничится ливнем, – сказала Минна, – взгляни: с каждым мгновением тучи становятся все гуще и гуще, и бледные алые и фиолетовые полосы радуги, предвещающие бурю, все чаще появляются на их темно-свинцовом фоне.

– Все это я вижу, – ответил Мордонт, – но тем более мне нечего медлить. Прощай, Минна, я пришлю тебе перья орла, если на островах Фэр-Айл или Фаула водятся еще орлы. Всего доброго, моя маленькая Бренда, думай обо мне хоть немножко, как бы хорошо ни плясали твои гости с острова Пабы.

– Будь, по крайней мере, осторожен, если ты все-таки хочешь уйти, – сказали ему на прощание сестры.

Старый Магнус побранил их для вида за то, что они видят какую-то опасность в том, что энергичный молодой человек померится силами с весенней бурей на суше или на море. Кончил он, однако, тем, что и сам серьезно посоветовал Мордонту отложить путешествие или по крайней мере остановиться в Стурборо.

– Ибо, – сказал он, – задним умом всегда лучше жить, а раз уж подворье этого шотландского выходца будет у тебя как раз под ветром, что ж, заверни к нему – в бурю пригодна

---

³⁸ Часто можно видеть, как эти большие бакланы смело летают над бурными водами Шетлендского архипелага, но еще чаще – как они рядами сидят на каком-нибудь рифе или скале, подобно черным брауншвейцам (Черные брауншвейгцы. – В 1809 г. брауншвейгский герцог Фридрих-Вильгельм (1771–1815) создал корпус для борьбы с Наполеоном. Боевые мундиры брауншвейгцев были черного цвета. В 1815 г. брауншвейгский корпус вместе с англичанами упорно сражался против войск наполеоновского маршала Нея в битве при Катр-Бра.) в 1815 г. (Примеч. авт.)

любая гавань. Но только не думай, что дверь у него закрыта на одну щеколду, какая бы там ни разыгралась буря: в Шотландии в ходу такие вещи, как задвижки и засовы, хотя, слава святому Роналду, у нас их нет и в помине, кроме разве одного только большого замка в старом замке Скеллоуэй – на него еще до сих пор ходят взглянуть как на диковинку. Может быть, замки и засовы – тоже усовершенствования, которым нас, бедных, хочет научить этот шотландец. Но отправляйся, Мордонт, раз уж ты непременно решил идти. Эх, будь ты года на три постарше, тебе полагалась бы подорожная чарка, но молодежи не следует пить, разве что после обеда; а чарку вместо тебя осушу я сам, чтобы не нарушать хорошего обычая, а то еще приключится что-нибудь недоброе. Ну, счастливого тебе пути, мой мальчик!

С этими словами юдаллер залпом осушил высокий кубок бренди столь же безнаказанно, как если бы это был стакан ключевой воды. Итак, после множества сожалений и напутствий Мордонт покинул наконец гостеприимный дом, где жизнь была такой уютной. Уходя, он бросил последний взгляд на выходявшие из труб густые клубы дыма и мысленно представил себе безлюдный, одинокий и запущенный Ярлсхоф, сравнил молчаливую меланхолию своего отца с горячим участием тех, кого он только что покинул, и невольно вздохнул от нахлынувших на него при этом мыслей.

Признаки надвигающейся бури не обманули предчувствий Минны. Не успел Мордонт пробыть в дороге и трех часов, как ветер, хотя утром в воздухе стояла мертвая тишь, начал вздыхать и стонать, словно заранее оплакивая те разрушения, которые совершит, когда придет в неистовство, подобно безумцу, охваченному мрачной тоской перед наступлением буйного припадка. Затем, постепенно усиливаясь, ветер завыл, заревел и забушевал со всей яростью северного шторма. К нему присоединился ливень вперемешку с градом и принялся с неумолимой яростью хлестать окружавшие путника холмы и скалы, отвлекая его, несмотря на крайние его усилия, от поисков правильного пути, что было особенно затруднительным в местности, лишенной не только дорог, но даже едва намеченных троп, которых мог бы придерживаться путник. К тому же вся пустошь была пересечена ручьями, большими лужами, озерами и лагунами. Все эти воды были теперь взбиты в клубящуюся пену, большая часть которой, подхваченная вихрем, уносилась далеко от своего водоема. Соленый привкус влаги, бьющей в лицо Мордонту, скоро показал ему, что к пене внутренних озер и потоков примешивались брызги далекого океана, приведенного в неистовство бурей.

Среди этих разбушевавшихся сил природы Мордонт Мертон упорно продвигался вперед, как человек, хорошо знакомый с подобной борьбой стихий; самые усилия, которые он должен был прилагать, чтобы противостоять их ярости, казались ему проявлением решительности и мужества. Он даже чувствовал, как это бывает в минуты больших испытаний, что сознание силы, помогавшей ему преодолевать все препятствия, является для него своего рода почетной наградой. То, что он различал и находил свой путь в такие минуты, когда овец сносило с холмов, а птицы падали с неба, было для него лучшим доказательством собственного превосходства.

«Ну, – сказал он сам себе, – друзьям моим в Боро-Уестре не придется услышать обо мне того же, что о старом полоумном Рингане Юинсене, чья шляпка затонула между рейдом и пристанью. Тому, кто, как я, наострился лазать по скалам, не страшны ни огонь, ни вода, ни буря на море, ни трясина на суше».

Итак, он упорно продвигался вперед, борясь с ураганом, и за отсутствием вех, обычно указывающих путнику дорогу (ибо скалы, горы и выступы были скрыты туманом и мраком), инстинктивно руководствовался каждой малейшей особенностью ландшафта, могущей служить путеводным знаком, чему научило его долгое общение с дикой природой Севера. Таким образом, повторяем, пробивался он вперед, то останавливаясь и пережидая, то даже, когда порывы бури становились слишком сильными, ложась на землю. Когда же они хоть немного стихали, он быстро и смело бросался вперед, отдаваясь на волю ветра. Если же это оказыва-

лось невозможным, юноша использовал обходные тропы, маневрируя, словно корабль, идущий короткими галсами, но не уступая ни одной пяди завоеванного с таким трудом пути.

Однако, несмотря на всю опытность и смелость Мордонта, положение его было в достаточной степени неприятным и даже опасным. Не потому, что его матросская куртка и панталоны – обычный дорожный костюм шетлендского юноши – насквозь промокли: в столь влажном климате это легко могло произойти и в любой другой день. Нет, самое страшное было то, что, несмотря на свои крайние усилия, Мордонт продвигался вперед чрезвычайно медленно: потоки вышли из берегов и залили все кругом, стоячие воды болот смешались со струями ливня, все это сделало знакомую дорогу весьма опасной и неоднократно вынуждало путника совершать далекие, в обычное время совершенно ненужные обходы. Таким образом, Мордонт, которого, несмотря на его молодость и силу, буря неоднократно отбрасывала назад и сбивала с дороги, от души обрадовался, когда, утомленный долгим путем и упорной борьбой с дождем и ветром, увидел наконец усадьбу Стурборо, или Харфру, как местные уроженцы называли жилище мистера Триптолемуса Йеллоули. Губернатор Оркнейских и Шетлендских островов, человек весьма предприимчивый, послал его в Ultima Thule древних римлян для насаждения там таких новшеств, какие в те давние времена вряд ли существовали даже в самой Шотландии.

В конце концов, преодолев немалые трудности, Мордонт добрался до жилья почтенного агронома; на много миль в окружности это было единственное убежище от неослабевающей бури. Мордонт подошел прямо к двери в полной уверенности, что его тотчас же впустят, и немало удивился, увидев, что она не просто закрыта на щеколду – это еще можно было бы объяснить непогодой, – но и задвинута засовом, а мы уже знаем из слов Магнуса Тройла, что засовы в тех краях были почти неизвестны. Мордонт принялся стучать, звать и в конце концов колотить по двери палкой и камнями, что было вполне естественно для юноши, чье нетерпение все возрастало как из-за бушевавшего кругом ненастья, так и от встречи со столь неожиданным и необычным препятствием, как запертая изнутри дверь. Поскольку ему пришлось, однако, стучать и кричать в течение многих минут, тщетно выражая таким образом свое нетерпение и не получая никакого ответа, мы воспользуемся этим временем, чтобы сообщить читателю, кто такой был Триптолемус Йеллоули и каким образом получил он столь удивительное имя.

Старый Джаспер Йеллоули, отец Триптолемуса, хотя родился у подножия Роузберри Топпинга, был, однако, введен в заблуждение одним благородным шотландским графом, который, как хитрый северянин, убедил добродушного йоркширца арендовать ферму в Мирнее, где, само собой разумеется, он вскоре обнаружил, что дело обстоит вовсе не так, как можно было ожидать. Тщетно трудился упрямый фермер, пытаясь особо тщательной обработкой возместить вредное влияние слишком холодной почвы и влажного климата. С этим ему, пожалуй, удалось бы справиться, но из-за близкого соседства Грампианских гор³⁹ ферма его непрестанно подвергалась посещениям обитавших неподалеку джентльменов, одетых в пледы, и то, что делало из юного Норвала⁴⁰ воина и героя, совершенно разорило Джаспера Йеллоули. Правда, до известной степени он был вознагражден за свои убытки тем впечатлением, какое его румяные щеки и могучая фигура произвели на мисс Барбару Клинкекейл, дочь покойного и сестру здравствовавшего в то время Клинкекейла из Клинкекейла.

Союз этот был признан во всей округе ужасающим и противоестественным, ибо род Клинкекейлов столь же славился шотландской заносчивостью, сколь и шотландской скупостью. Но мисс Бэйби обладала своим собственным порядочным состоянием в две тысячи марок, находившимся в полном ее распоряжении, и была женщиной весьма неглупой и к тому же

³⁹ Грампианские горы – горная цепь в Пертском графстве в Шотландии.

⁴⁰ Норвал – пастух, один из главных героев трагедии английского писателя Джона Хоума (1722–1808) «Дуглас» (1756). В XVIII в. эта трагедия пользовалась исключительной популярностью, ее автора называли шотландским Шекспиром.

major⁴¹ и sui juris⁴² (как сообщил ей писец, составлявший брачный контракт) в течение уже целых двадцати лет. Поэтому она, не задумываясь о последствиях и не обращая внимания на пересуды, отдала свою руку добродушному йоркширскому йомену⁴³. Ее брат и более зажиточные сородичи с негодованием отвернулись от нее и едва не отреклись от столь унизившей себя родственницы. Но род Клинксейлов, как и прочие шотландские семьи того времени, включал огромное количество далеко не столь щепетильных сородичей – кузенов десятой, а то и шестнадцатой степени родства, которые не только признали свою родственницу Бэйби после ее брака с Йеллоули, но даже снизошли до того, что согласились вкушать бобы со свиной (хотя в ту эпоху шотландцы питали к последней такое же отвращение, как и евреи) за столом ее супруга и охотно скрепили бы свою дружбу с ним небольшим займом, если бы его любезная женушка, разбиравшаяся в подобных хитростях не хуже любой другой обитательницы Мирнса, не наложила запрет на такого рода попытки к более тесному сближению. Более того – она знала, как заставить юного Дейлбеликита, старого Дугалда Бэрсурда, лэрда Бэндиброла и других заплатить за гостеприимство, в котором не считала удобным им отказывать: при их посредстве она договорилась с предприимчивыми молодчиками, что живут по ту сторону Кэрна, и те, увидав, что разоряемый их набегами фермер «породнился с самими господами, которые милостиво кивают ему и в церкви и на базарной площади», согласились за весьма умеренные отступные прекратить дальнейшие посягательства на его собственность.

Столь блистательные успехи примирили Джаспера с той властью, какую жена возымела над ним и которая еще более утвердилась, когда миссис Йеллоули... позвольте... как бы это выразиться поделикатнее... одним словом, оказалась в интересном положении. По этому случаю ей приснился однажды удивительный сон, что нередко бывает с женщинами на исходе беременности, если ребенку суждена великая будущность. Ей, видите ли, «возьми да и приснись», как выразился ее супруг, что она благополучно разрешилась от бремени плугом, запряженным тремя парами энгесширских быков. Будучи великим знатоком всякого рода знамений, она тотчас же принялась вместе с другими кумушками обсуждать, что бы такое это могло значить. После долгих колебаний простодушный Джаспер попытался было высказать свое собственное мнение: «Сон, дескать, скорее имеет отношение к вещам прошедшим, чем к будущим, и, может статься, был вызван тем, что нервы миссис Йеллоули испытали небольшое потрясение, когда она на дороге за домом неожиданно столкнулась с его собственным большим плугом, запряженным шестью быками, гордостью его сердца». Но добрые приятельницы подняли такой крик и так возмутились подобного рода объяснением, что Джасперу пришлось заткнуть уши и броситься вон из комнаты.

– Что он только говорит! – завопила старая деревенская ковенантка⁴⁴. – Что он говорит! Носится со своими быками ну прямо как язычник с вефильским тельцом!⁴⁵ Но только не за земным плугом пойдет славный мальчик, – что новорожденный будет мальчиком, можете не сомневаться, – а за плугом Духа. И сама я надеюсь еще увидеть, как станет он проповедовать да качать головой с кафедры, а то, еще того лучше, прямо с высокого холма.

– Ну уж нет! К черту ваши ковенантские штучки! – воскликнула престарелая леди Глен-прозинг. – К чему это прелестному сынишке нашей приятельницы качать до одури головой, как этот ваш благочестивый Джеймс Гатри, о котором вы только и болтаете? Нет уж, он пойдет куда более верной дорогой и станет себе таким хорошеньким приходским священником, а там, глядишь, достигнет и сана епископа... Ну что, разве плохо?

⁴¹ Совершеннолетней (*лат.*).

⁴² Правоспособной (*лат.*).

⁴³ Йомен – средний и зажиточный крестьянин в Англии XIV–XVIII вв.

⁴⁴ Ковенантка – сторонница независимой пресвитерианской церкви в Шотландии.

⁴⁵ Вефильский телец – согласно Библии, золотой телец, которому царь Иеровоам заставил поклоняться жителей Вефиля – столицы Израильского царства.

Перчатка, открыто брошенная одной сивиллой, была тут же подхвачена другой, и спор между пресвитерианством и епископальной церковью⁴⁶ разгорелся с такой яростью и сопровождился таким криком или, вернее, визгом – стаканчик коричной настойки, обошедший честную компанию, только подлил масла в огонь, – что Джасперу пришлось вернуться в комнату с рукоятью плуга в руке, и только страх перед ним и нежелание показать себя в не совсем подобающем виде перед «посторонним мужчиной» заставили спорящие стороны несколько уючиться.

Не знаю, то ли от нетерпения как можно скорее подарить свету существо, которому суждена была столь блестящая, хоть и неопределенная будущность, то ли бедная миссис Йеллоули была чрезмерно напугана поднявшейся вокруг нее суматохой, но только она вдруг почувствовала себя плохо и даже, вопреки обычно принятым и предусмотренным при подобных обстоятельствах выражениям, «намного хуже, чем можно было ожидать». Тут она воспользовалась удобным случаем и, пока была еще способна соображать, вырвала у своего исполненного сострадания супруга два обещания: во-первых, дать при крещении ребенку, чье появление грозило ей обойтись так дорого, имя, в котором отражалось бы ниспосланное ей свыше предзнаменование, а во-вторых, воспитать его для служения церкви. Осмотрительный йоркширец согласился на все ее требования, полагая, что в данную минуту и в подобном деле у нее имеется достаточно оснований, чтобы диктовать свою волю. Вот при каких обстоятельствах появился наконец на свет младенец мужского пола. Мать находилась, однако, в таком состоянии, что в течение многих дней не могла даже спросить, в какой мере данные ей обещания были выполнены. Когда же она стала поправляться, ей сообщили, что, поскольку оказалось необходимым окрестить ребенка немедленно, его назвали Триптолемус⁴⁷, ибо священник, человек, получивший некоторое классическое образование, нашел, что это имя весьма красивым образом и совершенно в духе античности намекает на мистический плуг, запряженный тремя парами быков. Миссис Йеллоули отнюдь не пришла в восторг от того, как именно исполнили ее волю, однако, поскольку роптать было бы теперь так же бесполезно, как и в знаменитом случае с Тристрамом Шенди⁴⁸, она примирилась с подобным языческим именем и решила бороться с влиянием, которое оно могло оказать на ее сына, воспитав последнего в духе, не допускающем и мысли о каких-то там лемехах, резаках, рукоятках, отвалах и всем прочем, связанном с презренной и тяжелой работой пахаря.

Хитрый йоркширец Джаспер потихоньку посмеивался себе в кулак, видя, что яблочко, пожалуй, упадет недалеко от старой яблони и маленький Триппи выйдет скорее в батюшку веселым йоркширским йоменом, а не в благородную, но несколько *aigre*⁴⁹ родню из дома Клинкскейлов. С затаенной радостью примечал отец, что любимой колыбельной младенца была «Пахарь посвистывает», а первыми словами, которые он научился лепетать, – клички быков. Более того – «малый» предпочитал домашний эль шотландскому двухпенсовому и особенно неохотно расставался с кружкой в том случае, когда Джасперу при помощи одному ему

⁴⁶ Пресвитерианство и епископальная церковь. – После Реформации в Англии утвердилась так называемая англиканская, или епископальная, церковь, во главе которой вместо Папы стал английский король, но которая сохранила и епископов. Напротив, в Шотландии утвердилась пресвитерианская церковь, которая отрицала епископов и признавала выборных старейшин (священников), стоявших во главе общин. История Англии XVII в. изобилует разногласиями и столкновениями между обеими церквями.

⁴⁷ Триптолемус – латинизированная форма имени мифологического героя древних греков Триптолема, любимца богини земледелия Деметры, введшего в Аттике земледелие.

⁴⁸ В романе Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена» рассказывается, что отец героя, большой любитель античности и человек, верящий во влияние имен людей на их судьбы, решил назвать его Трисмегистом (то есть трижды величайшим, как именовали древние греки бога Гермеса). Служанка, которая передавала священнику волю отца ребенка, запомнила только первый слог «трис», на что священник ответил, что так может начинаться только одно имя – Тристрам (многострадальный). У миссис Шенди, узнавшей, каким именем наречен ее сын, началась истерика, но изменить имя ребенка было уже поздно.

⁴⁹ Кислого нрава (*фр.*).

известных махинаций удавалось добавить в котел во время варки двойное количество солода против того, какое допускалось по самому щедрому рецепту, принятому в домоводстве его бережливой супруги. Отец также заметил, что, когда никакие иные средства не могли остановить его рева, Трип сразу же умолкал, стоило только позвякать над его ухом уздечкой. Исходя из всех этих признаков, Джаспер часто божился, что малыш уж наверно вырастет истинным йоркширцем, а доля, унаследованная от матери и всего материнского рода, окажется самой малой.

Тем временем, примерно через год после рождения Триптолемуса, миссис Йеллоули решила от бремени девочкой. Ее назвали в честь матери Барбарой, и с самого младенчества у нее уже обнаружились узкий и длинный нос и тонкие губы, которыми семейство Клинкскейлов отличалось от всех других обитателей Мирнса. По мере того как девочка подрастала, жадность, с какой она хватала игрушки Триптолемуса, и упорство, с каким не желала расставаться с ними, вместе со склонностью кусаться, щипаться и царапаться по самому малому поводу или даже без всякого повода, заставили внимательных наблюдателей единодушно признать, что мисс Бэйби «ну прямо вылитая мать». Злые языки не стеснялись даже утверждать, что жадность клинкскейльского рода не была в данном случае ни смягчена, ни разбавлена кровью веселой Англии. Молодой Дейлбеликит бывал в те дни весьма частым гостем миссис Йеллоули, и не могло не казаться в высшей степени странным, что хозяйка, которая, как всем было прекрасно известно, никогда ничего не давала даром, тут с необычной щедростью наполняла тарелку и наливала до краев кружку такому бездельнику и шалопаю. Впрочем, достаточно было хоть раз увидеть суровые и строго добродетельные черты миссис Йеллоули, чтобы сразу оценить по достоинству и ее необычное поведение, и изысканный вкус Дейлбеликита.

Тем временем юный Триптолемус успел усвоить те начатки школьной премудрости, какие смог преподать ему местный священник, ибо хотя госпожа Йеллоули примыкала к остаткам гонимого пресвитерианства, но ее жизнерадостный муж, воспитанный среди черных ряс и молитвенников, принадлежал к установленной законом церкви. Когда настало для того время, Триптолемуса послали в колледж Сент-Эндрюса для дальнейшего образования. Отправиться-то он туда отправился, но одним глазком все оглядывался назад – на отцовский плуг, отцовские олады и отцовский эль, весьма жалким заменителем которого было слабое пиво, подаваемое в колледже и прозванное там «мочегоном». Мальчик, правда, делал некоторые успехи, но вскорости обнаружилось, что он питает особую склонность к тем античным авторам, чьи произведения трактуют главным образом об усовершенствованиях в сельском хозяйстве. Он терпеливо изучал «Буколики» Вергилия⁵⁰, знал наизусть «Георгики», но «Энеиду» совершенно не выносил; особенно возмущался он знаменитой строчкой о несущейся коннице, ибо, согласно его пониманию слова *putrem*⁵¹, получалось, что всадники в пылу атаки мчались прямо по свежееунавоженному полю. Катон⁵², римский цензор, был его любимым античным героем и философом, но не за то, что проповедовал строгость нравов, а за сочинение «*De re rustica*»⁵³. Привычной поговоркой юного Триптолемуса стала фраза Цицерона: «*Jam neminem antepones*

⁵⁰ Вергилий (70–19 до н. э.) – величайший римский поэт «века Августа». Его поэма «Буколики» посвящена пастушеской жизни; поэма «Георгики» представляет собою стихотворный сельскохозяйственный трактат и воспекает уклады сельской жизни; самое знаменитое произведение Вергилия, поэма «Энеида», изображает странствия и подвиги мифического предка римлян Энея.

⁵¹ Рыхлое, унавоженное (*лат.*). *Quadrupedumque putrem sonitu quatit ungula campum.* (*Примеч. авт.*) – Топотом звонких копыт потрясается рыхлое поле. (*Перев. В. Брюсова.*)

⁵² Катон Старший (234–149 до н. э.) – римский государственный деятель и писатель, отличавшийся суровыми нравственными принципами. Единственное дошедшее до нас произведение Катона «О сельском хозяйстве» представляет собою сборник наставлений по земледелию, животноводству и т. д.

⁵³ «О сельском хозяйстве» (*лат.*).

Catoni»⁵⁴. Ему нравились Палладий⁵⁵ и Теренций Варрон⁵⁶, а томик сочинений Колумеллы⁵⁷ был его постоянным спутником.

Кроме этих древних знаменитостей юноша уважал и более современных авторов – Тассера⁵⁸, Хартлиба⁵⁹ и других, писавших о сельском хозяйстве, не оставлял он без внимания и разглагольствований «Пастуха Солсберийской долины»⁶⁰ и более осведомленных филоматов⁶¹, которые, вместо того чтобы загромождать свои альманахи пустыми пророчествами политических событий, ограничивались предсказаниями, какие посевы удадутся, а какие – нет, явно стремясь привлечь внимание читателя к тем культурам, хороший урожай которых можно было предсказать почти с полной уверенностью. Одним словом, эти скромные мудрецы, не заботясь о возвышении или падении империй, довольствовались тем, что указывали подходящее время для жатвы и посева, стараясь угадать, какую погоду вернее всего следует ожидать в каждом месяце: так, например, если будет угодно небу, то в январе пойдет снег, а июль – август ручается своим добрым именем – в целом окажется солнечным. Хотя ректор колледжа святого Леонарда был, в общем, весьма доволен своим спокойным, трудолюбивым и прилежным воспитанником Триптолемусом Йеллоули и считал его, во всяком случае, вполне достойным имени из четырех слогов, да еще с латинским окончанием, однако он далеко не одобрял столь исключительного пристрастия Триптолемуса к его любимым авторам. «Постоянно думать о земле, – говорил он, – все равно – удобренной или неудобренной, – это слишком уж пахнет черноземом, если не чем-нибудь еще того хуже». Тщетно побуждал ректор своего ученика заняться более возвышенными предметами – историей, поэзией или богословием – Триптолемус Йеллоули упорно придерживался своей собственной линии поведения. Читая о битве при Фарсале, он не думал о том, что исход ее угрожал свободе тогдашнего мира, а соображал, какой, должно быть, хороший урожай дали эматийские поля на следующий год.

Что касается отечественной поэзии, то Триптолемуса с трудом можно было уговорить прочесть хоть одно английское двустишие; единственное исключение делал он, как мы уже говорили, для старика Тассера, чьи «Сто добрых советов по сельскому хозяйству» он выучил наизусть. Исключение сделал он также для «Видения Петра-пахаря»⁶². Прельстись заглавием, Триптолемус поспешил купить книжку у коробейника, но, прочитав первые две страницы, бросил ее в огонь, как бесстыдный и обманчиво озаглавленный политический пасквиль. Столь же решительно покончил Триптолемус и с богословием, напомнив своим наставникам, что возделывать землю и добывать хлеб трудами рук своих и в поте лица своего – участь, назначенная человеку после грехопадения, и что сам он будет прилагать все усилия для выполнения работы,

⁵⁴ «Уж выше Катона ты не поставишь никого» (лат.).

⁵⁵ Палладий (IV в.) – последний из известных нам римских авторов, писавших о сельском хозяйстве. Его труд «О сельском хозяйстве» состоит из 14 книг и представляет собою подробное руководство по сельскохозяйственным работам.

⁵⁶ Теренций Варрон (116–28 до н. э.) – римский государственный деятель и писатель, автор сочинений самого разнообразного характера, в том числе и диалога «О сельском хозяйстве».

⁵⁷ Колумелла (I в.) – римский писатель, автор книги «О сельском хозяйстве», написанной прозой и частично стихами.

⁵⁸ Тассер Томас (1524–1580) – автор поэтических и прозаических произведений о сельском хозяйстве, в том числе книги «Сто советов доброму землепашу», ниже упоминаемой В.Скоттом. Книга эта много раз переиздавалась в XVI–XVII вв. В 1810 г. ее переиздал сам В.Скотт. Уже начиная с XVII в. в Англии стали в шутку противопоставлять дельные советы Тассера его житейским и хозяйственным неудачам.

⁵⁹ Хартлиб Сэмюел (ум. 1670) – друг Мильтона, публицист, автор ряда работ по вопросам образования и сельского хозяйства.

⁶⁰ «Пастух Солсберийской долины» – произведение английской писательницы Ханны Мор (1745–1833). Герою этой книги в течение года пришлось быть пастухом.

⁶¹ Филоматы (греч.) – любители наук.

⁶² «Видение Петра-пахаря» – аллегорическая поэма средневекового английского поэта Уильяма Лэнгленда (1332–1400), герой которой Петр-пахарь рассказывает о бедствиях крестьян под гнетом феодалов. Это произведение не имеет ничего общего с цитируемыми Триптолемусом сельскохозяйственными трактатами.

столь необходимой для существования, предоставив другим разрешать сколько душе угодно более глубокие вопросы теологии.

Стой узкий круг интересов Триптолемуса, ограниченный пределами одной только сельской жизни, внушал сомнения, принесут ли его успехи в науках и то, как он пожелает применить их на деле, должное удовлетворение честолюбивым надеждам его любящей маменьки. Он, правда, был не против того, чтобы стать служителем церкви: это вполне подошло бы к свойственной ему некоторой душевной лени, которая часто сопутствует склонности к отвлеченным размышлениям. Он питал надежду – хорошо, если бы таковы были только его личные намерения, – шесть дней в неделю возделывать землю, а в седьмой, как положено, произнести проповедь, затем пообедать в обществе какого-нибудь дородного землевладельца средней руки или сельского лэрда, а после обеда выкурить с ним трубочку и распить кружку, ведя задушевную беседу все на одну и ту же неистощимую тему: *quid faciat laetes segetes*⁶³⁶⁴.

Впрочем, для проведения в жизнь подобного плана кроме того, что в основе его не лежало, как говорили тогда, «прочного корня», необходимо было иметь пасторский дом с клочком земли, а получить его можно было, только признав епископальную церковь и совершив ряд других, чудовищных по представлениям того времени, уступок. Неизвестно еще, смогли ли бы дом, усадьба при нем и содержание как деньгами, так и натурой преодолеть приверженность почтенной леди к пресвитерианству, но усердию ее не суждено было подвергнуться столь тяжкому испытанию: она умерла, прежде чем сын ее закончил образование, и оставила огорченного супруга ровно настолько неутешным, насколько и следовало ожидать. Первым же действием единоличного управления Джаспера было взять сына из колледжа Сент-Эндрюса, чтобы использовать его как помощника в сельскохозяйственных работах. Вот тут-то, казалось, и должен был Триптолемус Йеллоули, призванный наконец применить на практике все то, что он с таким рвением изучал теоретически, возрадоваться, если употребить сравнение, которое он сам нашел бы весьма удачным, как корова, дорвавшаяся до клевера. Но, увы! Сколь неверны предположения и обманчивы надежды человечества!

Один насмешливый философ, Демокрит⁶⁵ наших дней, как-то раз, рассуждая о нравах, сравнил человеческую жизнь с доской, усеянной отверстиями, для каждого из которых имеется колышек, к нему специально пригнанный. Но, поскольку колышки эти втыкаются в отверстия весьма поспешно и как попало, случай ведет неизбежно к самым нелепым ошибкам. «Ибо как часто мы видим, – выразительно закончил оратор, – как часто мы видим круглых людей, засунутых в треугольные дырки!» Эта новая иллюстрация к превратностям фортуны заставила всех присутствующих покатиться со смеху, за исключением одного тучного олдермена, который принял сказанное на свой счет и заявил, что тут вовсе не над чем смеяться. Воспользовавшись этим в самом деле блестящим сравнением, мы совершенно ясно увидим, что Триптолемус Йеллоули явился в этот мир по меньшей мере на сотню лет раньше срока. Если бы он выступил на предназначенном ему поприще в наше время, иными словами – если бы он процветал в любые годы из последних тридцати – сорока лет, то обязательно занял бы пост вице-президента какого-нибудь знаменитого сельскохозяйственного общества и вершил бы дела под покровительством какого-либо благородного герцога или лорда, который, в зависимости от обстоятельств, мог бы знать, а мог и не знать разницы между упряжной лошастью и упряжкой лошади. Не подлежит никакому сомнению, что в наши дни Триптолемус достиг бы высокого положения, ибо он был чрезвычайно сведущ по части всех тех мелочей, которые, будучи совершенно ненужными для практического применения, прекрасно создают репутацию знатока в

⁶³ Что делает ниву урожайной (*лат.*).

⁶⁴ *Quid faciat laetes segetes* – этими словами открывается поэма Вергилия «Георгики».

⁶⁵ Демокрит (460–370 до н. э.) – древнегреческий философ-материалист, основоположник атомистической теории; в своих трудах стремился также раскрыть смысл человеческой жизни. Уже в древности получил прозвище Смеющийся Философ; происхождение этого прозвища неясно.

любом деле, а особенно в сельском хозяйстве. Но, увы! Триптолемус Йеллоули, как мы уже говорили, явился в этот мир по меньшей мере на сто лет раньше, чем ему следовало, и вот, вместо того чтобы восседать в кресле, с деревянным молоточком в одной руке и бокалом портвейна в другой, провозглашая тосты «за скотоводство во всех его отраслях», ему пришлось, повинаясь отцу, взяться за рукоятки плуга и погонять быков, тогда как в наши дни он прославлял бы их прекрасные стати и, вместо того чтобы колотить их батогами по крестцу, орудовал бы над их филейными частями с помощью ножа и вилки. Старый Джаспер сетовал, что никто не умеет так красно разглагольствовать об общественном и личном, пшенице и сурепице, полях и выгонах, как его ученый сын, которого он всегда называл Толемус, «но что же делать, – прибавлял он, как истый стоик и последователь Сенеки⁶⁶, – если ему ничего, ну прямо-таки и ничего не удастся!» Дело пошло еще хуже, когда по прошествии нескольких лет состарившийся и одряхлевший Джаспер вынужден был окончательно передать бразды правления своему многоумному, но малоопытному сыну.

Можно было подумать, что природа словно нарочно строила Триптолемусу всяческие козни, ибо ферма его оказалась одной из самых неподатливых во всем Мирнсе и приносила ему одни огорчения; как он над ней ни бился, она давала, казалось, все, кроме того, что нужно в сельском хозяйстве: изобилие чертополоха говорило о чрезмерной сухости почвы, а целые чащи папоротника – об излишней влажности; крапива указывала на участки, когда-то удобренные известью, а глубокие борозды, проходившие в самых неподходящих местах, означали, согласно народным поверьям, что земля эта в древности обрабатывалась пиктами⁶⁷. Не было там недостатка ни в камнях, что, по мнению некоторых фермеров, согревает почву, ни в родниках, что, по мнению других, освежает и увлажняет ее. Напрасно бедняга Триптолемус, действуя согласно то одному, то другому мнению, пытался выжать хоть какую-то пользу из этих предполагаемых качеств почвы – ни кусочка масла не удавалось сбить ему, чтобы намазать на собственный хлеб; таков же был, впрочем, и удел незадачливого Тассера, которому его «Сто добрых советов по сельскому хозяйству», столь полезные для других современников, не принесли и ста пенсов дохода⁶⁸.

В самом деле, за исключением какой-нибудь сотни акров пахоты, которой старый Джаспер давно уже понял необходимость ограничить свои труды, вся остальная земля его годилась разве только на то, чтобы порвать упряжку и до смерти замучить скотину. Что же касается дохода с той части, которую имело смысл обрабатывать, то он полностью поглощался затратами на различные хозяйственные мероприятия Триптолемуса и его увлечение всякого рода новшествами. «Мужики и скоты, – жаловался он, говоря о своих работниках и лошадях, – все производят, но они же все и пожирают». Впрочем, подобные итоги можно найти в приходно-расходных книгах многих фермеров из благородных.

В наши дни подобное хозяйничанье скоро привело бы Триптолемуса к печальному концу: он получил бы кредит в банке, с помощью дутых векселей пустился бы в рискованные предприятия и вскоре увидел бы свои посевы и инвентарь, живой и мертвый, конфискованными по приказу шерифа. Но в те времена человеку было не так-то просто довести себя до разорения. Хозяйство шотландских фермеров находилось на столь одинаковом низком уровне, что было совершенно немыслимо найти хоть сколько-нибудь выдающуюся точку, падая с которой человек умудрился бы действительно с треском сломать себе шею. Землевладельцы оказывались тогда в положении людей, которые, не имея ни малейшей возможности влезть в долги, могли дойти до страшной нужды, но никоим образом – до банкротства. Впрочем, несмотря на неиз-

⁶⁶ Сенека Луций Анней (ок. 4 до н. э. – 65 н. э.) – римский писатель и философ, один из виднейших представителей стоицизма, учившего, что смысл жизни заключается в смирении, в довольствовании малым.

⁶⁷ Пикты – древнейшее население Шотландии. В IX в. были покорены скоттами и ассимилировались с ними.

⁶⁸ Английский агроном изложил это в следующих строчках: Я нивы воспеваю, бывало, Я пел, как пашут, бороздят, Но труд был тяжок, чести мало, И вот пою на новый лад. (Примеч. авт.)

менное крушение всех проектов Триптолемуса, связанные с ними расходы уравнивались теми сбережениями, которые доставляла исключительная экономия его сестры Барбары. Странности ее на этом поприще были поистине изумительными. И уж именно ей, а не кому иному удалось бы претворить в жизнь (если бы это действительно было возможным) мечту того ученого-философа, который провозгласил, что спать – пустая выдумка, а есть – только привычка; на глазах всего мира он, казалось, уже отучился и от того и от другого, но, к несчастью, совершенно случайно обнаружилось, что он в близких отношениях с кухаркой, которая возмещала все его лишения, предоставляя ему тайный доступ в кладовую и местечко на своем собственном ложе. Но Барбара Йеллоули не прибегала к подобного рода хитростям. Она вставала рано, ложилась поздно, и ее изнуренные непосильным бодрствованием и непомерной работой служанки были уверены, что она, как кошка, не спит всю ночь. Что касается еды, то самый воздух, казалось, служил для нее роскошным угощением, и она с удовольствием сделала бы его таковым и для всех своих домашних. Ее брат, напротив, кроме того, что был изрядным лентяем, обладал еще и некоторой склонностью к чревоугодию и не прочь был бы время от времени полакомиться кусочком мяса – хотя бы для того, чтобы знать, насколько упитанны его овцы, однако такое пожелание не могло бы сильнее поразить миссис Барбару, чем намерение съесть ребенка, и Триптолемус, будучи по характеру уступчивым и покладистым, примирился с необходимостью вечно поститься и почитал себя счастливым, когда получал немного масла к овсяной лепешке или, поскольку они жили на берегу Эска, хоть изредка избегал тягостной обязанности вкушать рыбу, которая, независимо от времени года, неизменно появлялась у них на столе шесть дней в неделю из семи.

Но хотя миссис Барбара добросовестно присоединила к общему капиталу все сбережения, которые ее потрясающая способность к экономии могла наскрести по мелочам, и хотя брат с сестрой истратили, правда прибегая к этому только в крайних случаях, всю или почти всю материнскую часть наследства, уже близок был день, когда они оказались бы не в силах противостоять далее несчастной звезде Триптолемуса, как выражался он сам, или естественным результатам его нелепых предприятий, как выражались другие.

По счастью, в это печальное и грозное для них время из машины появился, к величайшему их облегчению, некий бог. Говоря простым английским языком, знатное лицо, которому принадлежала их ферма, прибыло в находящийся по соседству замок в карете шестериком, со скороходами, словом – во всем великолепии семнадцатого века.

Этот благородный дворянин был сыном того лорда, который в свое время переселил покойного Джаспера из Йоркшира в Шотландию; он оказался, подобно отцу, человеком с фантазиями и склонным ко всякого рода прожектерству⁶⁹. Среди бесчисленных превратностей того времени он сумел, однако, устроить очень ловко свои собственные дела, получив на ряд лет управление отдаленными Оркнейскими и Шетлендскими островами. За это он должен был платить известную ренту, но вместе с тем в качестве губернатора получал право выжимать из имений или доходов государства в этих областях все, что только было возможно.

И вот его светлости пришла в голову мысль, сама по себе весьма разумная, что из дарованных ему полномочий можно извлечь гораздо большую выгоду, если ввести различные усовершенствования в обработку принадлежащих короне земель на Оркнейских и Шетлендских островах. Зная кое-что о нашем друге Триптолемусе, он подумал (это была уже не столь удачная мысль), что последний мог бы оказаться лицом, способным осуществить его планы на практике. Он послал за Триптолемусом, и, когда тот явился в величественный Холл-хауз, на

⁶⁹ Управление Шетлендии. В то время, о котором идет речь, графы Мортон управляли Оркнейскими и Шетлендскими островами по праву, первоначально дарованному им в 1643 г., подтвержденному в 1707 г. и ставшему неограниченным в 1742 г. Это позволило им сосредоточить в своих руках обширные земельные владения и большую власть, которую они обычно осуществляли при посредстве управляющих, называемых губернаторами. В 1766 г. тогдашний граф Мортон передал свои права сэру Лоренсу Дандесу; в настоящее время право это осуществляется его сыном. (Примеч. авт.)

милорда произвел такое впечатление догматический тон, которым наш приятель обсуждал любой вопрос сельского хозяйства, что он тут же, не теряя времени, обеспечил себе помощь столь ценного сотрудника, освободив его прежде всего от не приносящей никакого дохода фермы.

Соглашение было выработано соответственно пожеланиям самого Триптолемуса, который в результате многолетнего опыта пришел к некоторому не вполне осознанному выводу; хотя он не склонен был недооценивать свои способности и ни на минуту в них не сомневался, он все же предпочитал, чтобы все тревоги и риск пришлось на долю его нанимателя. И действительно, ожидаемые доходы, как он доложил своему патрону, должны были достигнуть таких огромных размеров, что губернатор отбросил всякую мысль о возможном участии своего управляющего в предполагаемых прибылях, ибо, как ни примитивны были приемы, применяемые в сельском хозяйстве Шотландии, они все же значительно превосходили те, которые были известны и распространены в то время в стране Туле, а Триптолемус Йеллоули, кроме того, считал, что его собственные глубокие познания в области сельского хозяйства намного превосходят даже то, что было известно и практиковалось в самом Мирнсе. Итак, намечаемые улучшения должны были, очевидно, принести двойную выгоду, и губернатору надлежало получать весь доход, за вычетом весьма приличного вознаграждения управляющему Йеллоули, которому к тому же предоставлялся дом и участок земли, необходимые для содержания его семейства. Радость охватила сердце миссис Барбары при вести о столь счастливом завершении того, что могло бы окончиться так же плачевно, как аренда их фермы Колдэйкрз.

– Ну уж если теперь мы не сумеем нажиться, когда все будет идти в дом и ничего – из дома, – сказала она, – так мы, значит, хуже всяких язычников!

На некоторое время Триптолемус превратился в весьма деятельного человека: он пыхтел и потел, выпивал и закусывал в каждой кабачке, куда попадал, заказывая и приобретая сельскохозяйственные орудия, необходимые жителям обреченных цивилизации островов, судьбе которых грозила столь огромная перемена. Странными показались бы эти орудия, представленные на рассмотрение какому-нибудь современному сельскохозяйственному обществу! Но все относительно, и громоздкое сооружение из дерева, называемое старым шотландским плугом, показалось бы шотландскому фермеру наших дней не менее удивительным, чем латы и шлемы воинов Кортеса – солдатам нашей теперешней армии. Однако Кортес завоевал Мексику, а введение в стране Туле шотландского плуга, несомненно, было бы огромным шагом вперед в ее сельском хозяйстве.

Нам так и не удалось выяснить, почему Триптолемус предпочел обосновать свою резиденцию в Шетлендии, а не на Оркнейских островах. Быть может, он считал, что из двух родственных народов жители Шетлендии обладают более скромным и уступчивым нравом; а быть может, расположение дома и участка, в самом деле весьма приличное, показалось ему предпочтительнее того, что он мог получить на Помоне – главном острове Оркнейского архипелага. В Харфре, или, как ее иначе именовали, в Стурборо – по названию остатков пиктской крепости, находящейся почти рядом с усадьбой, управляющий и обосновался во всей полноте своих правомочий.

Он решил прославить полученное при крещении имя неусыпными стараниями просветить шетлендцев как посредством наставлений, так и собственным примером и намного расширить их весьма ограниченные сведения о тех самых насущных трудах, которыми живет человек.

Глава V

*Стояла осень на дворе,
И ветер дул сырой,
Старик старухе говорит:
«Старуха, дверь закрой!»
«Мне только дверь и закрывать,
Другого дела нет.
По мне, пускай она стоит
Открытой сотню лет!»*

Старинная песня⁷⁰

Мы можем только надеяться, что благосклонный читатель не нашел слишком скучной заключительную часть последней главы; во всяком случае, его нетерпение вряд ли может сравниться с тем, какое испытывал юный Мордонт Мертон, в то время как молния сверкала за молнией, ветер, кружась и непрерывно меняясь, дул со всей яростью настоящего урагана и дождь лил как из ведра. Юноша стучал, звал и бранился у дверей старой усадьбы Харфра, с нетерпением ожидая, когда же его наконец впустят, и совершенно не понимал, по каким причинам отказывают в приюте путнику, да еще в столь ужасную непогоду. Наконец, убедившись, что и стук и крики – все было напрасным, он отступил от дома настолько, чтобы иметь возможность увидеть его трубы, и «сквозь бурю и мрак» ясно различил, к своему еще большему отчаянию, что хотя приближался полдень – в те времена неизменный час обеда на всем Шетлендском архипелаге, однако из труб не поднималось ни струйки дыма, указывающего на соответственные приготовления.

Гневное нетерпение Мордонта сменилось тогда искренними тревогой и опасениями. Он настолько привык к широкому гостеприимству шетлендцев, что у него сразу возникла мысль, уж не стряслась ли с обитателями дома какая-нибудь странная и непонятная беда; юноша немедленно принялся искать лазейку, через которую он мог бы самовольно проникнуть в дом, чтобы выяснить, что же случилось с его обитателями, и вместе с тем самому укрыться от все возрастающей бури. Но и эти старания оказались столь же бесплодными, как и прежние громкие требования впустить его. Триптолемус с сестрой прекрасно слышали весь поднятый Мордонтом шум и уже успели горячо поспорить по поводу того, открывать ему дверь или нет.

Миссис Бэйби, как мы уже говорили, не очень-то склонна была выполнять обряды шетлендского хлебосольства. На бывшей их ферме Колдэйкрз в Мирнее ее боялись и ненавидели все неимущие путники, корабейники, цыгане, нищие и прочий подобный люд, недолго оставивший по себе недобрую память, и никто из них, гордо заявляла она, не смел похвастаться, что слышал, как звякает щеколда на ее двери. Для недавно поселившихся в Шетлендии Триптолемуса и его сестры исключительная честность и простота всех, без различия звания, жителей были внове, а потому страх и недоверчивость, с одной стороны, и скупость – с другой, заставляли миссис Бэйби избегать всяких странствующих гостей хоть сколько-нибудь сомнительного характера. В этом отношении с ней согласен был и сам Триптолемус, который, не будучи по природе ни подозрительным, ни скупым, знал, однако, что хороших людей мало, а хороших фермеров – и того меньше, и благоразумно придерживался мудрого правила, что самосохранение – основной закон природы. Подобные предварительные замечания могут послужить своего рода комментарием к следующему диалогу между братом и сестрой.

---

⁷⁰ Перевод С. Маршака.

– Ох, пронеси господи, – сказал Триптолемус, сидя за столом в кухне и перелистывая своего старого школьного Вергилия, – ну и денек выдался для посевов ячменя! А хорошо говорит мудрый мантуанец о *ventis surgentibus*⁷¹, о том, как воет в горах и бьются волны о берег... Вот только леса-то здесь нет, Бэйби. Скажи-ка на милость, где здесь, на этих новых местах, найдем мы *petogum turtur*⁷² – слышишь, сестрица Бэйби?

– Ну что там еще за глупости взбрели тебе на ум? – спросила Бэйби, высунув голову из темного закоулка кухни, где она занята была какими-то неведомыми хозяйственными делами.

Брат обратился к ней скорее по привычке, чем в надежде получить ответ, и как только увидел ее унылый красный нос, пронизательные серые глазки и вообще все заостренные черты ее кислой физиономии, обрамленной болтающимися лопастями незавязанного чепца, так сразу же понял, что вопрос его вряд ли будет встречен приветливо и ему придется выдерживать целый град упреков, прежде чем он сможет снова вернуться к интересующей его теме.

– Слышишь, мистер Йеллоули, – продолжала сестрица Бэйби, выходя на середину комнаты, – чего это ты ко мне привязался? Не видишь, что ли, что я выше головы занята всякими хозяйственными заботами?

– Да нет, Бэйби, мне ничего не нужно, – ответил Триптолемус, – просто я сам себе говорил, что вот есть здесь и море, и ветер, и дождь, и всего в достаточном количестве, но где же лес, Бэйби, где же дрова? Вот ты мне что скажи!

– Дрова? – переспросила Бэйби. – Да не гляди я за ними в оба – получше тебя, братец, – так у нас, по чести говоря, скоро не осталось бы ни полена, кроме того чурбана, который торчит у тебя на плечах! Вчера только парни принесли нам обломки, что море выбросило, так из них шесть унций уже потратили, сварили тебе сегодня утром овсянки, а только, по чести говоря, будь ты бережливый хозяин, поел бы себе дрэммока⁷³, раз уж тебе непременно понадобилось завтракать, а не тратил бы за один присест и муку и дрова!

– Иными словами, Бэйби, – возразил Триптолемус, который не прочь был иногда самым серьезным тоном отпустить шуточку, – ты хочешь сказать, что когда мы разводим огонь, то должны воздерживаться от пищи, а когда у нас есть еда, то не следует зажигать огня, ибо слишком большая роскошь наслаждаться двумя такими великими благами сразу! Счастье еще, что ты не предлагаешь подыхать с голоду и холоду *unico contextu*⁷⁴! Но должен тебе сказать, что я не в состоянии держаться на одной только овсяной болтушке, называй ты ее хоть дрэммок, хоть крауди или как там еще хочешь. Мне нужна горячая пища!

– Ну и простофиля же ты, братец! – воскликнула Бэйби. – Ну кто тебе мешает варить похлебку в воскресенье, а в понедельник доесть ее холодную, раз уж ты такой разборчивый? Многие и почище тебя, а все пальчики облизали бы после такого угощения!

– Помилуй нас бог, сестрица, – ответил Триптолемус, – да на таких харчах я ноги протяну! Мне останется тогда только распрячь быков, лечь, да и ожидать своего смертного часа. Ведь ты сама знаешь, что у нас в доме спрятано то, на что можно было бы купить муки для всей Шетлендии, да еще на все двенадцать месяцев, а ты жалеешь мне миски горячей каши, когда я работаю, можно сказать, не покладая рук!

– Тсс! Придержи-ка свой болтливый язык, – прервала его Бэйби, с опаской оглядываясь кругом. – Ну и умник же ты – орешь во всю глотку о сокровище, что спрятано в доме! Хороший ты, нечего сказать, сторож ему! А тут еще, клянусь Богом, кто-то в дверь стучит!

---

⁷¹ Подымающихся ветрах (*лат.*).

⁷² Ропот рощ (*лат.*).

⁷³ Дрэммок – шотландское блюдо: мучная болтушка на воде. Крауди – болтушка на молоке.

⁷⁴ Соединенными воедино (*лат.*).

– Ну что ж, поди тогда и открой, Бэйби, – сказал ее братец, радуясь всему, что обещало прервать разгоревшийся спор.

– Поди и открой! Послушайте только, что он говорит! – повторила Бэйби одновременно с досадой и страхом и вместе с тем гордая сознанием своего превосходства над братом. – Поди и открой! Ишь ты, как он распоряжается! Открыть, да и дать разбойникам унести все, что только есть в доме!

– Разбойникам! – повторил в свою очередь Триптолемус. – Да на этих островах разбойники такая же редкость, как ягнята на Рождество. Сто раз твердил я тебе и еще раз говорю: нет здесь горцев, чтобы разорять нас. Это страна мирная и честная. *O fortunati nimium!*⁷⁵

– Ну чем тебе тут поможет святой Риньян⁷⁶, Толемус? – спросила его сестра, принявшая произнесенную им цитату за обращение к католическому святому – И потом, ладно уж, пускай тут нет горцев, зато могут найтись люди и похуже. Вчера еще мимо нашего окна прошли пять или шесть молодцов, право, таких же страшных, как и те, что спускались к нам из Клохнабена, и в руках у них были страшные железины... Правда, их называют китовыми ножами, да выглядят-то они точь-в-точь как кортики и кинжалы! Нет, уж честный человек не понесет такого оружия!

В эту минуту в промежутке между двумя порывами грозного, ревушего за стеной урагана явственно слышались удары и крики Мордонта. Охваченные неподдельной тревогой, брат с сестрой в страхе переглянулись.

– Ну, если они только слышали про серебро, – сказала Бэйби, и от страха нос ее из красного сделался синим, – считай, что мы с тобой погибшие люди!

– А ты чего болтаешь? – перебил ее Триптолемус – Теперь как раз и надо придержать язык. Ступай к слуховому окошку и посмотри, сколько их там, а я тем временем заряжу свой испанский мушкет... Да иди осторожно, словно по свежеснесенным яйцам.

Бэйби прокралась к окну и доложила, что видит «только одного молодчика; он стучит и кричит словно сумасшедший, а сколько их там еще, в засаде, так она того сказать не может».

– В засаде? Глупости, – заявил Триптолемус и дрожащей рукой отложил в сторону шомпол, которым пытался зарядить ружье. – Ручаюсь, что никого там больше и не видно и не слышно! Это всего лишь какой-нибудь бедный парень, захваченный по дороге бурей, который ищет приюта под нашим кровом и не прочь чем-нибудь подкрепить свои силы. Открой дверь, Бэйби, надо поступить по-христиански.

– А лезть в окно – это по-христиански? – спросила Бэйби и испустила жалобный вопль, в то время как Мордонт, выставив одну из рам, прыгнул в кухню; вода лила с него, как с речного бога.

Перепуганный Триптолемус прицелился в юношу из мушкета, который так и не успел зарядить, но в это мгновение незванный гость закричал:

– Стойте, стойте! Какого дьявола держите вы дверь на запоре в такую погоду и целитесь в голову честному человеку, словно это тюлень?

– А ты кто такой, приятель, и что тебе здесь нужно? – спросил Триптолемус, стукнув прикладом об пол.

– Что мне нужно? – повторил Мордонт – Да все! Мне нужно поесть, попить, обсушиться, получить постель на ночь и пони завтра утром, чтобы доехать до Ярлсхофа.

---

⁷⁵ О безмерно счастливые! (лат.)

⁷⁶ Святой Риньян (Ниниан) (360–432) – деятель церкви на территории нынешней Шотландии, обращавший пиктов в христианство. Шотландцы считают его своим покровителем.

– Ну вот, а ты еще говорил, – попрекнула Бэйби своего братца, – что здесь нет ни разбойников катеранов⁷⁷, ни тунеядцев. Да слышал ли ты когда-либо, чтобы какой-нибудь бродяга без штанов, из тех, что вроде у нас там были, заявлял о том, что ему надо, так открыто и так дерзко! Ну проваливай, проваливай, приятель, кончай музыку, да и ступай откуда пришел. Это дом управляющего его светлости губернатора, а не постоялый двор для бродяг и попрошайек.

В ответ на столь наивное требование убраться Мордонт расхохотался миссис Бэйби прямо в лицо.

– Как! – воскликнул он. – Покинуть возведенные человеческой рукой стены в такое страшное ненастье? Да что я, по-вашему, олуша или баклан, что вы хлопаете в ладоши и визжите как сумасшедшая, чтобы выгнать меня на двор в такую бурю?

– Так вы что же, молодой человек, – сказал Триптолемус, – намереваетесь, значит, остаться в нашем доме *volens nolens*⁷⁸, иначе говоря – независимо от того, хотим мы этого или нет?

– Хотите ли вы! – воскликнул Мордонт – Да какое право имеете вы хотеть или не хотеть? Разве вы не слышите, как гремит гром? Разве вы не слышите, как льет дождь? Разве вы

не видите молний? И разве вы забыли, что это единственный дом на расстоянии я уж и не знаю скольких миль? Послушайте, уважаемые сударь и сударыня, может быть, это просто шотландская шутка, но она странно звучит в ушах шетлендца. Э, да вы и огонь погасили, а у меня зубы пляшут джигу от холода; но эту беду я мигом поправлю.

Мордонт схватил щипцы, разгреб в камине золу и дал разгореться торфу, который, по расчетам хозяйки, должен был тлеть в течение еще многих часов; затем юноша осмотрелся, увидел в углу запасы выброшенного морем леса, который миссис Бэйби тратила по унциям, схватил три или четыре полена и бросил их все сразу в камин. Огонь, получив столь необычное подкрепление, послал в трубу такой мощный столб дыма, какой давно уже не поднимался над кровлей усадьбы Харфра.

Пока гость хозяйничал таким образом совершенно как дома, Бэйби все время подталкивала управляющего локтем, подстрекая его выгнать непрошеного посетителя вон. Но для свершения подобного подвига у Триптолемуса Йеллоули не было ни мужества, ни желания: к тому же в случае открытого столкновения с молодым незнакомцем Триптолемус вряд ли мог рассчитывать на благоприятный для себя исход. Крепкая и стройная фигура Мордонта Мертона особенно выгодно вырисовывалась под одеждой простого моряка; его карие, сверкающие глаза, красивая голова, оживленное лицо, густые черные кудри и смелый, открытый взгляд представляли резкий контраст с хозяином того дома, куда юноша так бесцеремонно ворвался. Триптолемус был приземистый, неуклюжий, кривоногий, с толстым, задранным кверху носом, самый кончик которого красиво отливал медью, свидетельствуя о том, что слугитель Цереры при случае не прочь был поклониться и Бахусу. Нечего и говорить, что схватка между противниками со столь различной наружностью и силами оказалась бы неравной, да и разница между двадцатью и пятьюдесятью годами тоже была не в пользу слабейшего. Впрочем, управляющий в глубине души был честным и добрым человеком, и когда он убедился, что его гостю в самом деле не нужно ничего, кроме убежища от непогоды, то, несмотря на подстрекательства своей сестрицы Бэйби, решил оказать разумную помощь такому привлекательному юноше. Он не знал только, как ему половчее перейти от роли грубого защитника своей домашней крепости перед лицом дерзкого захватчика к роли радушного хозяина. Тем временем Бэйби, которая стояла, напуганная крайне бесцеремонными манерами и действиями незнакомца, выступила на защиту своих личных интересов.

---

⁷⁷ Катераны – так называли в Шотландии тех горцев, которые угоняли скот у равнинных жителей.

⁷⁸ Волей-неволей (*лат.*).

– Честное слово, парень, – обратилась она к Мордону, – не очень-то ты стесняешься: запалил такой огонь, да еще взял самые что ни на есть лучшие дрова; не кизяки, видишь ли, тебе потребовались, а добрые дубовые доски!

– Ну, вам-то они дешево достались, сударыня, – беззаботно ответил Мордон, – нечего скаречничать и отнимать у огня то, что море послало вам даром. Эти славные дубовые шпангоуты честно выполнили свой последний долг на земле и на море, пока не распались под ногами храбрецов, управлявших судном.

– Да уж что правда, то правда, – ответила, несколько смягчившись, старая дева. – А ведь страшно, поди, на море в такую бурю! Ну ладно, садись и грейся, раз дрова все равно горят.

– Да, да, – подтвердил Триптолемус, – одно удовольствие глядеть на яркое пламя. Ведь я не видал его с тех самых пор, как покинул Колдэйкрз.

– И не скоро увидишь опять, – сказала Бэйби, – разве что загорится дом или поблизости найдется каменный уголь.

– А почему бы здесь и не найтись углю? – чванливо воскликнул управляющий. – Послушай, почему бы углю не оказаться в Шетлендии? Ведь нашли же его в Файфе! А в особенности теперь, когда у губернатора есть на этих островах дальновидный и осторожный управляющий, который может сделать все нужные изыскания. Ведь и Файф и Шетлендия – прибрежные страны, разве не так?

– Вот что, Толемус Йеллоули, – ответила ему сестра, у которой были свои причины бояться затей любезного братца, когда он нападал на какой-либо ложный след, – попробуй только пообещать милорду хороший доход от такой вот чепухи, и, помани мое слово, не успеем мы здесь как следует обосноваться, как все выйдет на чистую воду и придется нам снова тащиться бог весть куда. Уж я знаю: стоит кому-нибудь только заикнуться перед тобой о золотом руднике, и ты тут же расхвастаешься, что не пройдет и года, как в кармане у тебя зазвенят португальские дублоны.

– А почему бы и нет? – спросил Триптолемус – Может, у тебя в голове и не умещается, что на Оркнейских островах есть местность, именуемая Офир или что-то в этом роде, и не мог разве мудрый царь Соломон именно сюда послать свои корабли и слуг за четырьмястами пятьюдесятью талантами? Уж он-то знал, куда ехать или посылать за золотом, а ведь ты, надеюсь, веришь тому, что написано в Библии, Бэйби?

Услышав ссылку на Священное Писание, хоть и приведенную несколько *mal arguor*⁷⁹, Бэйби приумолкла и ответила только нечленораздельным «гм», выражающим и недоверие, и досаду, тогда как брат ее продолжал, обращаясь к Мордону:

– Вот погодите только, вы все увидите, какие изменения произведет металл даже в такой суровой стране, как ваша. Вы, я думаю, и не слыхивали ни о меди, ни о железной руде на этих ваших островах?

Мордон ответил, что слышал о находке медной руды возле скал Конигсборо.

– Да, да, медь обнаружена также и у озера Лохоф-Суона, вот как. А вы, молодежь, думаете небось, что вам все известно не хуже, чем такому доке, как я?

Бэйби, которая все это время внимательно и усердно приглядывалась к юноше, внезапно заговорила в духе, совершенно для ее брата неожиданным:

– Ты бы уж лучше, мистер Йеллоули, предложил молодому человеку сухое платье и позаботился бы чем-нибудь накормить его, а не сидел бы да не навел тоску бесконечными своими рассуждениями, словно погода и так недостаточно скверная и без твоей помощи. А может быть, паренек выпил бы бленда или еще там чего, коли у тебя хватит любезности спросить его?

Триптолемус чрезвычайно удивился подобному предложению, ибо хорошо знал характер особы, от которой оно исходило, но Мордон ответил, что он «был бы очень рад сменить

---

⁷⁹ Некстати (*фр.*).

одежду на сухую, но просит прощения и не будет ничего пить, прежде чем не закусит чем-либо существенным».

Триптолемус увел его в соседнюю комнату, достал перемену платья и предложил юноше переодеться, а сам вернулся на кухню, чрезвычайно встревоженный столь необычным для его сестры приступом гостеприимства. «Она, должно быть, “фэй”⁸⁰, – подумал он, – и в таком случае долго уже не протянет, и хотя я окажусь тогда наследником всего ее приданого, а жаль мне будет потерять ее: очень уж хорошо справлялась она со всем хозяйством и хоть подтягивала порой подпругу слишком туго, ну да зато тем крепче держалось седло».

Когда Триптолемус вернулся на кухню, он увидел, что дурные предчувствия его полностью подтверждаются, ибо миссис Бэйби занята была совершенно неслыханным для нее делом: она ставила варить целого копченого гуся, который вместе с прочими своими собратьями давно уже висел в широкой трубе очага. При этом Бэйби приговаривала: «Рано или поздно, а ведь все равно съедят его, так пусть уж лучше достанется этому бедному мальчику».

– Что все это значит, сестрица? – спросил Триптолемус – Ты, я вижу, развела тут большую стряпню. Какой же это у нас сегодня праздник?

– А такой самый, какой был у израильтян, когда они в Египте сидели у котлов с мясом. Не знаешь ты, любезный братец, кто находится у тебя в доме в этот благословенный день!

– Что верно, то верно, – ответил Триптолемус, – ничего я об этом не знаю, так же точно, как статей лошади, которой никогда не видел. Сначала я принял было парнишку за коробейника, но уж больно у него хорошие манеры, да и короба за спиной нет.

– Э, да много ты во всем этом, братец, понимаешь, – сказала сестрица Бэйби, – столько же, надо думать, сколько и твои черные бычки. Ну, да уж ладно, если ты ничего не знаешь о нашем госте, так хоть Тронду-то Дронсдотер знаешь?

– Тронду Дронсдотер! – повторил Триптолемус – Ну как же мне ее не знать, когда я плачу ей по два шотландских пенса за день работы в доме, хоть работает она так, словно огонь жжет ее пальцы! Уж лучше бы я платил девушке-шотландке четыре пенса английским серебром!

– Вот самые разумные слова, какие ты только сказал за все сегодняшнее утро. Ну ладно; так вот, Тронда знает этого паренька очень хорошо и часто мне про него рассказывала. Отца его называют Молчальником из Самборо и говорят, что он знается с нечистой силой.

– Потихе, потихе! Все это вздор! И всегда-то эти шетлендцы болтают подобные глупости, – ответил Триптолемус – Когда требуется денек поработать, так они обязательно или через щипцы переступят, или с недобрым человеком повстречаются, или лодка у них к солнцу носом повернется, и в тот день они уж и пальцем не двинут!

– Ну ладно, ладно, братец, ты так умно рассуждаешь, – сказала Бэйби, – оттого, что нахвтался латыни у себя там в Сент-Эндрюсе; а вот поможет ли тебе твоя ученость угадать, что у этого паренька на шее?

– Шелковый платок, да еще вымокший, что твоя кухонная тряпка, – мне пришлось одолжить ему один из моих галстуков, – ответил Триптолемус.

– Шелковый платок, как бы не так! – громко воскликнула Бэйби, а затем, понизив голос почти до шепота, словно боясь, как бы ее не услышали, прибавила: – Золотая цепочка, вот что!

– Золотая цепочка, – повторил как эхо Триптолемус.

– Вот то-то и оно, милый мой! Ну, что ты на это скажешь? В округе поговаривают, как мне передавала Тронда, что король живущих под землей драу подарил эту цепь его отцу, Молчальнику из Самборо.

---

⁸⁰ Когда у человека внезапно меняется характер – скупой, например, становится щедрым, а ворчун – весельчаком, то в Шотландии говорят, что он «фэй», обреченный, иными словами – ему предстоит скорая смерть, предвестником которой и являются подобные изменения нрава. (Примеч. авт.)

– Уж лучше бы ты сама была молчальницей, женщина, а если бы говорила, так что-либо разумное! – сказал Триптолемус – Значит, вся разгадка в том, что этот парень – сын богатого чужеземца: вот ты и варишь для него гуся, которого берегла к Михайлову дню⁸¹.

– Твоя правда, братец, да только надобно же и Богу угождать и друзей приобретать; да к тому же, – прибавила Бэйби (ибо даже она не стояла выше пристрастия своего пола к приятной наружности), – у паренька такое красивое личико!

– Ну да, – сказал Триптолемус, – многим красавчикам ты отперла бы дверь, как бы они ни хныкали, если бы у них не было золотой цепочки на шее.

– А то как же, братец, – ответила Барбара, – неужто мне разоряться ради каждого бродяги и попрошайки, что постучится к нам в бую? А этого-то юношу все знают и очень хорошо о нем отзываются. Тронда сказала, что он должен жениться на одной из дочерей богатого юдаллера Магнуса Троила. Как только решит, на которой – помоги ему Господь! – так и свадьбу сыграют. И прощай тогда и наше доброе имя, да и покой в придачу, коли оставим мы его теперь без участия, хоть и заявился он к нам нежданно-негаданно.

– Разумеется, самое лучшее объяснение, почему пускают человека в свой дом, так это то, что ему не смеют сказать: «Проходи мимо!» – ответил Триптолемус – Однако, поскольку здесь есть, оказывается, люди из высшего круга, пусть этот юноша узнает, с кем он в моем лице имеет дело. – И, подойдя к двери, Триптолемус позвал: – *Neus tibi, Dave!*⁸²

– *Adsum*⁸³ ответил Мордонт.

– Гм, – произнес умный муж, – а он не совсем-таки неуч в смысле классических языков, как я вижу. Но попробуем испытать его дальше: – Имеете ли вы какое-либо представление о землепашестве, юный джентльмен?

– По правде говоря, сэр, нет, – ответил Мордонт. – Меня учили только бороздить море и собирать жатву на скалах.

– Бороздить море! – повторил Триптолемус – Ну, такие борозды боронить не приходится, а что до жатвы на скалах, так вы говорите, должно быть, о яйцах селедочных чаек или как вы там их еще называете. Ну, такого рода жатву ранслар должен был бы запретить под страхом наказания: очень уж легко честному человеку, собирая подобный урожай, сломать себе шею. А я, признаюсь, не вижу, что за удовольствие болтаться на веревке между небом и землей. Случись это со мной, так я предпочел бы, пожалуй, чтобы другой конец ее был привязан хоть к виселице: тогда я уж знал бы наверное, что не оборвусь.

– А я, право, посоветовал бы вам попробовать! – воскликнул Мордонт – Поверьте, нет на свете высшего наслаждения, как чувствовать, что ты паришь высоко в небе, над тобой – недостижимая вершина утеса, а внизу – бушующий океан. Веревка, за которую держишься, кажется тогда тонкой, как шелковинка, а нога опирается на выступ такой узкий, что на нем с трудом уместилась бы чайка. Чувствовать и знать все это и вместе с тем быть уверенным, что гибкость твоего тела и твердость духа поддерживают тебя так же надежно, как ястреба – его крылья. Да, тогда действительно ощущаешь себя почти не связанным с землей, которую попираешь ногами.

Триптолемус широко раскрыл глаза от удивления, услышав столь восторженное описание забавы, которая ему самому представлялась весьма малопривлекательной, а его сестра при виде сверкающих глаз и воодушевления юного сорвиголовы воскликнула:

– Ах, господи, и герой же вы, молодой человек!

---

⁸¹ Михайлов день – 29 сентября.

⁸² Эй, Дав! (*лат.*). Dave (Дав) – часто встречающееся в римских комедиях имя раба.

⁸³ Я здесь (*лат.*).

– Ну уж и герой! – повторил Триптолемус – Носится себе между землей и небом, словно гусь какой, вместо того чтобы ступать по terra firma⁸⁴. Но здесь есть настоящий гусь, который сейчас придется нам весьма кстати, если он уже сварился. Давай-ка сюда, Бэйби, тарелки и соль, хотя, по совести говоря, соли-то в нем, должно быть, достаточно. Да, вот это так лакомый кусочек! Думаю только, что одни шетлендцы способны с такой опасностью для жизни ловить гусей, а поймав, пускать их на варево!

– Да уж ясное дело, – подтвердила его сестра (и за весь день это был единственный случай, когда они сошлись во мнениях), – ни в Ангюсе, ни в Мирнее ни одной хозяйке и на ум не взбрело бы варить гуся, когда можно приготовить его на вертеле. А это еще что за гость? – прибавила она, с возмущением обернувшись к дверям. – Ну так я и знала: отодвинь только засов, так бродячих псов не оберешься! Но кто же это открыл ему?

– Разумеется, я, – ответил Мордонт, – нельзя же, чтобы бедняга без конца колотил в вашу столь туго отворяющуюся дверь, да еще под таким ливнем! А вот это пригодится, чтобы поддержать огонь, – прибавил он, вытаскивая из скоб дубовый брус, которым закладывали дверь, и бросая его в очаг, откуда его тотчас же выхватила взбешенная миссис Бэйби.

– Да ведь это, – закричала она, – выброшенный морем дуб, другого тут не сыщешь, а парень хватает его, словно еловое полено! Ну а ты кто таков, выкладывай, – обернулась она к незнакомцу – Да такого наглеца и глаза-то мои не видывали!

– Я коробейник, с позволения вашей милости, – ответил непрощенный гость – коренастый, невысокого роста простолюдин, по внешности действительно похожий на коробейника, каких на Шетлендских островах называют джаггерами. – Ну, не доводилось мне еще попадать в такую бурю, и никогда еще я так не желал укрыться в тихой гавани! А здесь, слава Создателю, и огонек и крыша над головой.

При этом он подвинул к очагу табуретку и без дальнейших церемоний уселся. Миссис Бэйби воззрилась на него прямо «ястребиным» взглядом, не зная, как выразить свое негодование еще крепче, чем словами; она уже поглядывала на кипящий котелок, как на подходящее для этой цели орудие, когда в кухню, припадая на одну ногу, вбежала старая, полумертвая от голода служанка – та самая уже упомянутая Тронда, которая разделяла с миссис Бэйби труды по хозяйству и раньше скрывалась где-то в глубине дома. Крики ее, несомненно, предвещали еще новое бедствие.

Сначала единственными ее членораздельными звуками были: «О хозяин!» и «О миссис!» Затем она закричала:

– Лучшее в доме, все, что ни на есть лучшее, скорей на стол, да и того-то не хватит! Сюда идет старая Норна из Фитфул-Хэда, а страшнее колдуньи не встретишь на всех островах!

– Где же это она могла быть? – произнес Мордонт, но не с ужасом, как старая служанка, а с очевидным и даже радостным изумлением. – Впрочем, нечего и спрашивать: чем хуже погода, тем вернее, что Норна блуждает под открытым небом.

– Как, еще нищенка? – воскликнула ошеломленная Бэйби, которую подобное нашествие гостей привело почти в бешенство. – Ну уж я показала бы ей, как бродяжничать, будь только мой братец настоящим мужчиной и найдись в Скеллоуэе хоть пара наручников да позорный столб!

– Не выковано еще то железо на наковальне, что могло бы удержать Норну, – возразила старая прислужница. – Вот она! Ради всего святого, говорите с ней поучтивее да поосторожнее, не то она всю пряжу нам на вьюшках запутает!

Тем временем в комнату вступила женщина такого высокого роста, что капюшон ее почти касался притолоки; она осенила себя крестом и торжественно произнесла:

---

⁸⁴ Твердой земле (лат.).

– Благословение Божье и святого Роналда да будет над открытой дверью, и проклятье их и мое да падет на скупцов, чья рука не отверзается для милостыни.

– А кто ты такая, что смеешь благословлять и проклинать в чужом доме? Да что же это за несчастная страна, где нельзя и часу посидеть спокойно, во славу Господа, не боясь за свое добро! То и дело врываются к тебе всякие бродяги, клянчат себе да попрошайничают, да еще один-то прямо вслед за другим, словно стая диких гусей.

Проницательный читатель, разумеется, сразу же догадался, что эта речь была произнесена сестрицей Бэйби, и может представить себе, какое действие оказали бы эти слова на вновь прибывшую, если бы Тронда и Мордонт оба тут же не бросились к оскорбленной, стараясь смирить ее негодование. Старая служанка принялась о чем-то умолять ее на норвежском языке, а Мордонт сказал по-английски:

– Они чужестранцы, Норна, и не знают ни вашего имени, ни кто вы такая; они не знают также и обычаев нашей страны, а потому вы должны простить им эту негостеприимную встречу.

– Ну нет, я не отказываю в гостеприимстве, молодой человек, – сказал Триптолемус, – *miseris succurrere disco*⁸⁵⁸⁶. Гусь, которому предстояло висеть над очагом до самого Михайлова дня, варится в котелке для вас; но будь у меня хоть двадцать гусей, похоже на то, что найдется достаточно ртов, чтобы съесть их все, до последнего перышка, а это уж дело негожее.

– Как это дело негожее, жалкий раб? – спросила, резко повернувшись к нему, таинственная Норна, и притом с таким жаром, что он невольно вздрогнул. – Как это дело негожее? Вези сюда, если хочешь, свои доселе нам неведомые плуги, лопаты и бороны, сменяй на новые все орудия наших предков, от сошника и до мышеловки, но знай: ты находишься в стране, завоеванной некогда белокуроыми северными витязями, и оставь нам по крайней мере их гостеприимство, дабы все знали, от каких великих и благородных предков мы ведем свое происхождение.

Берегись, говорю я тебе! Знай, что, пока Норна глядит с высоты Фитфул-Хэда на необозримые воды, люди земли Туле могут еще защищаться. Если мужчины наши перестали быть героями и не готовят больше пиршеств для воронья, так женщины не забыли еще того искусства, что с давних пор возвышало их над всеми, делая из них королей и пророкиц!

Незнакомка, произнесшая эту удивительную тираду, столько же поражала своей наружностью, сколько необычайно надменным и величественным видом и речью. Черты ее лица, голос и фигура были таковы, что она вполне могла бы изображать на сцене Бондуку или Боадичею бриттов, мудрую Велледу, Ауринию или другую вещающую судьбы прорицательницу, вдохновлявшую на бой племена древних готов. Строгие и правильные черты ее лица могли бы считаться даже красивыми, если бы время и суровая природа Севера не наложили на них своей печати. Годы, а может быть, и горе притушили огонь ее темно-синих, почти черных глаз и осыпали снегом пряди волос, выбившиеся из-под капюшона и растрепанные бурей. Ее верхняя одежда, с которой струилась вода, была из грубой темной ткани, называемой уодмэл и в те времена весьма распространенной на Шетлендских островах, так же как в Исландии и Норвегии. Когда Норна сбросила с плеч этот плащ, то оказалась в короткой кофте из синего тисненого бархата и алом корсаже, вышитом потускневшим серебром. Пояс ее украшали накладные серебряные знаки планет. Синий передник, вышитый такими же эмблемами, покрывал ее юбку из алого сукна. Грубые и прочные башмаки из местной сыромятной кожи были крестнакрест перевязаны шнурками, наподобие римских котурнов, поверх красных чулок. На поясе у нее висело весьма двусмысленного вида оружие, которое могло сойти и за жертвенный нож,

---

⁸⁵ Я учусь помогать несчастным (*лат.*).

⁸⁶ *Miseris succurrere disco* – цитата из 1-й песни поэмы Вергилия «Энеида».

и за кинжал, так что обладательницу его можно было по желанию считать древней жрицей или колдуньей. В руке она держала четырехгранный посох с вырезанными на нем руническими знаками и изображениями, своего рода переносной и вечный календарь, подобный тому, какие были в употреблении у древних жителей Скандинавии; посох этот в глазах суеверного человека легко мог сойти за магический жезл.

Таковы были внешний вид, черты и одежда Норны из Фитфул-Хэда; многим внушала она уважение, многим – страх, но почти всем – благоговение. В любой другой части Шотландии даже гораздо меньших улик было бы достаточно, чтобы она возбудила подозрение жестоких инквизиторов, которым Тайный совет передавал свои полномочия преследовать, подвергать пыткам и в конечном итоге предавать пламени обвиненных в ведовстве и чернокнижии. Но суеверия подобного рода, прежде чем исчезнуть окончательно, проходят обычно две стадии: на ранних ступенях жизни общества население всегда глубоко чтит тех, кто одарен якобы сверхъестественным могуществом. По мере того как усиливается власть религии и растут знания, подобных лиц начинают ненавидеть и бояться, а в конце концов считать просто обманщиками. Шотландия находилась на втором этапе подобного развития: страх перед колдовством был велик, и сильна ненависть к тем, кого в нем подозревали. Но Шетлендский архипелаг представлял как бы небольшой обособленный мирок, где главным образом среди простого, невежественного населения бытовало еще много древних северных суеверий, в том числе и глубокое почитание тех, кто обладал якобы сверхъестественными познаниями и властью над стихиями, что составляло существенную часть древней скандинавской религии. Во всяком случае, если обитатели страны Туле и считали, что кудесники вершат свои действия, заключив договор с Сатаной, они также твердо верили, что среди них есть и такие, что состоят в союзе с духами иного, далеко не столь страшного рода – с древними гномами, которых в Шетлендии называют трау или драу, или с более современными – феями и прочими подобными существами.

Среди лиц, заподозренных в сношениях с бесплотными духами, Норна, происходившая из семьи, издавна притязавшей на подобный дар, занимала столь видное положение, что получила имя одной из трех роковых сестер, прядущих нить человеческих судеб, в знак своего сверхъестественного могущества. И сама она, и все ее родные тщательно скрывали ее настоящее, данное ей при крещении имя, ибо с обнаружением этой тайны их суеверные понятия связывали неизбежные губительные последствия. В те времена сомнению могло подвергаться только то, чистым ли путем получила она свою власть. В наше время возник бы иной вопрос: была ли она явной обманщицей или таинства воображаемого искусства так глубоко действовали на ее рассудок, что она, быть может, и сама до известной степени верила в свои сверхъестественные познания? Достоверно только то, что она исполняла свою роль с такой не допускающей никаких сомнений уверенностью, держалась и действовала с таким достоинством, речь ее звучала с такой силой и она выказывала при этом такую непреклонность воли, что даже величайшему скептику трудно было бы усомниться в искренности ее восторженных порывов, хотя притязания ее и могли бы вызвать у него улыбку.

Глава VI

*Отец! Когда своею властью волны
Ты взбушевал, утишишь их!⁸⁷*

«Буря»⁸⁸

Перед самым приходом Норны ураган несколько стих, да иначе в самый разгар его она и не могла бы добраться до Харфры. Но едва она столь неожиданным образом присоединилась к обществу, которое случай свел в жилище Триптолемуса Йеллоули, как буря внезапно обрела свою прежнюю силу и забушевала вокруг дома с такой яростью, что находившиеся под его кровлей перестали ощущать что-либо, кроме страха, как бы старое строение не обрушилось им на головы.

Перепуганная миссис Бэйби дала выход своему чувству в громких восклицаниях:

– Господи помилуй! Вот уж воистину последний наш день настал! Ну и страна! Кругом просто какие-то ряженые да пугала! А ты-то, дурак, простофиля, – обернулась она к брату, ибо ко всем взрывам ярости у нее неизменно примешивалась капля язвительности, – угораздило же тебя покинуть наш добрый Мирнс и переселиться сюда, где ничего не видишь, кроме дерзких попрошаек и нищевродов в своем собственном доме, а за дверями – чистое наказание Господне!

– Послушай, сестрица Бэйби, – ответил обиженный агроном, – говорю тебе, что все переменится и исправится, все, за исключением, – прибавил он сквозь зубы, – дурного характера сварливой бабы, от которого любая буря покажется еще горше!

Старая служанка и коробейник тем временем горячо упрашивали о чем-то Норну, но, поскольку выражались они по-норвежски, хозяин дома так ничего и не понял.

Норна слушала с гордым и непреклонным видом и наконец громко ответила по-английски:

– Нет, не хочу! А вот если этот дом превратится в груду развалин, прежде чем настанет утро, кому будут нужны тогда помешанный на новшествах фантазер и скаредная, злая баба, которые в нем проживают? Им понадобится явиться сюда, чтобы изменить шетлендские обычаи, – посмотрим, по вкусу ли им придется шетлендская буря! Ну а теперь тот, кто не хочет погибнуть, – прочь из этого дома!

Коробейник схватил свой небольшой короб и поспешно стал привязывать его себе на спину, старая служанка набросила на плечи плащ, и оба, казалось, готовы были как можно скорее покинуть дом.

Триптолемус Йеллоули, несколько встревоженный подобными приготовлениями, нетвердым от страшных предчувствий голосом спросил Мордонта, думает ли он, что им действительно грозит какая-либо опасность – настоящая опасность.

– Не знаю, – ответил юноша, – пожалуй, я еще никогда не видел такой сильной бури. Норна, лучше чем кто-либо другой, скажет нам, когда ураган сможет затихнуть, ибо никто на островах не умеет предсказывать погоду так, как она.

– И это, по-твоему, все, что умеет Норна? – спросила старая сивилла. – Так знай же, что ее могущество не ограничивается столь жалкими пределами! Слушай меня, Мордонт, юноша

---

⁸⁷ В эпиграфе слова Миранды, дочери мудреца и волшебника Просперо из пьесы Шекспира «Буря» (акт I, сц. 2).

⁸⁸ Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

из чужой земли, но с добрым сердцем: уйдешь ли ты из этого обреченного дома вместе с теми, кто собирается сейчас покинуть его?

– Нет, не уйду и не хочу уходить, Норна, – ответил Мордонт. – Я не знаю ваших побуждений, не знаю, почему вы хотите, чтобы я ушел, но из-за этих непонятных угроз я не покину крова, где меня радушно приняли во время сегодняшней страшной бури. Если хозяева не призывали к обычному у нас широкому гостеприимству, так я тем более благодарен им за то, что они отступились от своих правил и открыли мне двери.

– Вот так смелый паренек! – сказала миссис Бэйби, достаточно суеверная, чтобы испугаться угроз той, которая, очевидно, была колдуньей; сестра Триптолемуса, несмотря на свою всегдашнюю раздражительность, узость взглядов и недовольство всем на свете, способна была, как все сильные личности, на проявление более высоких чувств и умела ценить великодушие в других, хотя и считала, что ей самой великодушие не по карману – Вот так смелый паренек, – повторила она, – для него не жаль и десятка гусей! Будь только они у меня, уж я бы ему их и наварила и нажарила! Бьюсь об заклад, что он сын джентльмена, а не какого-нибудь там скряги.

– Послушайся меня, юный Мордонт, – сказала Норна, – и удались из этого дома. Великое будущее предназначено тебе судьбой. Ты не должен оставаться в этом презренном жилище, чтобы погибнуть под его жалкими развалинами вместе с его недостойными обитателями: их жизни так же не нужны миру, как и сорные травы, что сейчас покрывают соломенную кровлю, а скоро будут лежать раздавленными рядом с их искалеченными телами.

– Я... я... я выйду, – пробормотал Йеллоули, который, хоть и старался вести себя, как подобает ученому и разумному мужу, начал, однако, серьезно опасаться за исход всего дела, ибо дом был старый и буря жестоко сотрясала стены.

– Это еще зачем? – спросила его сестра. – Надеюсь, что дух, повелевающий ветрами, не имеет такой власти над теми, кто создан по образу и подобию Божию, чтобы повалить прочный дом на наши головы только потому, что какая-то крикливая баба, – здесь она метнула дерзкий взгляд в сторону шотландской пифии, – хвастает перед нами своим колдовством, словно мы просто псы какие и должны ползать перед ней по ее приказанию!

– Да я только хотел, – сказал Триптолемус, устыдившись своей трусости, – взглянуть, как там мои всходы ячменя – здорово, должно быть, помяла их буря. Но если сей почтенной женщине угодно будет переждать у нас, так я думаю, что лучше всего нам присесть и посидеть себе спокойно, пока погода наладится и можно будет снова взяться за работу.

– Почтенная женщина? – повторила Бэйби. – Как бы не так! Мерзкая ведьма и воровка, вот ты кто! Убирайся отсюда, потаскуха! – прибавила она, поворачиваясь прямо к Норне. – Вон из честного дома, или я не я буду, если не пройдуся по тебе вальком!⁸⁹

Норна бросила на нее взгляд, полный величайшего презрения, затем повернулась к окну и стала внимательно всматриваться в небо. Тем временем старая служанка Тронда, подкравшись как можно ближе к своей хозяйке, принялась умолять ее, во имя всего, что только дорого сердцу мужчины или женщины, не сердить Норну из Фитфул-Хэда:

– Ведь у вас, в вашей шотландской стороне, и не водится-то таких колдуний! Да ведь ей ничего не стоит пронестись верхом на той вон туче, все равно как кому другому – на простом пони!

– Ну а я все-таки доживу до того, что своими глазами увижу, как она пронесется на облаке дыма от смоляной бочки, и это будет самый для нее подходящий скакун!

Норна снова взглянула на взбешенную миссис Бэйби Йеллоули с тем неизъяснимым пренебрежением, которое так хорошо выражали ее надменные черты, и ближе подошла к окну, выходявшему на северо-запад, откуда, казалось, в эту минуту дул ветер; некоторое время она

---

⁸⁹ Вальк шотландским хозяевам служил для того же, для чего теперь служат каток и скалка: колотить выстиранное белье на гладком камне, который так и назывался стиральным камнем. (Примеч. авт.)

стояла, скрестив руки и глядя на свинцовое небо, по которому неслись темные косматые тучи. Порой буря затихала на несколько томительных и мрачных мгновений, чтобы затем разразиться с новой силой.

Норна наблюдала борьбу стихий как нечто хорошо ей знакомое; однако к строгому спокойствию ее черт вместе с сознанием собственной ответственности примешивался некоторый оттенок тревоги – так чародей смотрит на духа, которого сам же вызвал: он знает, как снова подчинить его своей воле, но сейчас тот все еще являет обличье, страшное для существа из плоти и крови. Тем временем остальные вели себя по-разному, каждый – в зависимости от собственных ощущений: Мордонт, хотя прекрасно понимал грозившую всем опасность, испытывал скорее любопытство, чем страх. Он слышал, что Норна будто бы обладала властью над стихиями, и теперь лишь ожидал случая лично убедиться, так ли это в действительности. Триптолемус Йеллоули стоял, пораженный тем, что намного превосходило пределы его понимания, и, если говорить правду, почтенный агроном чувствовал скорее страх, чем любопытство. Сестрица его, видимо, нисколько не интересовалась поведением Норны, хотя трудно сказать, гнев или страх отражались в пронзительном взгляде ее глаз и плотно сжатых губах. Разносчик и старая Тронда, уверенные, что дом не рухнет, пока грозная Норна находится под его кровлей, были готовы броситься вон в то же мгновение, что и она.

Некоторое время Норна, не двигаясь и не произнося ни слова, смотрела на небо. Вдруг она медленным и торжественным движением протянула свой посох из черного дуба к той части небосвода, откуда неслись самые яростные порывы ветра, и в минуту его крайнего неистовства запела норвежское заклинание, до сих пор сохранившееся на острове Унст под названием «Песня Рейм-кеннара», хотя многие называют ее «Песней бури».

В следующих строках дается вольный перевод этой песни, ибо невозможно дословно передать множество эллиптических и метафорических выражений, свойственных древней скандинавской поэзии:

Грозный орел далекого северо-запада,
Ты, несущий в когтях громовые стрелы,
Ты, чьи шумные крылья вздымают седой океан,
Ты губишь стада, ты гонишь по воле своей корабли,
Разрушаешь высокие башни,
Но сквозь злобные крики свои,
Сквозь шум своих крыльев раскрытых,
Хотя крик твой подобен воплям умирающего народа,
Хотя шум твоих крыльев подобен грохоту тысячи волн,
Ты, гневный и быстрый, должен услышать
Голос Рейм-кеннара.

На пути своем встретил ты сосны Тронхейма,
И легли их темно-зеленые кроны возле вывороченных корней.
На пути ты встретил скитальца морей,
Стройный и крепкий корабль пирата, –
И, покорный тебе, спустил он свой марсель,
Которого не спускал в боях с королевской армадой.
На пути своем встретил ты башню, одетую облаками,
Необоримый оплот когда-то могучих ярлов, –
И камни ее зубцов
Легли вблизи очага, там, где прежде шумели гости.
Но и ты смиришься, гордый тучегонитель,

Услышав голос Рейм-кеннара.

Есть стихи, от которых в лесу остановится вдруг олень,
Хоть темные псы за ним, по следу его несутся.
Есть стихи, от которых ястреб в полете замрет,
Как сокол, в путах ножных, в клубучке,
Послушный внезапному свисту хозяина.
Ты же смеешься над криками утопающих моряков,
Над треском падающих деревьев,
Над стонами жалкой, припавшей к земле толпы,
Когда рушатся своды храма во время молитвы,
Но есть слова, которым и ты должен внимать,
Если пропеты они Рейм-кеннаром.

Много зла причинил ты на море:
Вдовы ломают руки на его берегах.
Много горя ты причинил и на суше:
Пахарь сложил в отчаянье руки.
Перестань же веять крылами, –
Пусть утихнет темная глубь океана.
Перестань же сверкать очами, –
Пусть уснут громовые стрелы в колчане у Одина⁹⁰;
Смирись, незримый скакун северо-запада,
И усни по велению Норны, Рейм-кеннара!

Мы уже говорили, что Мордонт любил романтическую поэзию и романтические положения. Неудивительно поэтому, что он с величайшим интересом слушал грозное заклинание самого грозного ветра из всей розы ветров, певшееся притом с каким-то диким одушевлением. Но хотя в стране, где он жил уже так давно, ему приходилось немало слышать о рунических стихах и скандинавских заклинаниях, это не сделало его суеверным, и он не мог представить себе, что буря, бушевавшая до тех пор без удержу, а теперь начинавшая затихать, в самом деле подчинилась колдовским песнопениям Норны. Несомненно было одно: ураган действительно проходил, и страшная опасность миновала. Было, однако, вполне вероятно, что северная пифия заранее предвидела подобный исход, опираясь на признаки, незаметные для тех, кто не жил так долго в стране или не привык следить за явлениями природы глазом строгого и внимательного наблюдателя. В глубоких познаниях Норны Мордонт не сомневался, а они в значительной степени могли служить объяснением того, что казалось в ее действиях сверхъестественным. Однако благородные черты ее лица, наполовину закрытого растрепанными волосами, и величие, с которым она одновременно и угрожала и приказывала невидимому духу бури, невольно побуждали юношу уверовать во власть магических сил. И если какой-либо смертной женщине и суждено было обладать подобным могуществом над естественными законами мироздания, то именно Норна из Фитфул-Хэда, судя по всему ее поведению, внешнему облику и чертам лица, предназначена была для столь высокого удела.

Но остальным не пришлось раздумывать так долго, чтобы признать полное могущество Норны. Тронда и коробейник давно уже верили в ее безграничную власть над стихиями, а Триптолемус и его сестра смотрели друг на друга с изумлением и тревогой, особенно когда ветер и в самом деле начал стихать, что ясно можно было заметить во время пауз, которыми

---

⁹⁰ Один – в скандинавской мифологии верховный бог, создатель земли и людей.

Норна разделяла строфы своего заклинания. За последней строфой наступило долгое молчание; затем Норна запела снова, но уже другим, гораздо более мягким, голосом:

Орел далеких северо-западных вод,
Ты услышал голос Норны, Рейм-кеннара.
По приказу ее опустил ты широкие крылья
И мирно сложил их.
Благословляю тебя на обратный путь!
И когда ты слетишь с высот,
Да будет сладок твой сон в глубине безвестного моря.
Спи, доколе судьба не пробудит тебя опять.
Грозный орел северо-запада,
ты слышал голос Рейм-кеннара.

– А подходящая это была бы песенка во время жатвы – ни один колос не осыпался бы, – прошептал агроном сестре. – Надо поласковой поговорить с ней: может, она и уступит нам свой секрет за сотню шотландских фунтов.

– За сотню дурацких голов! – возразила Бэйби. – Да предложи ты ей попросту пять марок серебром. Все ведьмы, каких я только встречала, были бедны, как Иов.

Норна обернулась к хозяевам, словно прочла их мысли, а может быть, так оно и было. Окинув их взглядом, полным царственного презрения, она подошла к столу, где уже стоял скудный обед миссис Барбары, налила из глиняного кувшина в небольшую деревянную чашку бленда – кисловатого напитка, приготовляемого из обраты, отломив кусок от ячменной лепешки, поела и попила, а затем снова обернулась к скардным хозяевам:

– Я не говорю вам слов благодарности за то, что подкрепила силы свои вашей снедью, ибо вы не предлагали мне разделить с вами трапезу. Благодарность же, обращенная к скряге, подобна небесной росе, павшей на утесы острова Фаула, где ничему живому она не может придать сил. Я не говорю вам слов благодарности, но плачу вам тем, что вы цените больше, нежели благодарность всех обитателей Хиалтландии, дабы не могли вы сказать, что Норна из Фитфул-Хэда ела ваш хлеб и пила из вашей чаши, оставив вас сокрушаться над ущербом, нанесенным вашему имуществу – С этими словами она положила на стол небольшую старинную золотую монету с грубым и полустертым изображением какого-то древнего скандинавского короля.

Триптолемус и его сестра громко запротестовали против подобной щедрости: первый стал уверять, что он не содержатель харчевни, а вторая воскликнула:

– Да что эта ведьма рехнулась, что ли? Да где это видано, чтобы в благородном семействе Клинкскейлов обед давали за деньги!

– Или за простую благодарность, – пробормотал себе под нос ее братец, – не уступай своего, сестренка!

– Ну, чего еще ты там думаешь да гадаешь, дурень этакий, – сказала его милая сестрица, от которой не ускользнул смысл его бормотания, – верни-ка ты лучше этой особе ее побрякушку и радуйся, что можешь так легко ее сбыть: завтра же утром она обернулась бы у нас камнем, а то, глядишь, и чем-нибудь похуже.

Честный управляющий взял золотой, чтобы вернуть его по принадлежности, но невольно содрогнулся, увидев выбитое на нем изображение, и дрожащей рукой передал монету сестре.

– Да, – снова заговорила пифия, словно читая мысли удивленной парочки, – вы уже видели такие деньги. Горе вам, коли вы истратите их не должным образом! Не принесут они счастья корыстолюбивым и алчным! В благородной борьбе достались они и должны быть потрачены с благородной щедростью. Казна, лежащая под холодной плитой очага, когда-нибудь, как зарытый в землю талант, выступит свидетелем против скупости своих обладателей.

Этот непонятный намек, казалось, страшно напугал и поразил мисс Бэйби и ее братца. Последний, заикаясь, стал бормотать Норне что-то похожее на приглашение остаться у них на ночь или хотя бы разделить с ними обед, как он сначала выразился; однако, оглядев присутствующих и вспомнив ограниченное содержимое котелка, он поправился и выразил надежду, что она согласится отведать скромной закуски, которая будет подана на стол скорее, чем можно распряхь быков.

– Не подобает мне есть в этом доме, не подобает мне здесь спать, – ответила Норна, – я не только избавлю вас от собственного присутствия, но уведу и ваших непрошенных гостей. Мордонт, – прибавила она, обращаясь к молодому Мертону, – «черный час» твоего отца прошел, и он ждет тебя сегодня вечером.

– А вы направляетесь туда же? – спросил юноша. – Тогда я только перехвачу кусочек, а потом помогу вам в пути, матушка. Ручьи, должно быть, все вышли из берегов, и дорога стала опасной.

– Нет, тропы наши расходятся, – ответила старая сивилла, – и Норна в своих странствиях не нуждается, чтобы рука смертного поддерживала ее. Те, что ждут меня там, далеко на востоке, сумеют сделать стезю мою безопасной и легкой. Ты же, Брайс Снейлсфут, – продолжала она, обращаясь к корабейнику, – поспешай в Самборо: Руст приготовил тебе там богатую жатву, ее стоит собрать. Много ценных товаров ищут себе отныне новых хозяев, а заботливый шкипер спит непробудным сном в глубине океана, и дела нет ему до того, что прибой швыряет о берег его тюки и ящики.

– Ну нет, матушка, – возразил Снейлсфут, – я никому не желаю гибели ради собственной выгоды, но как не возблагодарить Создателя, когда он благословляет своими щедротами худую мою торговлишку. Только так уж всегда: одному убыток, а другому от этого польза; а раз уж бури многое разрушают на земле, так вполне справедливо, если они посылают нам что-нибудь с моря. Ну а я уж позволю себе, по вашему примеру, матушка, призанять у хозяев кусочек ячменного хлеба да глоток бленда, а засим пожелаю всего хорошего – поблагодарю этого доброго джентльмена и леди и пойду себе потихоньку в Ярлсхоф, как вы советуете.

– Да, – ответила Норна, – где пролилась кровь, туда слетаются орлы, а где на берег выброшен разбитый корабль, там торгош так же спешит поживиться добычей, как акула – насытиться мертвечиной.

Такой упрек – если это действительно был упрек – оказался выше понимания странствующего разносчика, который, думая лишь о возможной добыче, забрал свою котомку и аршин, служивший ему посохом, и спросил Мордонта, ибо в той дикой стране подобная фамиллярность была вполне допустима, не составит ли он ему компанию.

– Я немного задержусь, пообедаю с мистером Йеллоули и миссис Бэйби, – ответил юноша, – а через каких-нибудь полчаса тоже отправлюсь в путь-дорогу.

– Ну а я так заберу свою долю с собой, – сказал корабейник. С этими словами он пробормотал краткую молитву, нимало не стесняясь, отломил себе – так по крайней мере представилось скупой миссис Бэйби – не менее двух третей хлеба, долго не отрывал губ от кувшина с блендом, захватил горсть мелкой рыбешки, называемой силлок, которую служанка только что поставила на стол, и без дальнейших церемоний покинул комнату.

– Вот это уж истинно глоток корабейника!⁹¹ – воскликнула обобранная миссис Бэйби. – Правильно, видно, говорят в народе: на жажду они жалуются только для отвода глаз, а на самом деле стараются брюхо набить. Эх, были бы в этой стране законы против бродяг! Не то что я хотела бы закрыть свою дверь перед носом порядочных людей, – прибавила она, взглянув на

---

⁹¹ Глоток корабейника превратился в Шотландии в своего рода поговорку, ибо эти пешие торговцы имели обыкновение скромно просить только глоток воды, тогда как на самом деле рассчитывали на еду. (Примеч. авт.)

Мордонта, – особенно когда на дворе настоящее светопреставление! Но я вижу, что гусь уже на столе, – ах он, бедняжка!

Слова были произнесены тоном искреннего участия к копченому гусю, который хоть и долго провисел безжизненной тушей в трубе ее очага, однако для миссис Бэйби был гораздо милее в таком виде, чем когда с криком носился под облаками.

Мордонт засмеялся и сел за стол, затем обернулся, чтобы взглянуть на Норну, но она во время разговора с коробейником незаметно выскользнула из дома.

– Хорошо, что убралась эта упрямая ведьма, – сказала миссис Бэйби, – хоть она и оставила здесь золотую монету нам на вечный позор...

– Тише, хозяйка, ради всего святого, тише, – остановила ее Тронда Дронсдотер. – Ну кто может знать, где она сейчас? Вдруг да она слышит нас, хоть мы ее и не видим!

Миссис Бэйби с испугом огляделась по сторонам, но тотчас же вновь овладела собой, ибо по природе своей была не менее храброй, чем дерзкой, и заявила:

– Как прежде гнала я ее, так и теперь гоню вон, все равно – видит и слышит ли она меня или бредет себе где-нибудь по дороге. А ты, ты, неотесанный дурень, – обратилась она к несчастному Триптолемусу, – ты чего пялишь глаза? А еще был студентом в Сент-Эндрюсе, учил там всякую премудрость да латынь, как ты уверяешь, а сам испугался вранья шалой старухи! Ну, читай свою самую ученую молитву! Ведьма там она или нет – плевать мне на нее, а мы себе преспокойно пообедаем. А что до ее червонца, так никто не посмеет сказать, что я прикарманила ее деньги. Я отдам их какому-нибудь бедняку, то есть заповедаю их ему после смерти⁹², а до тех пор буду хранить в кошельке на счастье и так их и не истрочу. Ну, читай же свою самую ученую молитву, братец, и давайте есть и пить.

– Уж лучше бы, хозяин, прочесть огаамус⁹³ святому Роналду и бросить шестипенсовик через левое плечо⁹⁴, – сказала Тронда.

– Да, как же, чтобы ты так и подхватила его, негодница! – ответила неумолимая миссис Бэйби. – Не скоро небось удастся тебе заработать столько денег честным трудом. Ну, садись, Триптолемус, нечего раздумывать о всяких там рассказах полоумной бабы.

– Полоумной или умной, – ответил Йеллоули, – а только знает она больше, чем мне того хотелось бы. А ведь просто страшно было, когда этакий ветер взял да и стих от слов такой же вот смертной, как и мы с тобой. А ее слова про плиту под очагом... Прямо не знаю, что и думать...

– А не знаешь, что думать, – грубо перебила его миссис Бэйби, – так придержи по крайней мере язык!

Агроном ничего не ответил, но уселся за скромную трапезу и с необычайной сердечностью принялся угощать своего нового знакомого, который первым ворвался к нему в дом в качестве непрошеного гостя, а теперь уходил из него последним. Рыбешка быстро исчезла со стола, а копченый гусь со всеми приправами буквально улетучился, так что на долю Тронды, которой полагалось обгладывать кости, не осталось никакой или почти никакой работы. После обеда Триптолемус достал бутылку бренди, но Мордонт, почти столь же воздержанный, как и его отец, нанес весьма незначительный убыток хозяину, проявившему столь не свойственное ему хлебосольство.

---

⁹² «Заповедую после смерти» означает: «оставлю по завещанию»; к благотворительности подобного рода прибегали тогда многие, в том числе и почтенная особа в нашем повествовании. (Примеч. авт.)

⁹³ Ogaamus (вместо oremus) – «Помолимся» (лат.).

⁹⁴ Хотя шетлендцы давно уже примирились с протестантизмом, однако некоторые древние обряды католического суеверия долго еще держались среди населения. Так, в сильную бурю рыбак должен был обещать «oremus» Роналду и в исполнение его бросить небольшую монетку в окно разрушенной католической часовни. (Примеч. авт.)

В продолжение трапезы брат и сестра узнали так много о юном Мордонтe и об его отце, что Бэйби даже воспротивилась желанию юноши снова переодеться в мокрое платье и стала уговаривать его (рискуя ко всем расходам этого дня прибавить еще дорогостоящий ужин) пробыть у них до завтрашнего утра. Но то, что сказала юноше Норна, только усилило его желание вернуться домой: к тому же как бы далеко ни простиралось гостеприимство, оказанное ему в Стурборо, однако ничто не манило его остаться там подольше. Поэтому он согласился занять у агронома его одежду, обещая как можно скорее возвратить ее и прислать за своей собственной. Затем он любезно распрощался с Триптолемусом и миссис Бэйби, причем последняя, хоть и огорченная потерей гуся, утешилась, однако, тем, что потратилась (раз подобная трата была все равно неизбежной), по крайней мере, для такого красивого и веселого молодого человека.

Глава VII

*Нет, ничего могучий океан
Не совершает лишь наполовину,
И жертвам, что в пучину увлекает,
И смерть несет он, и дает гробницу.*

Старинная пьеса

От Стурборо до Ярлсхофа насчитывалось десять «длинных шотландских миль», хотя на пути пешехода не лежали все те препятствия, которые приходилось преодолевать Тэму О'Шэнтеру⁹⁵, ибо в стране, где нет ни изгородей, ни каменных оград, не может быть также «ни закладных жердей, ни перелазов». Однако число «текучих вод и торфяных болот», через которые предстояло перебираться путнику, вполне уравнивало отсутствие вышеупомянутых препон и делало путешествие столь же трудным и опасным, как возвращение Тэма О'Шэнтера из Эйра. Впрочем, ни ведьм, ни колдунов Мордонту по дороге не встретилось. Он вышел из Стурборо уже на склоне дня и только к одиннадцати часам вечера благополучно добрался до Ярлсхофа. Вокруг дома все было тихо и темно, и ему пришлось два или три раза свистнуть под окном Суерты, прежде чем она отозвалась.

При первом сигнале ей приснился приятный сон – она увидела того самого молодого китобоя, который лет сорок тому назад подавал такой же условный знак под окном ее хижины; при втором она проснулась и вспомнила, что Джонни Фи уже много лет как спит глубоким сном в холодных водах Гренландии, а сама она служит домоправительницей в Ярлсхофе; при третьем Суерта встала и открыла окно.

– Ну, кого это еще там принесло в такой неурочный час? – спросила она.

– Это я, – ответил Мордонт.

– А с чего ж это вы не вошли в дом? Ведь дверь-то на щеколде; в кухне под торфом тлеет огонь, а трут – возле, взяли бы да зажгли себе свечку сами.

– Все это прекрасно, – ответил Мордонт, – но я хочу знать, как себя чувствует отец.

– Да хозяин-то ничего, по-прежнему... Вас вот спрашивал, мейстер Мордонт, уж больно вы далеко разгуливаете да поздно домой возвращаетесь, молодой человек!

– Так, значит, его «черный час» прошел, Суерта?

– Да, прошел, – ответила домоправительница, – и батюшка ваш опять стал разумным и добрым, насколько это для бедного джентльмена возможно! Вчерашний день я даже два раза сама, первая, обратилась к нему, так сначала он ответил мне вежливо, ну прямо вот как вы сами, а второй раз велел не досаждать ему: ну, тут мне и взбрело на ум, что больно уж три – хорошее число, дай, думаю, заговорю с ним и в третий раз – на счастье, значит, – взяла да и заговорила, так он, правда, обозвал меня старой болтливой ведьмой, но вполне спокойно, прилично.

– Ну довольно, довольно, Суерта, – ответил Мордонт, – лучше встань и дай мне чего-нибудь поесть, а то я не очень-то сытно пообедал сегодня.

– Ну, значит, вы были у этих новых приезжих, в Стурборо. Ведь во всяком другом доме на наших островах вам подали бы самое что ни на есть лучшее из всего, что только имеется! А не привелось вам встретить по дороге Норну из Фитфул-Хэда? Она утром ушла в Стурборо, а к ночи воротилась.

---

⁹⁵ Тэм О'Шэнтер – герой одноименной поэмы Роберта Бёрнса (1791), возвращавшийся из кабака поздно ночью и натолкнувшийся на хоровод нечистой силы.

– Возвратилась! Так она, значит, здесь? Но как могла она пройти больше трех лиг⁹⁶ за такое короткое время?

– Ну, кто знает, каким способом она путешествует! Но только говорила она ранслару, что я сама собственными ушами слышала, что собиралась в Боро-Уестру повидаться там с Минной Тройл, да только в Стурборо – она, правда, говорила не в Стурборо, а в Харфре, ведь она иначе это место не называет – встретилось ей что-то такое, от чего она к нам обратно и повернула. Но идите-ка в дом, найдется уж вам чем сытно поужинать: кладовая-то у нас не пуста, да и не на замке, хоть хозяин мой и чужеземец и на чердаке у него, как говорит ранслар, не все ладно.

Мордонт обогнул дом и вошел в кухню, где Суерта вскоре подала ему обильный, хотя и простой ужин, который вполне вознаградил его за скудное гостеприимство в Стурборо.

На следующее утро чувство некоторой усталости заставило юношу позже обычного покинуть постель, и, таким образом, вопреки установившемуся порядку, он уже застал своего отца в помещении, служившем одновременно столовой, комнатой для занятий и вообще всем, чем угодно, кроме спальни и кухни. Сын приветствовал отца с молчаливой почтительностью, ожидая, чтобы тот заговорил первым.

– Тебя вчера не было дома, Мордонт? – спросил мистер Мертон. Мордонт отсутствовал больше недели, но он часто замечал, что отец его в периоды своих болезненных приступов не ощущал хода времени; поэтому на вопрос старшего Мертона он просто ответил утвердительно.

– И ты был, я полагаю, в Боро-Уестре? – продолжал отец.

– Да, сэр, – ответил Мордонт.

Мертон-старший на некоторое время погрузился в молчание и принялся шагать по комнате, охваченный такой мрачной задумчивостью, что, казалось, у него вот-вот снова начнется припадок черной меланхолии. Вдруг он повернулся к сыну и произнес вопросительным тоном:

– У Магнуса Тройла – две дочери; теперь это, должно быть, уже молодые девушки... и, говорят, красавицы?

– Да, сэр, таково всеобщее мнение, – ответил Мордонт, пораженный тем, что отец его интересуется представительницами пола, о котором всегда отзывался с крайним пренебрежением. Изумление юноши еще увеличилось, когда Мертон столь же неожиданно задал ему следующий вопрос:

– А которая, по-твоему, красивее?

– По-моему, сэр? – повторил Мордонт с некоторым удивлением, однако ничуть не смутившись. – Я, право, здесь не судья, я никогда не задумывался над тем, которая красивее. Они обе очень хорошенькие девушки.

– Ты избегаешь прямого ответа на мой вопрос, Мордонт, но если я желаю знать твое мнение в данном случае, быть может, у меня есть на то особые причины. Я не привык болтать попусту, а поэтому спрашиваю тебя снова: которая из дочерей Магнуса Тройла кажется тебе красивее?

– Право, сэр... – ответил Мордонт. – Да нет, вы просто шутите, когда спрашиваете меня о таких вещах.

– Знайте, молодой человек, – заявил ему Мертон, и в глазах его сверкнуло нетерпение, – что я никогда не шучу. Поэтому отвечайте на мой вопрос.

– Но, сэр, даю вам честное слово, – сказал Мордонт, – что никак не могу отдать предпочтение одной из этих молодых леди. Обе очень хорошенькие, но совершенно не похожи друг на друга. Минна – брюнетка и гораздо серьезнее сестры, но хотя она и серьезна, однако совсем не скучна и не угрюма.

– Гм, – произнес Мертон, – ты сам был воспитан в строгом духе, и эта Минна, я думаю, больше тебе по вкусу?

---

⁹⁶ Лига – мера длины, равна 3 милям.

– Нет, сэр, я никак не могу сказать, что она нравится мне больше Бренды, которая резва, как ягненок весенним утром; правда, она меньше ростом, но так хорошо сложена, так изящно танцует...

– Что с ней приятно проводить время молодому человеку, у которого скучный дом и мрачный отец?

Никогда и ничем отец так не удивлял Мордонта, как упорством, с каким продолжал говорить на тему, столь чуждую его привычному образу мыслей и рассуждений; юноша снова ограничился ответом, что обе молодые леди достойны всяческого восхищения, но он никогда в своих мыслях не ставил одну ниже другой, так как это было бы просто несправедливо. Другое, быть может, и отдают предпочтение одной из девушек в зависимости от того, что кому нравится: серьезный характер или веселый, темные волосы или светлые, но если спросить его, то он лично считает, что если у одной из них и есть какие-то свои особые прелести, то им обязательно соответствует нечто столь же привлекательное в другой.

Возможно, что, несмотря на все равнодушие, с которым Мордонт отвечал отцу, тот все же не удовлетворился бы его объяснениями, но в эту минуту Суерта внесла завтрак, и юноша, хотя накануне ужинал достаточно поздно, принялся за еду с аппетитом, явно доказывавшим, что это занятие для него куда важнее, чем только что происшедший разговор, и ему нечего, по-видимому, прибавить к тому, что он уже сказал раньше. Отец прикрыл глаза рукой и долго пристально глядел на сына, занятого утренней трапезой. Ни в одном жесте юноши нельзя было подметить ни смущения, ни сознания того, что за ним наблюдают: все в нем было естественно, искренне, чистосердечно.

– Нет, сердце его свободно, – пробормотал про себя мистер Мертон. – Он так юн, жизнерадостен и впечатлителен, так красив и привлекателен и лицом и фигурой... Странно, что в его возрасте и при данных обстоятельствах он еще избежал сетей, в которые попадают все живущие в этом мире!

Когда с завтраком было покончено, Мордонт взглянул на отца, ожидая его приказаний, но старший Мертон, вместо того, чтобы предложить ему, как всегда, приступить к очередным занятиям, взял шляпу и палку и изъявил желание, чтобы Мордонт сопровождал его на вершину утеса Самборо-Хэд, откуда он хотел взглянуть на океан, который, несомненно, еще не утих после вчерашней бури. Юноши в годы Мордонта всегда охотно променяют домашние занятия на развлечение, требующее физических сил и энергии, поэтому он с живостью вскочил на ноги, чтобы исполнить желание отца. Спустя несколько минут оба уже взбирались на холм, который поднимался со стороны суши довольно крутым, поросшим травой откосом, а над морем резко обрывался страшной отвесной пропастью.

День был великолепный. У ветра хватало силы лишь на то, чтобы тревожить легкие кудрявые облачка, разбросанные вдоль горизонта; временами они набегали на солнце, покрывая ландшафт множеством темных и светлых пятен, что обычно хотя бы на краткое время придает голой и однообразной местности своеобразное очарование, присущее возделанной и покрытой насаждениями земле. Тысячи беглых оттенков света и тени играли над бескрайними просторами вересковых пустошей, скал и фьордов, которые, по мере того как отец и сын поднимались в гору, открывались перед ними все более широким кругом.

Старший из путников часто останавливался и осматривал окружающую местность; сначала Мордону казалось, что отец задерживается, чтобы полюбоваться ее красотой, однако, по мере того как они поднимались все выше, сын стал замечать, что дыхание отца учащается, а походка делается неуверенной и усталой, и вскоре он, к немалой своей тревоге, убедился, что на этот раз у отца его просто не хватает сил и что подъем для него оказался труднее и утомительнее обычного. Мордонт подошел к отцу и молча подставил ему свою руку для опоры, что было с его стороны столько же проявлением сыновней почтительности, сколько и знаком ува-

жения юноши к человеку почтенного возраста. Сначала Мертон принял эту услугу как должное, ибо, не говоря ни слова, воспользовался предложенной ему помощью.

Так продолжалось, однако, не более двух или трех минут: не успели путники пройти и пятидесяти ярдов, как Мертон резко, если не сказать – грубо, оттолкнул от себя Мордонта, затем, словно ужаленный каким-то внезапным воспоминанием, начал взбираться на кручу такими широкими и быстрыми шагами, что Мордону в свою очередь пришлось напрягать все силы, чтобы не отстать от него.

Сын хорошо знал странный нрав своего отца и догадывался по многим малозаметным признакам, что отец не любит его, несмотря на то что тратит столько сил на его образование. Мордонт знал также, что был единственным близким ему человеком на целом свете. Но никогда еще не ощущал он такой отчужденности так ясно и сильно, как сейчас, когда Мертон внезапно и грубо отказался от помощи сына. Ведь старики обычно с охотой принимают подобные услуги от юношей, даже не связанных с ними родственными узами. Они считают это должной данью, которую столь же приятно предлагать, сколь и получать. Но Мертон, видимо, не заметил, какое впечатление произвела его резкость на Мордонта. Он остановился на небольшом ровном участке, которого они тем временем достигли, и обратился к сыну равнодушным – пожалуй, даже подчеркнуто равнодушным – тоном:

– Ну, раз ничего особенно притягательного для тебя на этих диких островах нет, тебе, вероятно, случалось думать, что неплохо было бы повидать и тот широкий мир, что лежит за их пределами?

– Поверьте, сэр, – возразил Мордонт, – что я никогда не думал о подобных вещах.

– А почему бы и нет, молодой человек? – спросил его отец. – Для тебя, в твоём возрасте, подобные мысли вполне естественны. Для меня в твои годы было мало и Великобритании со всем её разнообразием, так что же говорить об этих опоясанных морем торфяных болотах?

– Право, сэр, я никогда не думал о том, чтобы покинуть Шетлендию, – ответил сын. – Здесь я счастлив, здесь у меня есть друзья. Да и вам, сэр, будет недоставать меня, если только...

– Ну, не станешь же ты уверять меня, – с некоторой поспешностью перебил его отец, – что остаешься или хочешь остаться здесь только из любви ко мне?

– А почему бы и нет, сэр? – мягко ответил Мордонт – Это мой долг, и надеюсь, что я до сих пор выполнял его.

– О да, понятно, – повторил Мертон тем же тоном, – это твой долг – долг собаки следовать за слугой, который кормит ее.

– А разве она не делает этого, сэр? – спросил Мордонт.

– Да, конечно, – ответил его отец, отвернувшись, – но привязывается она только к тому, кто ласкает ее.

– Надеюсь, сэр, – возразил Мордонт, – что вы не можете упрекнуть меня...

– Ну, довольно об этом, довольно! – резко перебил его Мертон. – Мы оба сделали друг для друга все, что могли. Скоро нам придется расстаться, пусть же это послужит для нас утешением, если в минуту разлуки нам вообще потребуется утешение.

– Я готов во всем подчиниться вашим желаниям, – сказал Мордонт, не слишком опечаленный тем, что перед ним, видимо, открывается возможность взглянуть на Божий мир. – Вам будет угодно, полагаю, чтобы я начал свои путешествия с похода на китобойном судне?

– На китобойном судне! – воскликнул Мертон. – Вот уж, нечего сказать, хорошенький способ повидать свет! Хотя ты, конечно, повторяешь чужое мнение. Но довольно об этом на сегодня. Скажи мне лучше, где ты укрылся вчера от бури?

– В Стурборо, в доме нового управляющего, что приехал из Шотландии.

– А, у этого сумасбродного педанта, охотника до всяких затей, – сказал Мертон. – Ну а еще кто там был?

– Его сестра, сэр, и старая Норна из Фитфул-Хэда.

– Как, повелительница стихий! – насмешливо произнес Мертон. – Та, которая может изменить направление ветра, сдвинув свой чепец на сторону, подобно тому, как, говорят, делал это король Эрик, поворачивая задом наперед свою шапку. Однако эта дама отлучается далеко от дома! Ну, как идут ее дела? Все богатеет, продавая благоприятные ветры судам, спешащим в гавань?

– Право, не знаю, сэр, – ответил Мордонт: он вспомнил то, чему только вчера был свидетелем, и потому не мог полностью разделить суждение своего отца.

– Ты что, считаешь этот вопрос слишком серьезным для шуток или, быть может, находишь ее товар слишком легковесным, чтобы на него обращать внимание? – продолжал Мертон тем же саркастическим тоном, означавшим у него самое большое проявление веселости, на какое он был способен. – Но давай рассуждать по существу: все на свете покупается и продается, так почему же не стать товаром и ветру, если только продавец сумеет найти покупателя? Все на земле продажно – от поверхности и до самых глубоких недр: огонь и топливо непрерывно покупаются и продаются, несчастные рыбаки, которые тащат по бурному океану свои сети, покупают себе право утонуть в нем; за какие же особые заслуги должен быть воздвигнут исключен из этой всемирной купли-продажи? Все, что находится на земле, под землей и вокруг земли, имеет свою цену, своих продавцов и своих покупателей. Во многих странах священники продадут тебе долю небесного блаженства, и во всех странах без исключения ценой здоровья, богатства и чистой совести люди покупают себе изрядную дозу ада. Так почему же Норне не торговать своим товаром?

– Да, против этого мне нечего возразить, – ответил Мордонт, – только уж лучше бы она вела розничную торговлю, а то вчера она торговала оптом, и каждый за свои деньги получал от нее товар с большим походом.

– Должно быть, так, – сказал Мертон, останавливаясь на краю страшного обрыва, до которого они наконец добрались, – и последствия видны еще до сих пор.

У их ног гигантский мыс круто обрывался над бескрайним бушующим океаном. Обращенная к морю сторона этого дикого утеса состояла из мягкого песчаного сланца, который, постепенно разрушаясь под воздействием воздуха и погоды, трескался и расщеплялся на отдельные громадные плиты, едва державшиеся над самой бездной. Во время бури глыбы эти срывались и, круша все на своем пути, скатывались в потревоженную ими пучину волн, бившихся о подножия скал. Много таких огромных осколков было разбросано под утесом, с которого они когда-то упали, и прибой пенился и бушевал среди них с силой, обычной в столь высоких широтах.

Стоя на краю пропасти, Мертон и его сын глядели на необъятный океан, все еще кативший могучую мертвую зыбь, поднятую разбушевавшимся накануне штормом. Море было слишком глубоко растрожено, чтобы быстро успокоиться. Валы разбивались о берег с яростью, равно поражающей слух и зрение, и грозили немедленной гибелью всему, что могло быть захвачено бурным течением, пронесившимся мимо мыса. Природа, какой бы она ни являлась нам – величественной ли, прекрасной или ужасной, таит в себе что-то неодолимо влекущее, чего не способна ослабить даже привычка, и потому оба путника – и отец и сын – опустили на скалу и отдались созерцанию неистовых волн, достигавших в своем гневе самого подножия утеса.

Вдруг Мордонт, чьи глаза были острее, а внимание – живее, чем у отца, вскочил с криком:

– Боже мой, там, в Русте, судно!

Мертон посмотрел на северо-запад, где действительно среди бушующих вод виднелся какой-то предмет.

– Оно потеряло паруса, – сказал Мертон и, поглядев в подзорную трубу, добавил: – И мачты тоже, по воде носится один только остов.

– Его мчит прямо на Самборо-Хэд! – воскликнул Мордонт – Оно не сможет его обогнуть!

– Да им никто и не управляет, – заметил Мертон, – экипаж, очевидно, покинул его.

– А в такую бурю, как вчера, – добавил Мордонт, – ни одна шлюпка не могла уцелеть, даже с самыми опытными гребцами. Все, должно быть, погибли!

– По всей видимости, да! – ответил Мертон с мрачным спокойствием. – И рано или поздно, а все на нем должны были погибнуть. И не все ли равно, поймал ли их птицелов, от которого нет никому спасения, накрыв их своей сетью всех вместе на том вот разбитом судне, или хватал поодиночке, по мере того как случай бросал их ему в руки. Какое это имеет значение? На палубе и на поле боя рок так же подстерегает нас, как дома – за столом или в постели. И если мы счастливо избежем одной опасности, так только для того, чтобы влачить все то же безрадостное и томительное существование до тех пор, пока не погибнем от другой. Так пусть же приходит тот час, к которому разум должен был бы научить нас стремиться, хотя природа и вложила в наши души непреодолимый страх перед ним. Тебе подобные рассуждения, верно, кажутся странными, ибо жизнь для тебя еще нова, но, прежде чем ты достигнешь моего возраста, они уже станут привычными спутниками твоих мыслей.

– Но я думаю, сэр, – возразил Мордонт, – что такое отвращение к жизни необязательно для всех, достигнувших преклонного возраста?

– Для всех, кто достаточно умен, чтобы оценить жизнь по достоинству, – ответил Мертон. – Те же, у кого, подобно Магнусу Тройлу, животное начало преобладает над духовным настолько, что они способны испытывать наслаждение от одного удовлетворения своих физических потребностей, – те, возможно, подобно скотам, могут находить счастье в самом факте своего существования.

Мордонту были не по душе ни эта философия, ни приведенный Мертоном пример. Он считал, что человек, который так хорошо выполнял свой долг по отношению к окружающим, как добрый старый юдаллер, имеет больше прав на то, чтобы солнце озаряло счастьем закат его дней, чем если бы он ко всему оставался равнодушным. Юноша, однако, не стал поддерживать этого разговора, ибо знал, что спорить с отцом всегда означало в конце концов рассердить его, и поэтому он снова обратил свой взор к потерпевшему крушение судну.

Жалкий обломок – ибо теперь оно было уже немногим лучше обломка, – подхваченный быстриной, со страшной скоростью неся к подножию утеса, на краю которого стояли Мертон с сыном. Много, однако, прошло времени, прежде чем они сумели как следует рассмотреть то, что вначале казалось им просто черным пятном среди волн, а затем, приблизившись, стало походило на кита, который то едва подымал над водой свой спинной плавник, то открывал взгляду огромный черный бок. В конце концов, однако, они смогли яснее разглядеть судно, ибо огромные, грозные валы, несшие его к берегу, попеременно то вздымали его высоко на самые свои гребни, то погружали в глубокие провалы между ними. На вид это было судно водоизмещением в двести – триста тонн, способное обороняться от нападения, ибо в бортах его можно было различить оружейные порты. Оно потеряло мачты, должно быть, во время вчерашнего шторма и, полузатонув, служило теперь игрушкой свирепой стихии. Было совершенно очевидно, что команда, оказавшись не в состоянии ни управлять кораблем, ни откачивать воду, бросилась в шлюпки и покинула корабль на произвол судьбы. Казалось поэтому, что, какова бы ни была участь судна, о судьбе его экипажа можно было не тревожиться, и все же Мордонт и его отец, затаив дыхание, с ужасом следили, как это чудесное произведение людского гения, созданное для того, чтобы покорять воды и спорить с ветром, теперь готовилось стать их жалкой добычей.

Судно подвигалось вперед, и с каждой саженью огромный черный остов его казался еще огромнее. Вот оно взлетело на гребень чудовищной волны: несколько мгновений она несла его, затем вместе со своей ношей обрушилась на берег, и стихия в один миг восторжествовала над творением рук человеческих.

Как мы уже говорили, волна, подняв несчастное судно и помчав его на скалы, обнажила на мгновение весь его корпус. Когда же она отхлынула от подножия утесов, судно перестало существовать и отступающий вал повлек за собой обратно в пучину только бесчисленное количество бимсов, кусков обшивки, бочек и тому подобных предметов, чтобы следующая волна опять подхватила их и опять швырнула о скалы.

В этот миг Мордонту почудилось, что он видит человека, плывущего на доске или бочке: его относил в сторону от главного течения к небольшой песчаной косе, где вода была неглубокой и волны бушевали с меньшей силой. При виде погибающего первым порывом отважного юноши было крикнуть: «Он жив, его можно спасти!» Вторым – быстро измерив взглагом крутой обрыв, броситься вниз (иначе нельзя было назвать его стремительное движение) и, используя каждую трещину, расселину или выступ, начать спуск, показавшийся бы стороннему наблюдателю совершенным безумием.

– Стой, приказываю тебе, сумасшедший! – воскликнул его отец. – Это верная смерть! Беги к тропинке налево, там не так опасно! – Но Мордонт был уже полностью поглощен трудностями своей страшной затеи.

«Впрочем, зачем мне останавливать его? – подумал Мертон, успокаивая свою тревогу мрачной и бездушной философией, которой поставил себе за должное следовать. – Если и суждено ему погибнуть сейчас, совершая подвиг человеколюбия, когда он охвачен благородными и возвышенными чувствами и счастлив сознанием своей ловкости и молодой силы, – если и суждено ему погибнуть сейчас, то разве не избежит он тогда мизантропии, угрызений совести, преклонного возраста и сознания уходящих телесных и душевных сил? Но я не хочу смотреть на это, не хочу! Я не могу видеть, как внезапно погаснет огонь его юной жизни».

Мертон отвернулся от пропасти и поспешил налево – туда, где, на расстоянии не более четверти мили, начиналась рива, или расселина в скале, по которой вилась тропа, называемая тропой Эрика; далеко не безопасная и не легкая, она служила, однако, единственным путем, по которому жители Ярлсхофа могли в случае необходимости спускаться к подножию прибрежных скал.

Но раньше чем Мертон добрался до начала этой тропы, его смелый и решительный сын уже завершил свое намного более отчаянное нисхождение. Какие бы неожиданные препятствия, не замеченные им сверху, не вставали перед ним, вынуждая его отклоняться от прямой дороги и избирать иные, более извилистые пути, – ничто не могло остановить его. Не раз огромные каменные глыбы, на которые он рассчитывал опереться всей своей тяжестью, срывались у него из-под ног и с грохотом скатывались вниз, в бушующий океан. Раз или два такие оборвавшиеся камни падали сверху и задевали его, словно хотели увлечь вместе с собой в пропасть. Но отважное сердце, верный глаз, цепкие руки и крепкие ноги помогли ему благополучно довести до конца свою отчаянную попытку, и через какие-нибудь семь минут он уже был внизу, под отвесной скалой, с высоты которой столь рискованным образом спустился.

Он стоял теперь на небольшом, выдающемся в море выступе из камней, песка и гальки; с правой стороны волны бились о подножие утеса, а с левой – узкая прибрежная полоса простиралась до того места, где к морю выходила расселина, именуемая тропой Эрика, по которой полагал спуститься отец Мордонта.

Когда судно раскололось и распалось на части, все то, что после первого удара всплыло на поверхность, было вновь унесено океаном, кроме нескольких обломков, бочек, рундуков и тому подобных вещей, которые сильным водоворотом, возникшим при отходе волны, выбросило на берег или прибило к той узкой полоске земли, где стоял сейчас Мордонт. Острый глаз юноши быстро различил среди них тот предмет, который уже раньше привлек его внимание и теперь, на близком расстоянии, оказался действительно человеком, и притом в самом опасном положении. Руки его крепко и судорожно сжимали доску, за которую он схватился в момент гибели судна, но сознание, а вместе с ним и способность двигаться покинули его; доску, напо-

ловину выброшенную на берег, наполовину погруженную в воду, в любое мгновение могло снова унести в море, и тогда гибель несчастного стала бы неизбежной. Едва Мордонт осознал это, как увидел огромную набегающую волну и поспешил броситься на помощь пострадавшему, прежде чем она обрушится на него, ибо сознавал, что, отступая, она уж наверняка унесет с собой и свою жертву.

Юноша кинулся в воду и вцепился в безжизненное тело так же крепко, как собака – в свою добычу, хотя его побуждали совершенно иные чувства. Отступающий вал, однако, с непредвиденной силой потащил с собой и Мордонта, которому пришлось теперь бороться не только за жизнь незнакомца, но и за свою собственную, ибо хотя он и слыл хорошим пловцом, но течение было здесь так стремительно, что легко могло разбить его о скалы или унести с собой в открытое море. Он устоял, однако, и, прежде чем нагрянула следующая волна, вытащил на узкую полосу сухого песка человека и доску, которую тот продолжал крепко прижимать к себе. Но как сохранить, как снова раздуть угасающее пламя жизни, как перенести в более безопасное место несчастного, который сам не в силах был ничего сделать для собственного спасения? Вот вопросы, которые Мордонт задавал себе, не находя на них ответа.

Он взглянул на вершину утеса, где оставил отца, и окликнул его, призывая к себе на помощь, но глаза его не различили знакомой фигуры, и ответом ему послужил один только крик морских чаек. Юноша снова опустил взгляд на незнакомца. Богато расшитое по моде того времени платье, тонкое белье, перстни на пальцах – все говорило, что он принадлежал к высшим кругам общества, а бледное и искаженное лицо его было молодо и красиво. Он еще дышал, но дыхание его было еле заметно, жизнь едва теплилась в теле и, казалось, вот-вот погаснет, если тотчас же не будет чем-либо поддержана. Развязать несчастному галстук, повернуть его лицом к ветру и слегка приподнять – вот все, что мог сделать для него Мордонт, озабоченно озиравшийся по сторонам в поисках кого-либо, кто помог бы ему перенести пострадавшего в более безопасное место.

В эту минуту он заметил человека, медленно и осторожно пробиравшегося вдоль берега. У Мордонта мелькнула было надежда, что это его отец, но он тотчас же вспомнил, что тот не мог так быстро спуститься по окольной тропе, которой по необходимости должен был следовать; к тому же подходивший был гораздо ниже ростом.

Когда он приблизился, Мордонт без труда узнал того самого корабейника, которого вчера еще видел в Харфре и неоднократно встречал и ранее.

– Брайс! Эй, Брайс, сюда! – закричал он как можно громче, но корабейник, занятый тем, что подбирал вещи, выброшенные на берег после кораблекрушения, и оттаскивал их на недоступное волнам место, сначала не обратил никакого внимания на призывы юноши.

Когда же он наконец подошел к Мордонту, то вовсе не для того, чтобы помочь ему, а чтобы выбрать за безрассудную выходку – спасение человека.

– Да в своем ли вы уме? – воскликнул он. – Сколько уже лет живете в Шетлендии, а не боитесь спасти утопающего! Не знаете вы разве, что если только вернете его к жизни, так уж он обязательно чем-нибудь да навредит вам. Уж лучше бы вы, мейстер Мордонт, приложили свои силы к более выгодному делу. Помогите-ка мне вытащить на берег пару-другую этих вот ящиков, пока еще никто сюда не явился, и мы с вами как добрые христиане честно поделим то, что сам Господь Бог послал нам, и возблагодарим за это Всевышнего.

Мордонту действительно был знаком этот жестокий предрассудок, распространенный в прежние времена среди простого народа Шетлендии; быть может, он потому так прочно там укоренился, что служил своего рода оправданием для тех, кто, отказывая в помощи жертвам кораблекрушения, одновременно присваивал их имущество. Во всяком случае, убеждение, что спасенный утопающий в будущем обязательно причинит спасшему его какое-то зло, странным образом противоречило самому характеру шетлендцев: гостеприимные, щедрые и бескорыстные во всех других случаях, они должны были в силу этого суеверия отказывать в помощи

людям, подвергавшимся смертельной опасности, столь частой на их скалистых берегах, омываемых бурным морем. Мы счастливы добавить, что уговоры и пример поселившихся там землевладельцев совершенно искоренили даже самые следы этого бесчеловечного предрассудка, воспоминание о котором сохранилось еще, пожалуй, в памяти некоторых и поныне здравствующих старцев. Странно, что сердца шетлендцев могли оставаться безучастными по отношению к жертвам той же грозной стихии, от которой они сами столь жестоко и часто страдали; быть может, однако, постоянное созерцание опасности и сознание ее близости притупляют ощущения независимо от того, постигло ли бедствие тебя самого или человека, тебе постороннего.

Брайс с особым упорством держался этого древнего поверья в значительной степени потому, что пополнение его короба товарами происходило не столько за счет лавок Лерунка или Кёркуолла, сколько в результате северо-западных штормов, подобных разыгравшемуся накануне, в каковых случаях Брайс, будучи человеком по-своему весьма благочестивым, никогда не забывал возблагодарить Господа. Поговаривали даже, что если бы он потратил на помощь пострадавшим от кораблекрушений столько же времени, сколько на собирание их тюков и ящиков, то спас бы много душ, но лишился бы многих доходов. Сейчас он не обращал никакого внимания на настойчивые призывы Мордонта, хотя оба они стояли на одной и той же узкой песчаной косе. Брайс хорошо знал, что именно сюда прибывает волнами те обломки, которые море выбрасывает на берег, и теперь, не теряя времени, он спасал и присваивал то, что казалось ему наименее громоздким и наиболее ценным, и совершенно погрузился в это занятие. Наконец Мордонт увидел, что честный коробейник решил завладеть прочным морским сундуком из индийского дерева, сработанным, очевидно, иноземными мастерами и оклепанным для большей прочности медью. Крепкий замок, однако, как ни старался Брайс открыть его, никак не поддавался, и в конце концов разносчик с невозмутимым спокойствием вынул из кармана аккуратно сделанные молоток и долото и принялся сбивать петли.

Донельза возмущенный подобной наглостью, Мордонт схватил обломок дерева, валявшийся рядом, и, бережно опустив спасенного им человека на песок, побежал к Брайсу и замахнулся на него, крича:

– Ах ты, бессердечный, бесчеловечный негодяй! Сейчас же встань и помоги мне привести в себя этого человека и перенести его в безопасное место, подальше от воды, а не то я изобью тебя тут же как собаку, да еще расскажу Магнусу Тройлу, что ты вор, и он задаст тебе такую порку, что небо покажется тебе с овчинку, а потом прогонит тебя навсегда с острова!

Как раз в тот момент, когда до ушей Брайса донеслось столь малолюбезное приветствие, крышка сундука наконец отскочила и взору предстало его содержимое: разнообразное платье как морского, так и гражданского покроя, сорочки, простые и обшитые кружевами, серебряный компас, палаш с серебряным эфесом и прочие ценные предметы, которые, как хорошо знал коробейник, привлекли бы многих покупателей. Он уже готов был вскочить на ноги, схватить палаш – оружие, как известно, и колющее и режущее – и, по выражению Спенсера, «учинить баталию», чтобы не лишиться добычи и не потерпеть вмешательства в свои дела. Брайс, хоть и невысокий ростом, был, однако, крепок и коренаст, едва перешагнув цветущую пору жизни; к тому же он располагал более совершенным оружием и мог поэтому причинить Мордонту больше неприятностей, чем того заслуживали доброта и рыцарские чувства юноши.

В ответ на повторные и настойчивые требования Мордонта бросить добычу и заняться спасением несчастного коробейник возразил вызывающим тоном:

– Не бранитесь, сэр, не бранитесь. Я не потерплю, чтобы на меня кричали. Обирать египтян – мое законное право! И попробуйте только, троньте меня хоть пальцем – я вас проучу так, что до самого Рождества не забудете!

Мордонт тут же бросился бы на дерзкого коробейника, чтобы испытать его храбрость, но в это мгновение кто-то громко произнес за его спиной: «Остановитесь!» То был голос Норны из Фитфул-Хэда, которая в разгар ссоры незаметно подошла к спорящим.

– Остановитесь! – повторила она. – Ты, Брайс, окажи Мордону помощь, которой он требует. Она принесет тебе больше, говорю я, нежели вся твоя сегодняшняя добыча.

– Это дорогое голландское полотно, – сказал коробейник, щупая ткань одной из сорочек со знанием дела, с каким хозяйки и знатоки оценивают изделия ткацкого станка, – это дорогое голландское полотно, и какое прочное – прямо коленкор. Но вашу просьбу, матушка, я уважу. Я уважил бы и просьбу мастера Мордонта, да только он стал ругаться и кричать, а от этого у меня все нутро переворачивается; вот я и забылся немного, – прибавил коробейник, сменив вызывающий тон на вкрадчивый и униженный, каким он обычно уговаривал покупателей.

Затем он вытащил из кармана фляжку и подошел к пострадавшему.

– Тут у меня бренди – первый сорт, – сказал он, – и коли это его не оживит, так, верно, уж ничто не поможет – С этими словами Брайс, предварительно отхлебнув немного, словно желая доказать высокое качество напитка, хотел уже приложить фляжку к губам незнакомца, как вдруг отдернул руку и взглянул на Норну – А вы отведете от меня зло, какое он может мне сделать, коли я помогу ему? Вы ведь знаете, матушка, что говорят в народе.

Вместо ответа Норна взяла фляжку из рук Брайса и стала растирать виски и грудь пострадавшего, приказав Мордону приподнять его голову так, чтобы он мог извергнуть морскую воду, которой наглотался, когда тонул.

Коробейник с минуту безучастно смотрел на них, а затем произнес:

– Надо думать, теперь-то уж не так страшно помочь ему, когда он не в воде, а лежит себе спокойно на сухом берегу. Надо думать, что главная-то беда грозит тому, кто первый его тронул. А ведь просто жалость берет смотреть, как от перстеньков распухли у бедняги пальцы: руки-то у него, глядите, стали синие, словно краб, что еще не сварился.

С этими словами Брайс схватил холодную руку несчастного, по которой только что пробежала легкая дрожь – знак возвращавшейся к нему жизни, – и принялся из человеколюбия снимать с нее перстни, представлявшие, видимо, известную ценность.

– Если дорога тебе жизнь – не тронь, – строгим голосом произнесла Норна, – или я пошлю тебе такое испытание, что конец придет путешествиям твоим с острова на остров.

– Что вы, что вы, ради всего святого, матушка, не говорите такого! – взмолился коробейник. – Я сделаю все, что вам только угодно, и так, как вы пожелаете. У меня и вчера уже разломило всю спину, а ведь это самое последнее дело для нашего брата разносчика, коли он не сможет спокойно ходить с места на место со своим коробом да честно зарабатывать гроши и подбирать то, что Господь Бог для него на берег выбрасывает.

– Тогда слушай меня, – сказала Норна, – слушай, и ты не раскаешься: подними этого человека на спину – у тебя достаточно широкие плечи; жизнь его стоит дорого, и щедрая награда ожидает тебя.

– Да уж наградить-то меня придется, – сказал коробейник, задумчиво глядя на взломанный сундук и другие разбросанные по песку предметы, – человек-то этот, видишь ли, встал между мной и этим добром, а заберу я все это сегодня, так не знал бы нужды до конца дней! А теперь будет оно валяться, пока следующий прилив не унесет его опять в море вдогонку тем, кто владел им еще вчера утром.

– Не бойся, – сказала Норна. – Его еще приберут к рукам. Взгляни, вот уже слетаются черные вороны – видно, чутье у них не хуже твоего.

Она была права: несколько человек из селения Ярлсхоф уже спешили вдоль берега, торопясь урвать свою долю добычи.

Коробейник при виде их жалобно застонал.

– Вот всегда так, – сказал он, – ярлсхофцы уж тут поработают – они на это известные мастера, так что и обрывка гнилого троса здесь не оставят! Да хуже всего, что не хватает у них смекалки вознести благодарность Господу за все полученное. Старый наш ранслар Нийл

Роналдсон – так тот, чтобы послушать проповедь, и мили не может пройти, а как узнает, что разбилось судно, так проковыляет и все десять.

Впрочем, Норна обладала над ним, видимо, столь исключительной властью, что Брайс без дальних слов взвалил на плечи несчастного, который подавал уже явные признаки жизни, и безропотно потащился вдоль берега со своей ношей, которую бережно поддерживал Мордонт. Незнакомец, когда его уносили, указал на сундук и пытался пробормотать несколько слов, на что Норна ответила:

– Хорошо, он будет в сохранности.

Направляясь к тропе Эрика, по которой им предстояло подняться на утес, Норна и ее спутники встретили жителей Ярлсхофа, спешивших в противоположном направлении. Мужчины и женщины при встрече почтительно уступали Норне дорогу и кланялись ей, и на лицах у многих отражался при этом страх. Она сделала несколько шагов вперед, затем обернулась и окликнула ранслара, который, хотя подобного рода действия были скорее освящены обычаем, нежели законом, сопровождал своих односельчан в их грабительской вылазке.

– Нийл Роналдсон, – сказала Норна, – запомни мои слова. Там, на берегу, стоит сундук с только что оторванной крышкой. Пусть его перенесут в твой дом в Ярлсхофе. Да смотри, чтобы все было в целости, чтобы не тронули в нем ни единой вещи. А посмеет кто хотя бы в него заглянуть – уж лучше было б тому лежать в могиле. Ты знаешь, что я слов на ветер не бросаю и не потерплю непослушания.

– Все будет исполнено, как вы того желаете, матушка, – ответил Роналдсон, – уж будьте покойны, никто не осмелится тронуть ящик, раз таково ваше приказание.

Далеко позади прочих шла старая женщина; она ворчала себе под нос, кляня свою дряхлость, которая заставляла ее плестись в хвосте, и все же спешила изо всех сил, боясь упустить свою долю поживы.

Поравнявшись с ней, Мордонт чрезвычайно удивился, ибо узнал их старую домоправительницу.

– Что это значит, Суерта? – спросил он. – Как это ты оказалась так далеко от дома?

– Да я только вышла взглянуть, где это запропалились мой бедный хозяин, а с ним и ваша милость, – ответила Суерта, которая чувствовала себя пойманной на месте преступления, ибо мистер Мертон не раз высказывал свое крайнее неодобрение по поводу экспедиций, подобных той, в какой она сейчас принимала участие.

Но Мордонт был слишком занят своими собственными мыслями, чтобы обратить внимание на ее провинность.

– А ты встретила отца? – спросил он.

– Как же, как же, – ответила Суерта, – бедный джентельмент один-одинешенек сползал по тропе Эрика, и как это только он не сложил там свои косточки – ведь никогда-то в жизни он не лазал по скалам. Так уж я пустилась на всякие хитрости и уговорила его идти домой, а потом стала разыскивать вас: бегите скорей за ним в замок, ох, боюсь, что ему совсем плохо.

– Отец нездоров? – воскликнул Мордонт, припомнив приступ слабости, охвативший Мертона во время их утренней прогулки.

– Совсем, совсем плохо, – заныла Суерта, жалобно качая головой, – он стал такой белый, такой белый... Ах, бедный мой господин, и подумать только – он хотел спуститься по риве!

– Возвращайся домой, Мордонт, – приказала слышавшая их разговор Норна. – Я возьму на себя попечение об этом несчастном, а если ты захочешь его видеть, то найдешь в доме ранслара. Все, что ты смог, ты уже для него сделал.

Мордонт почувствовал, что она права, и, приказав Суерте немедленно следовать за ним, пошел по дороге к дому.

Суерта с неохотой поплелась за своим юным хозяином, но как только он углубился в ущелье и скрылся у нее из глаз, тотчас же повернула в обратную сторону, бормоча:

– Идти домой? Как бы не так! Идти домой и упустить такой чудесный случай заполучить себе новый плащ и новый платок. Да такой оказии не было, поди, уж десять лет! Ну нет! Такой богатой находки не случалось на нашем берегу с того самого раза, как разбились «Дженни и Джеймс», еще во времена короля Чарли.

С этими словами Суерта заковыляла прочь со всей скоростью, на какую была способна, и, так как бодрый дух легко подчиняет себе тщедушную плоть, помчалась с необычайной быстротой, чтобы получить и свою часть добычи. Вскоре она достигла побережья, где ранслар, не забывая набивать свои собственные мешки, уговаривал остальных честно делить поживу, как подобает добрым соседям, предоставляя старикам и немощным должную долю, ибо, как он благочестиво прибавил, тогда Господь благословит их берег и пошлет им еще до зимы «много-много разбитых кораблей».

Глава VIII

*Красив, приветлив, полон сил,
Как дикий барс, изящен был
Мой юный господин.
А в милой резвости своей
Он был, пожалуй, веселей,
Чем молодой дельфин.*

Вордсворт

Ноги у Мордонта Мертона были молодые, и он быстро добрался до Ярлсхофа. В дом он почти вбежал, ибо слова Суерты, произнесенные не без умысла, до известной степени подтверждали то, что он сам видел во время утренней прогулки. Мордонт застал отца в общей комнате, где тот, усталый, присел отдохнуть; однако первый же вопрос убедил юношу, что почтенная женщина прибегла к маленькому обману, чтобы избавиться от них обоих.

– Где этот умирающий, ради чьего спасения ты так умно рисковал собственной головой? – осведомился старший Мертон у младшего.

– Норна, сэр, – ответил Мордонт, – взяла его на свое попечение, а в этих делах она разбирается.

– Значит, она не только ведьма, но еще и знахарка? – добавил старший Мертон. – Ну, тем лучше, одной заботой меньше. А я по совету Суерты поспешил домой за корпией и повязками, ибо она бормотала что-то о переломанных костях.

Мордонт промолчал, хорошо зная, что Мертон не будет продолжать расспросов, и не желая подводить старую домоправительницу, или вызвать у отца одну из тех бурных вспышек гнева, которым он был подвержен, когда, вопреки обыкновению, считал себя вынужденным вмешиваться в поведение своей служанки.

Суерта возвратилась домой только к вечеру, изнемогая от усталости и с довольно объемистым узлом, содержащим, видимо, ее долю награбленного. Мордонт тотчас же разыскал ее и стал укорять в том, что она обманула и мистера Мертона, и его самого, но у почтенной особы не оказалось недостатка в оправданиях.

– Хотите верьте, хотите нет, – заявила она, – а только когда я собственными своими глазами увидела, как мой юный хозяин полез вниз по скале, ну прямо как дикая кошка, я решила, что тут без увечий не обойдется и хорошо еще, если перевязка поможет. Вот я и уговорила мистера Мертона пойти домой за корпией, и уж верьте не верьте, а он, право же, был нездоров и с лица стал совсем белый, как полотно, – я так ему и сказала, помереть мне на этом самом месте, – и это увидел бы всякий, кто случился бы там в это время.

– Но все-таки, Суерта, – возразил Мордонт, как только ее крикливые оправдания позволили ему вставить свое слово, – как же так получилось, что ты, вместо того чтобы заниматься дома стряпней и сидеть за прялкой, оказалась сегодня утром у тропы Эрика и проявила столь ненужную заботу о моем отце и обо мне? А что в этом узле, Суерта? Сдается мне, что ты нарушила закон и вышла поживиться обломками кораблекрушения.

– Ах вы, мой красавчик, да благословит вас святой Роналд! – воскликнула Суерта полузаискивающим-полушутливым тоном. – Неужели вы хотите помешать бедной старухе немного подновить свою одежку, когда столько добра лежит себе на песке и так и ждет, не подберет ли его кто. Ах, мейстер Мордонт, да ведь один только вид разбитого судна способен даже нашего пастора сманить с кафедры на самой середине проповеди, а вы хотите, чтобы бедная, старая, ничему не ученая женщина осталась у своей кудели и прялки! Да много ли мне перепало за

целый-то день работы? Клочок-другой полотна, да два-три куска грубого сукна, ну и кое-что еще... Хорошие-то вещи на этом свете достаются тем, кто посильнее да посмелее.

– Да, Суерта, – ответил Мордонт, – и это тем прискорбнее, что тебе и на этом, и на том свете еще достанется за то, что ты обкрадывала потерпевших крушение.

– Ах, любезный вы мой, ну кому будет охота наказывать бедную старуху за какой-то узел с тряпьем? Бранят в народе графа Патрика, чернят его, а ведь он был благодетелем для нашего берега и дал нам мудрые законы, не велел спасать корабли, что попадают на рифы⁹⁷. А моряки, как, слышала я, говорил Брайс-коробейник, – раз их киль коснулся дна, так и теряют право на свое имущество; да к тому же ведь они все потонули, померли, успокой Господь их душеньки, да, потонули и померли, и не нужны им теперь никакие земные блага, так же как и славным ярлам и викингам давних времен не нужны больше сокровища, что зарывали с ними в могилы и склепы тому уже много-много лет. Да разве я вам о них не рассказывала, не пела о том, как Олаф Трюгверсон велел зарыть с ним в могилу пять золотых корон?

– Нет, Суерта, – ответил Мордонт, которому хотелось немного помучить хитрую старую грабительницу, – ты никогда мне об этом не рассказывала; но зато я должен тебе сказать, что чужестранец, которого Норна распорядилась отнести в поселок, настолько оправился, что завтра же спросит, куда вы запрятали то, что награбили на берегу.

– А кто заикнется ему об этом, золотой вы мой? – спросила Суерта, лукаво заглядывая снизу в лицо своему молодому хозяину – К тому же, должна сказать вам, есть у меня среди всего прочего хороший кусочек атласа как раз на камзол для вашей милости: обновите в первый же раз, как отправитесь в гости.

Мордонт не мог не расхохотаться над хитроумной попыткой почтенной старушки подкупить его и из свидетеля превратить в соучастника грабежа; он приказал ей поторопиться с обедом и вернулся к мистеру Мертону, который продолжал сидеть на том же месте и почти в той же позе, в какой сын оставил его.

Когда их недолгая и скромная трапеза была окончена, Мордонт сообщил отцу о своем намерении спуститься в поселок и навестить потерпевшего.

Старик кивком головы выразил свое согласие.

– Ему там, должно быть, очень неудобно, – сказал сын, на что последовал новый кивок головы. – Судя по его внешности, – продолжал Мордонт, – он принадлежит к лучшим слоям общества, и даже если бедняки хозяева приложат все усилия, чтобы обставить его как можно удобнее, в его теперешнем состоянии...

– Я знаю, что ты хочешь сказать, – перебил его отец, – ты считаешь, что мы должны в какой-то мере помочь ему. Ну что ж, ступай к нему. Если у него нет денег, пусть назовет нужную сумму, и он получит ее, но поместить его у нас, войти с ним в какие-то сношения – нет, этого я и не могу, и не хочу! Я удалился на самые дальние из Британских островов затем, чтобы избежать новых друзей и новых лиц, и не допущу, чтобы кто-либо из них врывался ко мне со своим счастьем или со своим горем. Когда ты проживешь еще с десяток лет и лучше узнаешь мир, то прежние друзья оставят по себе такую память, что отобьют у тебя охоту заводить новых во все остающиеся дни твоей жизни. Ступай же, что ты стоишь? А он пусть уезжает из этих мест! Я не хочу видеть никого, кроме здешних простолюдинов: размеры и характер их мелких плутней мне хорошо известны, и с ними я могу примириться, как со злом, слишком ничтожным, чтобы вызывать возмущение. – С этими словами он бросил сыну кошелек и подал ему знак удалиться как можно скорее.

Мордонту не понадобилось много времени, чтобы дойти до селения. В мрачном жилище Нийла Роналдсона он застал незнакомца сидящим около тлеющего в очаге торфа на том самом сундуке, который пробудил столь алчные чувства в душе благочестивого коробейника Брайса

---

⁹⁷ Это буквально соответствует действительности. (Примеч. авт.)

Снейлсфута. Самого ранслара не было дома: он распределял со всей должной беспристрастностью выброшенные на берег вещи между жителями своей общины, разбирая жалобы, восстанавливая справедливость и выказывая себя при этом (хотя все дело с начала и до конца было сплошным беззаконием) мудрым и осторожным, входящим во все подробности судьей. Ибо в те времена, а быть может, и значительно позже, простолюдины Шетлендских островов придерживались того же мнения, что и варвары (при подобных же обстоятельствах), а именно, что все выброшенное к ним на берег становится их бесспорной собственностью.

Марджери Бимбистер, достойная супруга ранслара, была дома и представила Мордонта своему гостю следующим не слишком церемонным образом:

– Вот сын нашего тэксмена; может, вы хоть ему скажете свое имя, раз уж никак не хотите сказать его нам. Не будь он таким расторопным, вряд ли вам пришлось бы еще с кем-нибудь разговаривать на этом свете.

Незнакомец поднялся и пожал Мордонту руку со словами, что, видимо, ему он обязан спасением своей жизни и своего сундука.

– Остальное имущество, – прибавил он, – все равно что погибло в море, ибо здешние жители набросились на него, как черти на свою добычу.

– Не многого, значит, стоит ваше морское искусство, – вмешалась Марджери, – почему это вы не обошли сторонкой наш Самборо-Хэд? Не вышел же он сам собой вам навстречу...

– Оставь нас на одну минуту, любезная хозяйюшка, – сказал Мордонт, – мне нужно с глазу на глаз поговорить с джентльменом.

– Хорош, нечего сказать, джентльмен, – воскликнула, напирая на последнее слово, Марджери. – Правда, вид у него довольно приятный, ничего не скажешь, – добавила она, еще раз оглядев незнакомца, – а все ж таки сомнительно мне, что он настоящий джентльмен.

Мордонт тоже взглянул на него, но пришел к совершенно обратному выводу: то был стройный мужчина крепкого сложения и скорее высокого роста. Мордонт, правда, был мало знаком со светом, но ему показалось, что энергичное, загорелое, красивое лицо его нового знакомого говорило, что он побывал под различными широтами, а простое и открытое обращение обличало в нем моряка. На вопросы Мордонта о его самочувствии он отвечал весьма бодро и заявил, что стоит ему хорошо отдохнуть одну ночь – и последние следы пережитой катастрофы исчезнут; вместе с тем он с досадой говорил о жадности и любопытстве своих хозяев.

– Болтливая старуха, – сказал он, – целый день приставала ко мне, желая узнать название погибшего судна, как будто ей еще мало было той доли поживы, что она получила! Я был его главным владельцем, а они не оставили мне ничего, кроме носильных вещей. Но должно же быть в этой варварской стране какое-то должностное лицо, хотя бы мировой судья, способный вырчить человека, попавшего в руки грабителей?

Мордонт назвал Магнуса Тройла, самого крупного землевладельца и в то же время фюда, или местного окружного судью, как лицо, которое, очевидно, сумеет защитить права пострадавшего; юноша прибавил, что, к сожалению, сам он еще так молод, а отец его – всего лишь уединившийся на этих островах чужестранец, и поэтому они лишены возможности оказать незнакомцу покровительство, в котором он нуждается.

– Ну, что касается вас, так вы сделали для меня достаточно, – сказал моряк. – Эх, будь у меня под рукой хоть пять молодцов из тех сорока, что отправились кормить рыб, стал бы я, черт возьми, просить правосудия, да я просто совершил бы его сам!

– Сорок человек! – воскликнул Мордонт. – Много же у вас было народу для такого небольшого судна!

– Да и этого не хватало! У нас было десять бортовых орудий, не считая легких носовых пушек. Но во время плаванья в морях Новой Испании мы лишились многих людей и вместе с тем загрузились товарами. Шесть пушек пришлось снять и использовать как балласт. Эх, была бы у меня достаточная команда, никогда не погибли бы мы так дьявольски глупо! Молодцы

мои выбились из сил, работая помпами, и решили спустить шлюпки, оставив меня на судне выкручиваться, как я сам сумею. Но теперь мерзавцы получили по заслугам, и я могу милостиво простить их: шлюпки затопило, люди погибли, а я – здесь.

– Значит, вы прибыли на север из Вест-Индии? – спросил Мордонт.

– Да, да, судно называлось «Добрая надежда», это был капер из Бристоля. И везло же ему в морях Новой Испании: и в торговых делах, и в захвате вражеских судов! Да, кончилось теперь его счастье! Мое имя – Клемент Кливленд, капитан и один из владельцев судна, как вы уже знаете. Родом я из Бристоля: моего отца, старого Клема Кливленда из Колледж-Грина, все там хорошо знали в ратуше.

У Мордонта не было никаких прав более подробно о чем-либо расспрашивать чужеземца, и все же ему казалось, что любопытство его удовлетворено лишь наполовину. В тоне Кливленда слышалась какая-то нарочитая, вызывающая грубость или резкость, для которых не было, собственно говоря, достаточных оснований. Правда, он пострадал по вине островитян, но со стороны Мордонта видел одно лишь участие и желание помочь, а получалось так, словно он обвинял всех окружающих в нанесенном ему ущербе. Мордонт опустил глаза и молчал, не зная, уйти ли ему или предлагать и дальше свои услуги. Кливленд, однако, словно угадал его мысли, ибо тут же прибавил более дружелюбным тоном:

– Я человек прямой, мейстер Мертон, – так, кажется, ваше имя, – и я разорен; окончательно разорен, а от этого обходительней не становишься. Но вы приняли во мне горячее дружеское участие, и, может быть, в душе я даже благодарен вам больше, чем могу высказать это словами, и потому, прежде чем покинуть здешние места, мне хотелось бы подарить вам мое охотничье ружье. Из него вы за восемьдесят шагов всадите сотню дроби в широкополую голландскую шляпу; оно метко бьет, и пульей за полторы сотни ярдов я убил из него дикого буйвола. У меня есть еще два ружья, столь же хороших, если не лучше по качеству, так что, прошу вас, возьмите это себе на память.

– Но тогда, значит, я тоже приму участие в разделе выброшенного на берег, – со смехом заявил Мордонт.

– Ничего подобного, – возразил Кливленд, открывая ящик, в котором оказалось несколько ружей и пистолетов, – как видите, мне удалось спасти не только гардероб, но и мое личное оружие – все по милости той высокой старухи в темном плаще, – и, между нами говоря, это стоит всего, что я потерял, – прибавил он, понизив голос и оглядываясь. – В присутствии здешних сухопутных акул я говорю, что разорен, но это отнюдь не значит, что у меня так-таки ничего и не осталось. Нет, нет, здесь у меня имеется нечто получше дроби для охоты за морской дичью.

С этими словами он вытащил огромную сумку с надписью: «Крупная дробь» – и показал Мордонту, что она полна испанских пистолей и портагезов, как тогда называли большие португальские золотые монеты.

– Как видите, – прибавил он, – у меня достаточно балласта, чтобы снова придать кораблю надлежащую остойчивость; так как же, согласны вы теперь взять ружье?

– Ну, раз вам уж так хочется подарить его мне, – сказал со смехом Мордонт, – то возьму с удовольствием. Я только что собирался спросить у вас по поручению моего отца, – прибавил он, доставая кошелек, – не нуждается ли вы в такого же рода балласте?

– Благодарю, но вы видите, что в этом отношении я достаточно обеспечен. Возьмите это ружье, оно долго и верно служило мне, и надеюсь, что так же послужит и вам, хотя, пожалуй, в ваших руках оно не свершит уже столь славного путешествия. Вы, конечно, умеете стрелять?

– Да, довольно прилично, – ответил Мордонт, любуясь прекрасным, с золотой насечкой, испанским ружьем малого калибра, с необычайно длинным стволом, как все ружья, предназначенные для охоты за морской дичью или для стрелковых состязаний.

– Вы не найдете ружья, – продолжал его бывший хозяин, – которое так точно било бы дробью, а пулей вы за двести ярдов убьете тюленя с самого высокого утеса вашего неприступного берега. И все же, повторяю, эта старая хлопушка никогда не сослужит вам той службы, какую сослужила мне.

– Я, может быть, не так хорошо стреляю, – сказал Мордонт.

– Гм, может быть, и так, – возразил Кливленд, – но дело не в этом. А вот как вам понравится такая штука: подстрелить из него рулевого, как было однажды, когда мы брали на abordaj испанское судно? Доны потеряли голову, мы навалились на них с крамбола, бросились с тесаками в руках на палубу и захватили корабль! О, игра стоила свеч! Это был «El Santo Francisco»⁹⁸ – прекрасно оснащенная бригаantina, спешившая в Порто-Белло и нагруженная золотом и неграми. Мой кусочек свинца принес нам, как видите, двести тысяч пистолей.

– Пока что я такой дичи не стрелял, – произнес Мордонт.

– Ну, всему свое время: не поднимешь якоря, пока вода не позволит. Но ведь вы – ловкий, красивый энергичный молодой человек, почему бы вам не предпринять небольшую прогулку в погоне за такими вот безделушками? – спросил он, положив руку на мешок с золотом.

– Отец собирается вскоре отправить меня путешествовать, – ответил Мордонт; он привык с величайшим уважением относиться к представителям королевского флота и чувствовал себя чрезвычайно польщенным, услышав подобное предложение из уст человека, который представлялся ему самым заправским моряком.

– Ну, за такие намерения я его уважаю, – сказал капитан, – и обязательно навещу его, прежде чем снимусь с якоря. Дело в том, что судно мое шло в сопровождении консорта, который, будь он проклят, носится теперь где-то около этих островов. Товарищи, конечно, разыщут меня, хотя мы расстались во время налетевшего шквала, если только они тоже не отправились к Дэви Джонсу. Впрочем, их судно было лучше оснащено и не так сильно загружено, как мое: оно должно было выдержать вчерашний шторм. Так вот, мы и повесим на нем вашу койку и за одно плавание сделаем из вас и моряка и мужчину.

– О, я бы очень этого хотел, – ответил Мордонт, который страстно желал ознакомиться с окружающим миром побольше, чем позволяли ему пустынные острова, где он жил до тех пор. – Но это должен решить отец.

– Ваш отец? Какие пустяки! – воскликнул капитан Кливленд. – Хотя, впрочем, вы совершенно правы, – поправился он, – я так давно живу на море и просто не могу себе представить, чтобы кто-то, кроме капитана или судовладельца, мог решать что-либо. Но вы совершенно правы. Я сейчас же пойду к старому джентльмену и поговорю с ним. Он живет, не правда ли, в том прелестном, новеньком здании, что виднеется там, на расстоянии четверти мили?

– Он действительно живет в той старой развалине, – сказал Мордонт, – но никаких посетителей не терпит.

– Ну, тогда вы должны похлопотать о себе сами, ибо я не могу долго задерживаться в этих широтах. Поскольку ваш отец не занимает никакой должности, я вынужден буду обратиться к этому – как вы его назвали? – Магнусу Тройлу который хоть и не мировой судья, но что-то в этом роде и сумеет, должно быть, уладить мое дело. Здешные жители завладели двумя-тремя вещами, которые я должен получить обратно, и получу наверняка. А остальное пусть уж возьмут себе, будь они прокляты! Не дадите ли вы мне рекомендательного письма к этому Магнусу?

– Вряд ли в этом есть необходимость, – ответил Мордонт. – Достаточно того, что вы – потерпевший кораблекрушение и нуждаетесь в его помощи; но я могу, конечно, написать ему.

---

⁹⁸ «Святой Франциск» (исп.).

– Тогда, – сказал капитан, доставая из сундука письменный прибор, – вот вам все, что для этого требуется. А я тем временем, поскольку люки были раздраны, должен забить их и позаботиться о сохранности груза.

Пока Мордонт писал Магнусу Тройлу излагая обстоятельства, при которых капитан Кливленд оказался выброшенным на их берег, последний, предварительно отобрав и отложив в сторону кое-какое платье и необходимые предметы обихода, какие могли поместиться в дорожной сумке, взял молоток и гвозди и не хуже заправского плотника заколотил крышку; затем, для большей надежности, присовокупил еще веревку, которой перевязал сундук, и закончил свою работу мастерски сделанным морским узлом.

– Я оставляю все у вас на хранение, за исключением вот этого и вот этих, – сказал он, – указывая на сумку с золотом, тесак и пистолеты, – они предохранят меня в будущем от возможной разлуки с моими портагезами.

– В этой стране вам не представится случая пустить в ход оружие, – сказал Мордонт – Здесь ребенок может пройти с полным кошельком золота от Самборо-Хэда до самого Ско-оф-Унста⁹⁹, и никто его не тронет.

– Не слишком ли это смело сказано, мой юный друг, учитывая то, что происходит сейчас в поселке?

– О, – возразил несколько сконфуженный Мордонт, – то, что выброшено на сушу морем, жители считают своей законной собственностью. Можно подумать, что они – последователи сэра Артегала¹⁰⁰, который говорит:

Имеет каждый право на трофей,
И то, чем море раз уж овладело,
Разбив суда и потопив людей
Иль иначе свершив лихое дело, –
Оно как дар на гребнях бурных вод
Тому, кому захочет, принесет.

– Ну, за эти слова я теперь еще больше буду почитать театральные пьесы и баллады, хотя, должен сознаться, в свое время я их очень любил. Да, это хорошее правило, и многие моряки его придерживаются. То, что море посылает нам, то наше, это бесспорно. Однако на тот случай, если ваш добрый народ решит, что суша, подобно морю, тоже может подарить ему вещи, якобы лишившиеся хозяина, я уж осмелюсь взять с собой в дорогу тесак и пистолеты. Вас же прошу присмотреть за тем, чтобы сундук мой был перенесен к вам в дом, а также, поскольку вы пользуетесь некоторым влиянием среди местного населения, найти проводника, который указал бы мне дорогу и снес мою сумку.

– А как вы хотите отправиться, морем или сушей? – спросил его вместо ответа Мордонт.

– Морем? – воскликнул Кливленд. – Как, в одной из этих ореховых скорлупок, да вдобавок еще и расколотой? Нет, сушей, сушей – во всяком случае, пока я не ознакомлюсь основательно с предлагаемым мне экипажем, судном и маршрутом.

На этом они расстались. Капитан Кливленд получил проводника, который взялся провести его в Боро-Уестру, а сундук под присмотром Мордонта был перенесен в замок Ярлсхоф.

---

⁹⁹ Ско-оф-Унст – крайний северный мыс Шетлендских островов.

¹⁰⁰ Сэр Артегал – персонаж из поэмы Спенсера «Королева фей», предок королевской династии Тюдоров. Приведенные в тексте слова сэра Артегала взяты из книги IV (песня 6).

Глава IX

*Он – вежливый купец и осторожный,
И, как Автолик, он не отпускает
Бесчисленных острот и шуток плоских,
Но приправляет свой товар мишиурный
Советами полезными, как гуся
Шалфеем с розмарином приправляют.*

Старинная пьеса

На следующее утро Мордонт в ответ на расспросы отца начал рассказывать о потерпевшем, которого вытащил из воды, но не успел он повторить двух или трех подробностей, сообщенных ему Кливлендом, как мистером Мертоном овладело явное беспокойство. Он вскочил с места, начал ходить взад и вперед по комнате, а затем удалился в свою спальню, где затворился обычно во время приступов свойственного ему душевного недуга. Правда, вечером он вышел без каких-либо признаков болезненного состояния, но само собой разумеется, что сын опасался даже намекать на предмет, столь взволновавший его отца.

Мордону предоставлялось, таким образом, самому, не торопясь и без чьей-либо помощи составить себе мнение о новом знакомце, посланном ему морем. В конце концов он, к немалому своему удивлению, пришел к тому выводу, что, в общем, впечатление, произведенное на него чужестранцем, было менее благоприятным, чем можно было ожидать. Юноше начало даже казаться, что в этом человеке таится что-то отталкивающее. Правда, он был красив, держался просто и обладал располагающими к себе манерами, но вместе с тем в нем чувствовались высокомерие и сознание собственного превосходства, что не очень нравилось Мордону. Как страстный охотник, юноша был в восторге от испанского ружья, разбирал и снова собирал его с неослабевающим интересом, тщательно разглядывая самые мелкие детали замка и украшений, но вместе с тем он испытывал некоторое смущение, вспоминая, как оно ему досталось.

«Мне не следовало принимать подобный подарок, – думал он. – Быть может, капитан Кливленд дал мне его в виде платы за ту ничтожную услугу, которую я оказал ему. А с другой стороны, было бы неучтиво отказаться от столь любезно предложенного подарка. И все же Кливленд не тот человек, которому приятно быть чем-либо обязанным».

Однако первый же день необыкновенно удачной охоты уничтожил последние сомнения Мордонта, и он, подобно многим молодым стрелкам, пришел к выводу, что все прочие ружья – детские хлопушки по сравнению с его собственным. Зато каким скучным и презренным казался ему теперь удел стрелять чаек и тюленей, когда на свете существует такая дичь, как французы и испанцы, когда можно брать на бордаж суда и одним выстрелом убирать рулевого. Отец его, правда, уже упоминал о том, что юноше предстояло покинуть Шетлендские острова, но его неопытное воображение не могло представить ему никаких иных возможностей, кроме связанных с морем, хорошо знакомым ему с самого детства. В прежние дни его честолюбивые помыслы не шли дальше участия в какой-либо трудной и опасной рыболовной экспедиции в Гренландию, где шетлендских рыбаков ожидали самые суровые испытания. Но теперь снова разгорелась война, и подвиги сэра Фрэнсиса Дрейка, капитана Моргана и других смелых искателей приключений, о которых Мордонт прочел в книжке, купленной у Брайса Снейлсфута, произвели на ум юного Мертона неизгладимое впечатление. Часто вспоминал он предложение капитана Кливленда взять его с собой в плавание, хотя привлекательность подобной перспективы порой омрачалась сомнением – не найдет ли он в конце концов у своего будущего командира слишком много отрицательных черт? Он уже понимал, что Кливленд

чрезвычайно самоуверен, а при случае может оказаться и деспотом, и если в самой любезности его уже ощущалось сознание собственного превосходства, то в минуты гнева это неприятное свойство могло проявиться намного резче, чем пришлось бы по вкусу его подчиненным. И все же, несмотря на всю рискованность подобного предприятия, согласись только его отец, с какой радостью, думал Мордонт, пустился бы он в море, на поиски невиданных стран и опасных приключений. Он собирался совершить множество геройских подвигов и мысленно уже представлял себе, как вновь и вновь будет рассказывать о них двум прелестным сестрам из Боро-Уестры и как Минна, внимая ему, будет плакать, Бренда – улыбаться, а обе – восхищаться его мужеством, и это послужит ему лучшей наградой за совершенные доблестные деяния и испытанные опасности, ибо домашний очаг Магнуса Тройла словно магнит привлекал к себе все его мысли, и, где бы они ни витали в течение дня, в конце концов они неизменно находили себе приют под его кровом.

Часто Мордонт порывался сообщить отцу о своем разговоре с Кливлендом и о предложении последнего, но, когда он в самых кратких и общих словах стал рассказывать историю неизвестного моряка (на следующее же утро после того, как последний покинул деревню), это так дурно повлияло на душевное состояние мистера Мертона, что в дальнейшем Мордонт избегал даже намека на происшедшее. «Я всегда успею, – думал он, – сказать ему о том, что мне предложил капитан Кливленд, когда прибудет его консорт и он повторит свое предложение на этот раз уже официально», – что, как полагал Мордонт, должно было совершиться в ближайшем будущем.

Но дни превращались в недели, недели – в месяцы, а о Кливленде не было ни слуху ни духу. Мордонту удалось только узнать во время одного из заходов к ним Брайса Снейлсфута, что капитан находится в Боро-Уестре, где проживает на правах члена семьи. Юноша несколько удивился этому, хотя безграничное гостеприимство шотландцев, которое Магнус Тройл благодаря своему богатству и природной склонности проявил особенно широко, делало совершенно естественным пребывание незнакомца у него в доме до тех пор, пока тот находит это для себя удобным. Правда, могло показаться странным, что Кливленд не отправился разыскивать свой консорт на северные острова или не поселился в Леруике, куда рыболовные суда часто привозят вести с берегов и из портов Шотландии и Голландии. Почему также не прислал он за своим сундуком, оставленным в Ярлсхофе? И в конце концов Мордонт находил, что было бы простой вежливостью со стороны чужеземца подать какую-либо весть о себе – хотя бы в знак того, что он помнит своего юного спасителя.

Ко всем этим мыслям присоединялась другая, еще более неприятная и еще труднее объяснимая. До появления Кливленда не проходило и недели без того, чтобы Мордонт не получал из Боро-Уестры дружеского приветствия или какого-либо знака внимания, и не было недостатка в предложениях для такого постоянного общения: то Минне требовались слова какой-нибудь древней норвежской баллады, то ей нужны были для пополнения одной из многочисленных коллекций птичьего перья, или яйца, или раковины, или образцы каких-либо редких водорослей. То Бренда посылала загадку с предложением разгадать ее или песню с требованием ее выучить. А то добрый старый юдаллер в коряво начертанной записке, которая смело могла бы сойти за древнюю руническую надпись, передавал сердечный привет своему милому юному другу, с прибавлением какого-нибудь лакомства и с убедительной просьбой явиться в Боро-Уестру как можно скорей и побыть там как можно дольше. Эти любезные знаки внимания часто доставлялись особым гонцом, а кроме того, не было никого, совершавшего путь из Боро-Уестры в Ярлсхоф сушей или морем, кто бы не принес Мордонту дружеского приветствия от юдаллера и его домашних. Однако в последнее время подобные случаи начали становиться все более и более редкими, и вот уже несколько недель, как в Ярлсхофе не было получено из Боро-Уестры ни единой весточки. Мордонт прекрасно видел и чувствовал происходящую перемену, и она его чрезвычайно угнетала. Желая узнать, если это возможно, причину подобного отчуждения,

он начал, насколько позволяли ему гордость и осторожность, расспрашивать Брайса, какие тот принес новости, стараясь в то же время сохранить вид полнейшего равнодушия.

– Как же, как же, большие новости, – ответил коробейник, – да еще как много новостей! Эта твердолобая деревенщина, новый наш управляющий, хочет изменить все наши бисмары и лиспанды¹⁰¹, а достойный наш фоуд Магнус Троил поклялся, что скорей спустит Триптолемуса Йеллоули с вершины Брассы-Крэга, чем сменит их на какие-то там безмены или еще на что другое.

– И это все? – осведомился Мордонт весьма безучастным тоном.

– Все? Неужто вам еще мало? – спросил коробейник. – А по мне, так более чем достаточно. Да вы подумайте только: как же людям тогда покупать и продавать, когда для каждой вещи будет новая мера?

– Да, это правда, – согласился Мордонт, – но скажите-ка, не появились ли у наших берегов какие-нибудь чужеземные суда?

– Как же, как же, целых шесть голландских рыболовных посудин из Брассы, да еще, довелось мне слышать, галиот с высокой кормой и гафельным гротом зашел в бухту Скеллоуэй; надо думать, что из Норвегии.

– А военных судов или шлюпок не было видно?

– Нет, ни единого, – ответил коробейник, – ведь «Коршун», посыльное судно, уже ушел вместе со всеми рекрутами, что насильно забрали во флот. Эх, когда б на то воля Господня, да не будь на нем наших ребят, потонуть бы ему на самом глубоком месте!

– А что нового в Боро-Уэстре? Все ли там здоровы?

– Да, и здоровы и благополучны, на мой взгляд – так даже слишком. Больно уж много веселятся они, да хохочут, да что ни вечер танцуют, и в народе стали уже поговаривать, что все с этим, с чужим капитаном, что живет у них в доме; его еще выбросило на берег у Самборо-Хэда. Ну, тогда-то ему было не до смеха.

– Веселятся, танцуют каждый вечер, – повторил Мордонт, не очень-то обрадованный подобными вестями. – А с кем же танцует капитан Кливленд?

– Да с которой захочет, с той и танцует, – ответил коробейник. – Верьте не верьте, а только он всех заставил плясать под свою дудку. Ну, мое дело сторона, я и смотреть-то не хочу на все их штучки да шуточки. А только всем надо помнить, что жизнь наша соткана из гнилой пряжи.

– А ты, чтобы люди не забывали столь душеспасительной истины, и продаешь им столь непрочные товары? – спросил Мордонт, возмущенный как тоном ответа, так и явным лицемерием отвечавшего.

– Это вы для того, значит, чтобы я не забывал, что вы и сами, мейстер Мордонт, тоже любите поплясать да повеселиться. Но только я уже человек пожилой и не могу говорить против своей совести. А что до вас, так вы, уж верно, будете на балу в Боро-Уэстре в канун Иванова дня – бедные ослепленные грешники прозывают его святым Иоанном, и вам потребуются всякие там суетные наряды: штаны в обтяжку, камзолы и все прочее. А у меня есть как раз кое-что такое из Фландрии... – С этими словами торговец поставил свою переносную лавку на стол и принялся распаковывать ее.

– Бал, – повторил Мордонт, – бал накануне Иванова дня! Что, тебя просили передать мне приглашение, Брайс?

– По совести говоря – нет, да ведь вы и без того знаете, что вам будут рады, хоть с приглашением, хоть без приглашения.

Капитан этот, как бишь его, он назначен у них самым главным из всей компании, по вашему говоря – скадлером.

– Ах, черт бы его побрал! – воскликнул, не сдержавшись, пораженный Мордонт.

---

¹⁰¹ Меры веса норвежского происхождения, до сих пор еще распространенные на Шетлендских островах. (Примеч. авт.)

– Все в свое время, молодой человек, все в свое время, – ответил коробейник, – не торопись погонять чужое стадо! Дьявол – он свое возьмет, это уж будьте покойны, он-то найдет, кого ему надобно. И нечего смотреть на меня словно дикая кошка, все мои слова – чистая правда. Чужеземец-то этот, как бишь его, купил у меня такой же камзол, как я вам сейчас покажу, малиновый с золотой каймой и богатой вышивкой. А для вас у меня припасен точно такой же, только все по зеленому полю. И коли вы хотите быть не хуже капитана, так беспрерывно должны купить этот камзол: в наши дни девушки все больше на золото засматриваются! Вот, взгляните-ка, – прибавил он, поворачивая свой товар во все стороны, – сперва вот так, на свет, а потом, чтобы свет на него падал, а теперь по ворсу, а там против ворса – и все-то он выходит первый сорт. Вещица эта из Антверпена, и цена ей четыре доллара. Капитан ваш так обрадовался, что бросил мне золотую монету короля Иакова в двадцать шиллингов, да еще сказал, чтобы я оставил себе сдачу и убирался к... Ах он, бедный нечестивец, верьте не верьте, а жаль мне его!

Не задумываясь, относится ли сожаление коробейника к беспечности капитана Кливленда в мирских делах или к его религиозным заблуждениям, Мордонт отвернулся, скрестил руки и принялся ходить по комнате, бормоча:

– Не приглашен... Чужой человек будет первым на празднике! – Он с такой горячностью повторял эти слова, что Брайс частично уловил их значение.

– Ну, что до приглашения, мейстер Мордонт, не осмелюсь точно сказать, но сдастся мне, что вас еще пригласят.

– Значит, мое имя упоминали? – спросил юноша.

– Вот уж не могу поручиться, чтобы да, – ответил Брайс Снейлсфут, – но только напрасно это вы так кисло смотрите и голову отворачиваете, словно тюлень, что уходит с берега в воду. Я ведь своими ушами слышал, что там будет вся молодежь из наших мест, и мыслимое ли дело, чтобы они обошли вас, давнишнего своего приятеля да к тому же лучшего танцора и забавника (дай бог, чтобы в свое время вас можно было бы похвалить за что-то более путное!). Да такого плясуна, как вы, запиликай только скрипка, не сыскать отсюда и до самого Унста. По моему разумению, вы все равно что приглашены, и как хотите, а только нужен вам для этой okazji новый камзол: ведь там все будут разряжены в пух и прах – Господь помилуй несчастных грешников!

Говоря это, Брайс следил своими тусклыми зелеными глазками за каждым движением молодого Мертонса, который ходил взад и вперед по комнате, погруженный в глубокую задумчивость; видимо, коробейник понимал ее совершенно превратно, ибо думал, как Клавдио, что если кто-либо печален, то, конечно, оттого, что у него нет денег. Поэтому Брайс, после недолгого молчания, обратился к юноше со следующими словами:

– Ну, да вы об этом не печальтесь, мейстер Мордонт; сказать по правде, с капитана, как бишь его, я взял настоящую цену, ну, с вами мы поладим по-приятельски: вы ведь старый мой друг и покупатель, я и возьму с вас, как говорится, по карману, а могу и подождать, хотите – так до Мартынова дня, а то и до самого Сретения. Я ведь человек деликатный, мейстер Мордонт, упаси боже, чтобы я стал кого торопить с уплатой, да еще приятеля, что не раз расплачивался со мной чистоганом. А коли угодно, можете рассчитаться со мной птичьими перьями, или шкурками морской выдры, или еще какими мехами – никто лучше вас не умеет раздобыть подобный товарец; для того я и снабдил вас порохом первого сорта. И не припомню, говорил ли я, что он из ящика капитана Планкета с вооруженного брига «Мэри», что разбился у Скофф-Унст тому уже шесть лет. Сам Планкет тоже был охотник хоть куда, и счастье, что порох выбросило на берег неподмоченным. Я не продаю его никому, кроме самых метких стрелков. Вот, значит, коли есть у вас товарец такого рода, что годится в обмен на камзол, так по рукам. Вас беспрерывно будут ждать в Боро-Уестре в канун Иванова дня, а выглядеть вам хуже, чем этот, как бишь его, капитан, просто зазорно.

– Да, ждут меня или нет, а я там буду, – сказал Мордонт, резко остановился и выхватил из рук коробейника камзол, – и, как вы верно сказали, стыдиться меня им не придется.

– Полегче, полегче, мейстер Мордонт! – закричал коробейник. – Вы хватаете камзол, словно это тук грубого уодмэла, да вы разорвете его на клочки – ведь мой товар нежный! А цена ему, значит, четыре доллара. Прикажете записать их за вами?

– Нет, – быстро ответил Мордонт и, вынув кошелек, бросил деньги коробейнику.

– Ну, теперь носить вам этот камзол да радоваться, – произнес довольный Брайс, – а мне расторговаться на ваши денежки, и спаси нас небо от земной суеты и земного стяжательства и пошли вам светлые льняные ризы праведников – о них же подобает заботиться более, нежели о всяких мирских кисеях, батистах, шелках и бархатах; а мне пошли, Господи, таланты, что дороже испанских золотых и голландских долларов, и... Но что это стряслось с пареньком, с чего он комкает драгоценный атлас, словно клок сена?

В эту минуту вошла старая домоправительница Суерта, и Мордонт с беззаботной небрежностью бросил ей свою покупку, словно желая поскорее избавиться от нее, и велел спрятать. Затем он схватил ружье, стоявшее в углу, забрал свои охотничьи принадлежности и, не замечая попытки Брайса завести с ним разговор о «чудесной тюленьей шкурке, мягкой, прямо как замша», из которой были сделаны ремень и чехол его ружья, поспешно выбежал вон.

Некоторое время коробейник своими зелеными, хитрыми, всюду ищущими, где бы пожиться, гляделками, о которых нам уже приходилось упоминать выше, смотрел вслед покупателю, столь непочтительно обошедшемуся с его товаром.

Суерта тоже посмотрела вслед Мордонту с некоторым изумлением.

– Паренек-то, пожалуй, немного не в себе, – заявила она.

– Какое там не в себе! – повторил коробейник. – Он скоро свихнется еще почище, чем его отец. Обращаться этак с вещью, что стоила ему целых четыре доллара! Вот уж точно, дурит словно файфец, как говорят рыбаки с восточных островов.

– Четыре доллара за эту зеленую тряпку! – воскликнула Суерта, услышав цифру, неосторожно слетевшую с губ Брайса. – Вот это сделка так сделка! И не знаю, право, он ли такой дурак или ты уж больно ловкий пройдоха, Брайс Снейлсфут!

– Да я ведь не говорил, что камзол стоил ему точно четыре доллара, – заявил коробейник, – а когда бы даже и стоил, так что же, разве деньги у парня не его собственные и не волен он ими распоряжаться, как вздумает? Он ведь уже немаленький! А между прочим, камзол и вправду стоит этих денег, и даже еще больше.

– Между прочим, – холодно повторила Суерта, – посмотрим, что скажет на это его отец.

– Ну, неужто ты будешь такой вредной, миссис Суерта? – сказал разносчик. – Плохо ты, видно, хочешь отблагодарить меня за чудесный платок, что я привез тебе из самого Леруика.

– Да и цену ты тоже заломил за него чудесную, – ответила Суерта, – будто я не знаю, чем кончаются все твои добрые дела.

– Ну, хочешь, сама назови свою цену. А то пусть лежит, пока тебе не придет нужда покупать что для хозяйства или для хозяина, а тогда мы все в один счет и запишем.

– А ведь и верно, твоя правда, Брайс Снейлсфут. Как подумаю, так скоро нам как раз понадобится столовое белье – где уж нам самим прясть-то и все такое прочее; иное дело, будь у нас хозяйка, а то мы ведь ничего не делаем дома.

– Вот это я называю жить по Писанию, – сказал разносчик. – «Ступайте на торжище к продающим и покупающим». Ох и полезное же это изречение!

– Прямо одно удовольствие иметь дело с таким разумником: из всего-то он состряпает выгодное дельце, – сказала Суерта. – Да, теперь, когда я получше рассмотрела покупку нашего дурачка, так и впрямь вижу, что цена этому камзолу четыре доллара.

Глава X

По воле своей управлял я погодой и временами года. Солнце подчинялось мне и переходило от тропика к тропику, послушное моим велениям, и тучи по моему приказанию проливались дождем¹⁰².

«Расселас»

Всякая внезапная неприятность, вселяющая в нас ощущение тревоги или обиды, приводит людей преклонного возраста к мрачному и унылому бездействию, юношей же, наоборот, побуждает к страстным и энергичным поступкам; так настигнутый стрелой олень стремится заглушить боль от раны быстротой своего бега. Когда Мордонт схватил ружье и бросился вон из дома, он неудержимо понесся вперед через пустоши и болота с единственной целью спасти, если возможно, от жгучего чувства обиды. Гордость его была глубоко уязвлена словами корабейника, которые в точности подтверждали сомнения, возникшие у него в связи с долгим и совершенно непривычным молчанием его друзей из Боро-Уестры.

Если бы судьба обрекла великого Цезаря, как говорит поэт,

Быть первым борцом на зеленом лугу, –

то, очевидно, победа более удачливого соперника в этом простонародном состязании была бы для него столь же тяжелой, как поражение в борьбе за владычество над миром. Так и Мордонт Мертон, видя себя упавшим с той высоты, которую он занимал как первый кавалер среди молодежи острова, чувствовал себя оскорбленным, возмущенным и в то же время униженным. Красавицы сестры, чьих улыбок все домогались, сестры, к которым он питал такую горячую родственную привязанность, что к ней невольно примешивалась чистая и невинная, хотя и неясная, нежность, более глубокая, чем нежность брата, – эти сестры, казалось, отвернулись от него. Для него не было тайной, что, по единодушному мнению всего Данроснесса и даже всего Мейнленда, он мог стать избранником любой из них; а теперь неожиданно и без малейшей его вины он стал значить для них так мало, что утратил даже право считаться их обычным знакомым. Старый юдаллер, от которого, по самому складу его доброго и открытого нрава, можно было бы ожидать большего постоянства, оказался, однако, столь же изменчивым, как и его дочери, и бедный Мордонт лишился одновременно и улыбок обеих красавиц, и благосклонности влиятельного лица. Мысли эти терзали его, и он ускорял шаги, чтобы убежать от них, если только это было возможно.

Не задумываясь о том, куда именно он направляется, Мордонт быстро шел по местности, в которой ни живые изгороди, ни стены, ни заборы не встают на пути пешехода, и в конце концов достиг уединенного места, где среди крутых, поросших вереском холмов, резко обрывающихся у самого края воды, лежит маленькое пресноводное озерцо, каких множество в Шетлендии. Стоки их образуют ручьи и речушки, снабжающие страну водой и приводящие в движение небольшие мельницы, которые мелют зерно для местных жителей.

Был нежаркий летний день. Солнечные лучи, как это часто бывает в Шетлендии, рассеивались и умерялись пронизывавшей воздух серебристой дымкой; она ослабляла резкие противоположности света и теней, придавая даже яркому полдню скромное очарование вечерних сумерек. Маленькое озеро, не более трех четвертей мили в окружности, было совершенно неподвижно. Порой только, когда одна из бесчисленных водяных птиц, скользящих по его

---

¹⁰² В эпиграфе цитата из 41-й главы повести английского писателя, критика и моралиста Сэмюэла Джонсона (1709–1784) «Расселас, принц абиссинский» (1759).

поверхности, на мгновение ныряла в воду, на нем расходились широкие круги ряби. Глубина придавала воде тот лазурный, голубовато-зеленый оттенок, из-за которого озеро и получило название Грин-Лох. Сейчас оно лежало как зеркало среди окружавших его мрачных холмов, с такой четкостью отражавшихся в его недрах, что едва можно было различить, где кончается вода и начинается берег. Более того – из-за легкой дымки, смягчавшей все очертания, случайный путник даже не понял бы, что перед ним водное пространство. Трудно было представить себе более пустынный пейзаж, все подробности которого выступали с особой четкостью из-за полнейшего безветрия, более спокойное, бесцветное, бледное небо и большую тишину. Даже многочисленные пернатые обитатели озера отказались от обычных своих взлетов и выкриков и бесшумно плавали по ничем не возмущенной глади.

Без какой-либо определенной цели, без всякого намерения, почти даже не думая о том, что он делает, Мордонт вскинул ружье и выстрелил в противоположный берег. Крупная дробь, словно град, покрыла рябью небольшой участок воды, холмы отозвались на звук выстрела, и эхо за эхом стало повторять его снова, и снова, и снова; водяные птицы взлетели и, словно подхваченные водоворотом, закружились беспорядочными кругами, отвечая на эхо тысячью голосов, от низких воплей морской, или серой, чайки до жалобных криков моськи, или трехпалой чайки.

Некоторое время Мордонт смотрел на это шумное сборище со злобным чувством, которое он сейчас готов был испытывать ко всему окружающему – как к живым существам, так и к неодушевленной природе, хотя бы совершенно непричастным к его мукам.

– Ну что же, – говорил он, – кружитесь, ныряйте, пищите и вопите сколько угодно только потому, что вы увидели незнакомый дотоле предмет и услышали необычный звук. Да, многие в подлунном мире похожи на вас. Но вы, по крайней мере, узнаете, – прибавил он, снова заряжая ружье, – что необычные предметы и необычные звуки, да и необычные знакомства в придачу, таят в себе часто немалую долю опасности. А впрочем, – прибавил он после некоторого раздумья, – зачем мне срывать досаду на этих безвредных чайках, не имеющих никакого отношения к забывшим меня друзьям? Я так их любил, а они так легко променяли меня на первого встречного, которого случай забросил к нам на берег!

Пока юноша стоял так, опершись на ружье и отдавшись течению печальных мыслей, он вдруг почувствовал, что кто-то тронул его за плечо. Мордонт глянул назад и увидел Норну из Фитфул-Хэда, закутанную в темный широкий плащ. Она заметила юношу с гребня холма и спустилась к озеру по небольшой ложбине, скрывавшей ее до тех пор, пока она не подошла к Мордонту так неслышно, что он обернулся лишь тогда, когда она коснулась его.

Мордонт Мертон по складу своего характера не был ни робок, ни легковерен, а более широкий, чем обычно, круг прочитанного до известной степени оградил его ум от влияния пустых и ложных суеверий. Было бы, однако, совершенным чудом, если бы, живя на Шетлендских островах в середине семнадцатого века, он обладал мировоззрением, возникшим в Шотландии лишь двумя поколениями позже. В глубине души он сомневался, насколько велико сверхъестественное могущество Норны, да и существует ли оно на самом деле, а это в стране, где все безоговорочно его признавали, являлось уже большим шагом вперед по пути сознательного неверия, хотя неверие это ограничивалось пока одними сомнениями. Норна действительно была необыкновенной женщиной: одаренная ни с чем не сравнимой, почти нечеловеческой энергией, она действовала всегда по своим собственным, ей одной известным побуждениям, совершенно, казалось, не зависящим от простых, житейских расчетов. Под влиянием подобных мыслей, усвоенных им с ранней юности, Мордонт не без некоторой тревоги увидел эту таинственную женщину, столь внезапно появившуюся рядом с ним. Она смотрела на него тем грустным и суровым взглядом, каким, согласно древним норвежским сагам,

роковые девы валькирии¹⁰³, избирающие тех, кто должен погибнуть в бою, смотрели на юных героев, которых они отметили для того, чтобы разделить с ними пиршество Одина.

В самом деле, встретиться с Норной наедине в отдаленной от человеческих взоров местности считалось по меньшей мере дурным предзнаменованием. Полагали, что в подобных случаях она является пророчицей бед и самая встреча с ней предвещает несчастье. Мало кто из жителей острова, привыкших видеть Норну в людных местах, не задрожал бы от страха, встретив ее на пустынном берегу Грин-Лоха.

– Никогда не причиняла я тебе зла, Мордонт Мертон, – сказала она, уловив, быть может, во взгляде юноши тень этого суеверного ужаса, – и никогда не причиню тебе его, не бойся!

– Я и не боюсь, – ответил Мордонт, стараясь отогнать смутное предчувствие беды, казавшееся ему недостойным мужчины. – Чего мне бояться, матушка? Вы всегда относились ко мне хорошо.

– А между тем, о Мордонт, ты не из наших краев, но ни единому из тех, в чьих жилах течет шетлендская кровь, ни единому из тех благородных отпрысков древних оркнейских ярлов, что сидят у очага Магнуса Троила, – ни единому из них, говорю я, не желаю я такого счастья, как тебе, славный и мужественный мальчик. Ты едва достиг пятнадцати лет, когда я надела тебе на шею эту волшебную цепь. Не руки смертных выковали ее – то знают все на островах. Нет, выкована она руками драу¹⁰⁴ в тайниках их глубоких пещер. И без страха ступила твоя нога на утесы Нортмавена, где прежде ступали одни перепончатые лапы морской чайки. И без страха повел ты свой челн в глубь Бриннастерской пещеры, где прежде одни лишь гренландские тюлени¹⁰⁵ дремали во мраке. И ты хорошо это знаешь: с того дня, как я дала тебе талисман, все на островах полюбили тебя как брата, полюбили тебя как сына, признали в тебе юношу, одаренного превыше всех прочих, охраняемого теми силами, чье могущество наступает в час, когда ночь встречается с днем.

– Увы, матушка! – промолвил Мордонт – Ваш любезный дар, возможно, и принес мне всеобщую благосклонность, но он не в силах был сохранить ее для меня, а быть может, я сам не сумел удержать ее. Но не все ли равно? Я научусь обходиться без других, как они обошлись без меня. Отец говорит, что скоро я покину эти острова, поэтому, милая матушка, возьмите обратно ваш волшебный подарок – пусть он принесет другому счастье более длительное, чем мне.

– Не презирай дара безымянного племени, – сказала, нахмутив брови, Норна, но затем, внезапно сменив недовольство на мрачную торжественность, прибавила: – Не презирай их, о Мордонт, но и не ищи их расположения. Опустись на этот серый камень. Ты – названный сын мой, ради тебя я отброшу, насколько это возможно, все, что возвышает меня над прочими смертными, и буду говорить с тобой, как мать говорит с ребенком.

Это сказано было грустным, дрожащим голосом и в сочетании с торжественностью ее речи и величием осанки должно было, очевидно, возбудить участие и привлечь особое внимание. Мордонт опустил на указанный ему камень – обломок скалы, который вместе со множеством других, разбросанных кругом, сорвался во время зимней бури с утеса и

¹⁰³ Валькирии – в скандинавской мифологии воинственные девы, дочери Одина, которые носятся над полем битвы, предвещая победу или смерть сражающимся воинам. Павших героев валькирии уносят в Валгаллу (чертог мертвых).

¹⁰⁴ Драу, или трау, происходящие от норвежских дуэргаров и несколько родственные гномам, обитают, как и последние, внутри зеленых холмов и в пещерах и проявляют особое могущество в полночь. Они замечательные искусники во всякого рода поделках из железа, а порой и драгоценных металлов. Иногда они благосклонны к людям, но чаще капризны и злобны. Среди простого народа Шетлендских островов вера в их существование до сих пор распространена повсеместно. На соседних Фарерских островах их называют фодденскенланд, или подземным народцем, и Лукас Джекобсон Дийбз, хорошо знакомый с их природой, уверяет, что они обитают в местах, оскверненных пролитой кровью или какими-либо особыми греховными деяниями. У них есть нечто вроде государственного устройства, по всей видимости, монархического (*Примеч. авт.*)

¹⁰⁵ Крупнейшая порода тюленей, избирающих для своего пребывания самые глухие и уединенные убежища. См. «Шетлендию» доктора Эдмондстона. Т. П. С. 294. (*Примеч. авт.*)

лежал теперь у его подножия, почти касаясь воды. Норна тоже опустилась на камень, футах в трех от юноши, и завернулась в свой плащ, оставив в виду только лоб, глаза и прядь седых волос, да и те затенял ее темный капюшон из домотканой шерсти. Затем она заговорила тоном, значительность и важность которого, столь часто свойственные безумию, боролись, видимо, с глубоко скрытыми силами какого-то необычного и тайного душевного горя.

– Я не всегда была такой, как сейчас, – начала Норна. – Я не всегда была мудрой, могущественной владычицей стихий, перед которой юность останавливается в смущении, а старость обнажает убеленную сединами голову. Были дни, когда при моем появлении не умолкало веселье, когда я разделяла людские страсти и несла свою долю человеческих радостей и горестей. То было время бессилия, время безумия, время беспечного и бесполезного смеха, время беспричинных и невинных слез. И все же, несмотря на все безумства тех дней, их горести и их слабости, чего бы ни дала Норна из Фитфул-Хэда, чтобы снова стать простой и счастливой девушкой, какой была она в юности! Слушай меня, Мордонт, терпеливо слушай, ибо никто еще не слышал моих жалоб и никто никогда больше их не услышит. Но я буду той, кем должна быть, – продолжала она, поднимаясь во весь рост и вздымая худые, изможденные руки, – повелительницей и защитницей этих пустынных, обездоленных судьбой островов. Я буду той, чьих ног без ее дозволения не омочит морская волна, даже когда ярость ее не знает границ: я буду той, чьей одежды не тронет вихрь, даже когда он срывает с домов кровли. Будь же мне свидетелем, Мордонт Мертон, ты, который слышал мои слова в Харфре и видел, как буря утихла от их звучания, будь мне свидетелем!

Противоречить Норне в минуту ее высшего восторженного порыва казалось Мордонту и жестоким и бесполезным, даже если бы он был вполне уверен, что перед ним лишенная рассудка женщина, а не могучая заклинательница.

– Я слышал, как вы пели, – сказал он, – и видел, как ослабела буря.

– Ослабела! – воскликнула Норна, грозно ударив о землю посохом из черного дуба. – Ты говоришь не всю правду, она сразу же стихла, быстрее, чем дитя, которое баюкает нянька. Но довольно, ты знаешь мое могущество, но ты не знаешь – смертные не знают и никогда не узнают, какой ценой обрела я это могущество. О Мордонт, никогда, даже за ту необъятную власть, которой гордились норвежцы, когда стяги их развевались от Бергена до Палестины, никогда ни за какие блага нашей земной юдоли не отдавай душевного мира за величие, подобное величию Норны! – Она снова опустилась на камень, закрыла лицо плащом и, судя по судорожным движениям, вздымавшим ее грудь, казалось, горько плакала.

– Милая Норна, – начал Мордонт и остановился, не зная, какими словами утешить несчастную женщину, – милая Норна, – снова повторил он, – если на душе у вас лежит какая-то тяжесть, не лучше ли вам пойти к нашему достойному пастырю в Данроснессе? Говорят, что вы вот уже много лет не бывали там, где собираются все христиане, а это нельзя назвать ни похвальным, ни правильным. Все знают, что вы умеете врачевать телесные недуги, но когда болен дух, тогда следует обращаться к врачевателю душ.

Норна, которая до того сидела, опустив голову, сначала медленно выпрямилась, потом внезапно вскочила на ноги, откинула назад плащ, протянула руки, на губах ее появилась пена, глаза засверкали, и она воскликнула голосом, похожим на вопль:

– Как! Это ты говоришь про меня? Это меня ты отсылаешь к священнику? Разве ты хочешь, чтобы несчастный умер от ужаса? Мне – пойти в молитвенный дом? Разве ты хочешь, чтобы крыша обрушилась на головы невинных молящихся и кровь их смешалась с молитвами? Мне, мне обратиться к небесному исцелителю? Разве ты хочешь, чтобы дьявол открыто, перед лицом небес и людей потребовал свою добычу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.